

УДАЧНАЯ НЕУДАЧА *Синего цвета*

ЕЛЕНА СТЕФАН

Annotation

Я — жертва божественного раздолбайства, душу ухватили не ту, тело оказалось не тем, мир достался какой-то странный, здесь не ценят солнце. Хотя плюшки тоже есть, например, молодость и здоровье. И если я хочу наладить новую жизнь по своему вкусу придётся пиарить одного Солнцеликого недоросля. А в этом деле без власть имущих никак. Но мир не без добрых...э-э, разумных.

В тексте есть: магия, сильная героиня, бытовое фэнтези

- [Удачная неудача Солнцеликого](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Часть 3](#)
 - [Часть 4](#)
 - [Часть 5](#)
 - [Часть 6](#)
 - [Часть 7](#)
 - [Часть 8](#)
 - [Часть 9](#)
 - [Часть 10](#)
 - [Часть 11](#)
 - [Часть 12](#)
 - [Часть 13](#)
 - [Часть 14](#)
 - [Часть 15](#)
 - [Часть 16](#)
 - [Часть 17](#)
 - [Часть 18](#)
 - [Часть 19](#)
 - [Часть 20](#)
 - [Часть 21](#)
 - [Часть 22](#)
 - [Часть 23](#)

- [Часть 24](#)
 - [Часть 25](#)
 - [Часть 26](#)
 - [Часть 27](#)
 - [Часть 28](#)
 - [Часть 29](#)
 - [Часть 30](#)
 - [Часть 31](#)
 - [Часть 32](#)
 - [Часть 33](#)
 - [Часть 34](#)
 - [Часть 35](#)
 - [Часть 36](#)
 - [Часть 37](#)
 - [Часть 38](#)
 - [Часть 39](#)
 - [Часть 40](#)
 - [Часть 41](#)
 - [Часть 42](#)
 - [Часть 43](#)
 - [Часть 44](#)
 - [Часть 45](#)
 - [Часть 46](#)
 - [Часть 47, последняя](#)
-

Удачная неудача Солнцеликого

Елена Штефан

Часть 1

Как же я устала! Мне опротивело все, моя работа, на которой старательно досиживаю последние недели до пенсии, мой задрипанный город, который по недоразумению является областным, мой лишний вес, которого ровно в два раза больше, чем мне положено при ста шестидесяти трех сантиметрах роста, моя травмированная в детстве левая нога, которая живет своей жизнью и пытается попасть во все неровности древнего асфальта. Уж давно пора изменить мне своё бытие.

Почему-то верилось, что пенсия одарит такой возможностью. Если объективно разобраться, то я клубок противоречий. Технарь, есть основания верить, что неплохой, но в литературе всегда отдавала предпочтение всякого рода фэнтези. С детства хорошо и с удовольствием готовила, но некого кормить. Неплохо вязала, но забросила, потому что на мой размерчик — это чудовищно долго. Да и не нужно, зарплата заместителя начальника цеха позволяет шить у неплохого мастера. Карьера на заводе, моя гордость, но и от нее я устала и на это есть причина.

В наш цех назначили новое начальство, молодой функционер, всего тридцать три года, заряженный на получение результата любой ценой, карьерист, которому нет дела до технологических и производственных особенностей. И, тем более, до людей. И опыт мой ему совсем не нужен. Даже мешает, потому что мне ничего не стоит аргументировано доказать — очередные бредовые требования технологически невозможны. С цифрами доказать, ибо подсчеты всегда делала в уме, оперируя шестизначными числами пошустрее калькулятора. Вот такой вывих мозга. Врожденный.

С предыдущим начальником у нас был сработанный тандем: я — на хозяйстве, а за ним — представительские функции в заводоуправлении и прочая связь цеха с внешним миром. Работяги меня всегда недолюбливали, но уважали, надо полагать, заслуженно. За их интересы я дралась как кошка за котят, но и с них спросить умела и не стеснялась, за это меня за глаза прозвали Коброй Львовной. Так или иначе, но цех всегда был с премией.

И все было бы хорошо, если бы наш начальник, наш Батя, не

скончался от сердечного приступа прямо на рабочем месте. И теперь его должность занял молодой и наглый, который демонстративно вычеркивает на календаре числа, оставшиеся до моего увольнения. Ежу понятно, что ни дня лишнего он несговорчивую «замшу» рядом не потерпит. А иначе бы и незачем увольняться, что мне дома делать? И теперь я подыскиваю себе альтернативное занятие, соответствующее своим физическим данным. Одна надежда на компьютер, с которым благодаря нашему штатному программисту, неплохо лажу. Надежда вполне обоснованная, потому что первый, весьма удачный опыт уже есть.

Дома все как всегда, график жизни отлажен давно и поминутно. В маленькой хрущевской квартирке все кругом устроено под мои нужды, и попрекать за не протертую пыль или собравшуюся стирку никто не будет, строгая мама уж полтора года, как покинула меня, дожив до весьма преклонного возраста и одарив всеми причитающимися старческой немощи проблемами. Она любила меня самозабвенно, за великой своей любовью не желая видеть, что забота ее не нужна и в тягость. Именно благодаря этой неприятной особенности родительницы, вырастившей меня без мужа, и читать-то начала с раннего детства, запоем, скрываясь от реальности за страницами и томами, погружаясь в чужие миры и вымышленные страсти.

С тех пор как в мою жизнь вошел компьютер и читательские возможности возросли, желание выходить из дома без острой нужды сошло на нет.

Сегодня вечер пятницы, мое самое любимое время и очередной батл с одним завзятым книгочеем на одном из самиздатовских сайтов, а потом сеанс связи с однокашником из Калининграда, ему я помогаю с рекламной кампанией его фирмы. Для этого придуманы несколько слоганов про мебель, тема мне близка профессионально, всю жизнь работаю с деревом. А на старости лет пробило на рифмоплетство, вот же ж. Однажды, попытавшись поддразнить, я послала давнему приятелю, который маялся с открытием очередного филиала поздравлялку Эргономика и вкус. Ваш дом мебели «Векрусс». И понеслось. Реклама шкафов купе получилась удачной настолько, что ко мне стали обращаться калининградские коллеги моего приятеля и даже платили какие-то деньги. Это давало надежду, что на оплату коммунальных услуг я смогу заработать и на пенсии. С тех пор словари

синонимов возглавляли список закладок в моем буке.

В эту субботу у меня запланирована Большая Уборка.

Дверь в дверь снимают квартиру две девчонки-студентки и частенько прибегают за хлебом-солью. Раз в месяц они помогают мне с уборкой везде, где я в силу хромоты и веса добраться не могу. Верхние полки, карнизы, плафоны, ну и остальное, зацепом. За денежку, разумеется. Полтора часа они тратят на уборку всей квартиры, а потом мы дружно обедаем, всегда с вином и красивой сервировкой. Нам нравится эта игра. Таня и Аня — девушки из глубинки, работающие и уважительные, ладить с ними очень легко. Девки откровенно меня поджаливали, ну-ка, пожилая, хромая, одинокая, я им не мешала себя жалеть, зачем? Молодые они, разницу между свободой и одиночеством им пока не осознать. В своей квартире, с буком перед глазами, я была свободна и независима и от возраста, и от прочих проблем. Им пока не понять, но мне нравилось иногда с ними общаться, все-таки женского общества немного не хватало. В цеху женщин мало, крановщицы да нарядчица. Подчиненные. Да и неинтересно совсем с многодетной баптисткой и разбитными разведенками.

Приятельницы, конечно, были и, даже довольно близкие, но у них своя, семейная жизнь, втягиваться в которую мне категорически не хотелось. Подружки — это одно, а их мужья и дети — другое. Было у меня подозрение, что мой психологический возраст весьма ниже номинального, потому как приятельницы были изрядно меня помладше, одной даже тридцати не было. Что она искала в общении с охочей до едкого стеба, мастодонтихой, я не понимала.

Дочка той подружки, которая постарше, пятнадцатилетняя Дашка, была моей крестницей и время от времени по субботам, после уборки, норовила пустить в моей квартире корни, угрожая вождеденному покою. Я позволяла ей все на свете, кроме поползновений на мой бук. Терпела несуразную рваную музыку и плохо зарифмованный рэп про «люблю-немаагу», который Дашка почитала за откровения высших сфер. Кормила ее чем попросит, и вообще, всячески баловала. Дашка, уникальное существо, когда она была маленькой все спрашивала, почему я не фея, если я крестная. Феи должны быть красивыми, а не такими вот... Как объяснить ребенку из условно-религиозной семьи, что такое крестная? Пришлось сказать, что это такая запасная мама, на всякий случай, пусть будет. Про всякий случай Дашка уже понимала,

потому что папа ее на тот момент давно слинял в закат. Хотя, что там греха таить, я тянула больше на бабушку, чем на маму и это веселило меня невероятно. Именно Дашка просветила крестную по поводу соцсетей, инет-серфинга и браузерных игр на деньги. Последнее, впрочем, было пресечено так жестко и резко, что была звана Коброй и оставлена в покое на месяц. Не то чтоб я сильно печалилась последнему обстоятельству, но было неприятно, хоть поступила абсолютно правильно. Её мама, сорокапятилетняя Катя и по совместительству ведущий технолог моего производства, потешалась надо мной от всей души.

— А ты как хотела подростка воспитывать, — натурально ржала подруга над моим недоумением и обзывала уклонисткой от благого детородного дела. — Радуйся, что я тебе крестницу, а не крестника родила. Это сейчас ты бантики в стразах и джинсики в дизайнерских дырах спонсируешь. А был бы парень, правили бы нами три «Г» — гормоны, градусы и грубая сила, и оплачивала бы ты от меня тайком покупку презервативов.

Вот зря она так, моему старшему крестнику, сыну задушевной, оставшейся на всю жизнь единственной, институтской подруги сейчас под тридцать. У него своих детей уже двое и младший брат-подросток под опекой. Подруга моя тоже Нина, умерла, отдав все жизненные силы на вторую беременность. Младшего сына она называла не иначе как «киндер-сюрприз». Как не противились мы, ее близкие, и врачи, которые волосы на себе рвали, Нинка настояла на сохранении поздней беременности. Ради второго мужа. И как результат, ослабела до тяжелой инвалидности. Умерла, когда сынишке было девять, а старшему двадцать четыре, умерла, едва дождавшись старшенького из свадебного путешествия. Через два года скопытился от паленой водки ее муж, который так хотел ребенка, скотина. Я до сих пор по Нинке тосковала, крестнику помогала всем, что он готов был принять от меня. Но парень получился гордым в мать и говорил:

— Тетечка Ниночка, я знаю, что ты у меня есть, этого хватит, остальное я сам.

Блямкнул рингтон, оповещающая, что прилетел очередной мэйл. Вовремя он. Эти воспоминания, грозили гарантированным сплином дней на несколько. Опа, пакет инфы на рекламу. Чего? Чая? Отлично! Надоело уже рифмовать консоли с антресолями и шкафчики с

красавчиками. Грамотно ребята поступили, картинки баннеров прислали с маркировкой места под текст. Теперь понятно про что и сколько буковок на каждую картинку. Очень хорошо, а то, бывало, придумаешь отличную рифмушку, аж самой нравится, а художник заказчика начинает блажить, что слова на изображение наползают и его гениальное художество не видно. А так, как мне платят меньше, чем художнику, то и переделывать мне. Да, определенно, берусь за этот заказ. Чай, это интересно. Одно только сочетание «черный байховый» будоражит воображение. И циферки в проекте контракта весьма приятные, хотя за такую работу настоящим рекламщикам платят куда как больше, я узнавала. Зато мои слоганы ценят за «искренность и интеллигентность», во! А еще за дешевизну и своевременность, потому что в работе у меня всегда только один заказ, это принципиально.

Вот и занятие на выходные, просто отлично. Как раз Дашка просила денег на концерт какого-то рэперского бойз-бенда, а к такой значимой тусе понадобится обновка, это как пить дать. Катька закатит неминуемый скандал, но держать девку около своей юбки я ей нипочем не давала. Пусть Дашка еще маловата для подобных вояжей, но, во-первых, когда она повзрослеет я не смогу делать ей такие подарки, денег не будет. А во-вторых, если этой проныре засвербело, то она все равно окажется на том концерте, так лучше пусть легально и с разрешения, чем тайком и очень сомнительной контрабандой.

Часть 2

Понедельник — день тяжелый! Кто это сказал? Памятник ему! Особенно тяжел понедельник в разгар эпидемии гриппа. Фиг с ним, с гриппом, мужики в выходные занимались профилактикой заболевания и так старались, что на работу вышли не все. А тех, кто появился, к станкам подпускать нельзя через одного. Поголовное похмелье разной степени нетрезвости. Бесплезная пятиминутка с бригадирами закончилась быстро, так или иначе, работать почти некому. Теперь надо как-то пережить мучительную планерку у начальника цеха.

Пока шла к кабинетам оглядывала нездорово' тихий цех понимала, что все, дни родного производства сочтены. Вот мой любимый надежный-пренадежный фрезер, настолько старый, что в это трудно поверить, 1905 года выпуска. Станина вся в виньетках, произведение искусства, а не станина, каслинское литье отдыхает. Остальное ненамного бодрее, что оборудование, что люди. Кому нужны модельщики, способные рубанком и стамеской сделать модель любой отливки, от булавки до шестиметрового махового колеса? Теперь есть три-Д дизайнеры, которым и чертежи-то читать не нужно уметь, компьютер сам все сделает, только циферки правильно забейте. А у меня самый молоденький модельщик лучше компьютера чертить способен и в объемное изделие эти почеркушки превратить, а с единственным на весь регион модельщиком седьмого разряда сам Генеральный первым раскланивался. Но цех необратимо устарел, так когда-то на смену конюшням пришло автогаражное хозяйство, а из названия завода «АРСЕНАЛЪ» навсегда исчезла буква «Ять». Если набраться мужества и сказать себе правду, то мне с пенсией очень крупно повезло, я не увижу, как мое лелеемое хозяйство канет в лету.

Вот, наконец, очередной день закончен. Долгожданная маршрутка приняла меня в свое нутро, впереди сорок минут пути и можно почитать с телефона. Интересная героиня попалась, попаданка, которая говорит про себя «живу долго, читаю много, память хорошая». Хи-хи, как это про меня. Фэнтези — моя страсть. Вот такой вот отдых от заводских реалий. Поскорей бы домой, и продолжить уже с нетбука, сидя в удобном кресле. Эх, всегда любила читать книжки, которые пишутся на

глазах у изумленной публики и комментарии оставляла, если было что сказать.

Водила — явно укуренный, гнал так, что на многочисленных поворотах я едва не слетала сидения, это с моей-то биомассой! Даже держаться приходилось, благо расположиться удалось на одиночном месте у двери, там поручень рядом, а что творилось в задней части салона, подумать страшно. Какое уж тут чтение! От этих виражей и болтанки разболелась голова. Сильно. Да сколько можно-то кишки из пассажиров вытряхивать!

— Водитель! — Получилось весьма громко, привыкла перекрикивать работающие станки, — сбавьте скорость и прекратите лихачить! — Меня неожиданно поддержали робкие голоса пассажиров, в ответ этот утырок газанул и, отвернувшись от дороги в салон, прокричал:

— Что, тетка страшно? Ха-ха-ха! А ты зажмурься и едь, быстрее доедешь!

По глазам резанул свет фар встречной фуры, заверещала пассажирка на переднем сидении, водила начал лихорадочно выкручивать руль вправо, но явно не успевал. Мы выскочили на встречу. Мозг истерично отслеживал траектории, возможную нашу и тяжелой машины, на пути которой мы оказались. Никаких шансов. Сейчас столкн... скрежет тормозов...неимоверно сильное вдавливание в кресло, как будто на меня сел слонопотам... бздынкнуло стекло... разрывающая боль в правом глазу, вялая мысль «осколок или сосуд лопнул»?...резкий толчок по ходу движения, хруст ключицы, встретившейся с поручнем, это инерцией меня швырнуло вперед и вниз...еще удар, теперь в бочину салона, от удара дверца отъезжает и меня головой вперед со страшной силой вышвыривает на соседнюю полосу...визг тормозов...краткое безумие боли...темнота.

Очень рада, что заглянули.

Как сильно я надеюсь, что вы задержитесь здесь до конца!

Как мне страшно вас разочаровать или подвести.

С вашей помощью я надеюсь написать эту историю, более того я очень в вашей помощи нуждаюсь. И в форме лайков, и в форме тапок, не говоря уж о комментариях и наградах.

Если я увлекусь описаниями, водится за мной такое, как

выяснилось, укажите мне пожалуйста, буду искренне признательна.
Любая конструктивная критика приветствуется.

С уважением, ваша Лена.

Часть 3

Господи, как голова трещит, во рту кошачий туалет, а смрад стоит такой, что защипало язык при попытке подышать ртом. Почему под моей щекой черный кожаный рукав? Утром же достала любимую зеленую ветровку, потому как похолодало. И кожанка была только в молодости, коричневая. Пощупала обшлаг рукава — кожа бронебойная. В поле моего расфокусированного зрения попали мускулистые пальцы с траурными ногтями. Ну, как бы я ни была ленива, но за руками следила исправно, это не мои пальцы, тогда почему я ощущаю все шершавинки на старой изрезанной столешнице? Шевельнула мизинцем, палец с обкусанным ногтем дернулся, с перепугу сжала кисть в кулак — сжался, следовательно — это моя рука, а кто тогда я? Ха-ха, Нина Николаевна, дочиталась сказочек, на яву гредишь? Да кто там толкает и треплет, уйй, больно... бедные мои мозги... Голову удалось немного повернуть, если бы точно не знала, что последний раз пила спиртное полгода назад, я бы подумала, что это жесточайшее похмелье. Что-то острое больно ткнулось в шею прогнав эту потрясающе конструктивную мысль, чья-то рука, не слишком осторожничая, зашарила у меня за пазухой, там, где в мужских костюмах обычно бывает внутренний карман. Так, кажется, меня пытаются обшмонать, угрожая чем-то острым у шеи. Бред, ей-богу! Я что, все-таки напилась и сплю? Классный сон, на редкость реалистичный!

Страх не было, были рефлексy и пьяный кураж. Перехватить руку, шарящую за пазухой, удалось легко, как следствие, нажатие на шею усилилось и причинило отрезвляющую боль, вот теперь стало страшно. Не сон. Только руки с траурными ногтями жили независимо от впавшего в кому самосознания. Не-ет, это не я, я бы так никогда не поступила, просто не додумалась бы! Рука, которую, я по недоразумению ощущала своей даже не попыталась отделаться от заточки у шеи, эта рука лениво упала со стола и вдруг весьма не ласково схватила незадачливого грабителя за промежность. Эта ручка, судя по запоминающемуся размеру, сок из лимона выдавит двумя пальцами без особого напряжения. Господи, какие лимоны? О чем я думаю? Вообще-то, эта как бы моя ручка сильнее сжала пальцы в жестком цанговом

захвате...ну что попало, это как бы мои глаза смотрели на корчащегося мужичонку с пьяным добродушием, это я пьяно-тягуче потребовала:

— Спой цветик, не стыдись, то-оненько пой, как Робертино Лоретти, — и ребячливо хихикнула, — ну давай, милоч, постарайся... я-яма-айка, я-яма-айка... — Пьяный, дико фальшивый напев на русском, да и вся эта фраза, во мне самой вызвала отвращение, даже в затуманенной головушке немного прояснилось. А уж какое впечатление мы с жалким мужичонкой произвели на окружающих!

Окружающих? Твоё ж волшебное число «пи»! Что за дикость меня окружает? А эти рожи? Да по сравнению с ними запорожцы с картины Репина — истинные интеллигенты! И плятятся так нехорошо. Ох, кажется, сейчас меня будут бить. Басурманские угрозные выкрики становились все громче. Смысл воплей доходил до сознания туго. Кто-то разжимал мои пальцы, которые все еще трудилась над здоровьем незадачливого воришки. Ой, да, отпустить же! Освободившийся от захвата мужичок, завывая, повалился на пол и это сработало, как пусковая пружина. В мою сторону ломанулся здоровенный детина, дожидаться, пока он до меня доберется не стала, вскочила, ну, постаралась вскочить, плеснула в рожу недопитое. Детина заорал. С подвывом. Заорешь, если в глаза крепкое спиртное попадет. Шатаясь, он толкнул подавальщицу в чепчике, у бедняжки и шанса увернуться не было. В чепчике? Так, это потом, потому что в меня кто-то запустил глиняной кружкой поздравнее стандартной пивной. Не-не-не, я драться не хочу, я не умею...зато это тело, кажется, умеет, хоть оно пьяное в дупель, но рефлексы... Кружка отбита, проморгавшийся детина что-то скомандовал толпе и получил от меня тычка основанием ладони в нос. Заваливаясь, он опять сбил незадачливую официантку. Как в замедленной съемке, я видела, как девушка, падая на пол, задевает виском угол стола, падает и больше не шевелится. Это ужасное зрелище меня так поразило, что я позволила огреть себя сзади. Под черепушкой вспыхнул новогодний салют, ноги ослабли, руки вяло замолотили воздух. Падение поручилось комфортным, лежащая на полу девушка приняла на себя мой вес. Третий раз из-за меня страдает, проползла снулая мысль. Увесистый пинок по ребрам ясности ума не прибавил. Сквозь меркнувший фейерверк я услышала:

— Выбросьте обеих на улицу. Наймичка на холоде очнется. А девка

— нежилец, да и ладно, все равно я уволить ее собрался. Одно хорошо, расчет давать не придется.

— А если у таверны труп найдут, а Сото?

— Да на эту наймичку и подумают. Искать Ниану некому, одна она. Все обойдется, а если что, концы в воду.

Всполохи в голове окончательно угасли...

Почему я лежу на земле? Ох, как холодно. И очень темно. Над головой — звезды, яркие и крупные, совсем чужие. Любопытно, я на ночное небо уже лет пять не глаза не поднимала, что там можно увидеть, с моей-то компьютерной близорукостью? А тут вдруг такая красота, что я на несколько минут забыла, что замерзала.

Попытка встать не увенчалась успехом, потому что на мне лежало тело, рука, обтянутая знакомой черной кожей давила на ребра, это я смогла рассмотреть, приподняв голову. Фух, все-таки это не моя конечность, уже хорошо. От натуги боль в черепе вспыхнула с новой силой, хорошо, хоть руки свободны, нащупать на затылке шишку удалось не сразу, мешала какая-то тряпка, странно, я никогда в жизни не носила платков, не клицу они мне. Чуть выше виска тоже обнаружилась жгуче болезненная припухлость. Резь в двух нащупанных шишках отрезвила и заставила соображать, ибо не только больно, но и холодно. Итак, шишек две, над виском и на затылке. Про затылок понятно, это меня небрежно выкинули. А на виске почему? Это же та девушка с именем похожим на мое об стол треснулась, а болит у меня. Почему?

Вот это мне пригрезилось, однако, кабак, драка, Робертино Лоретти, ой стыдоба какая, это что моя неосознанная тайная мечта — взять за... У-уй, это, что было?

Точно, я же попала в аварию и меня выкинуло под колеса машины, вот и объяснение болям. Хорошо меня приложило, качественный бред получился. Однако, от этих раздумий меня отвлекли.

Клин довольно яркого света привлек внимание — это приоткрылась дверь, прям шинок из фильма «Вечера на хуторе близ Диканьки». Из-за двери доносились пьяные крики и звон посуды. А вокруг густая темнота.

Тело шевельнулось, тяжело задышало, утробно забулькало. Ой, ой, ой только не это! Выползти из-под приподнявшегося туловища посчастливилось в последний момент, иначе меня неминуемо бы

заблевали. Встать на этот раз удалось удивительно легко. Очень удивительно и очень легко. С моим весом? Да ладно?! Я шагнула было ближе к свету, но чуть не завалилась снова, наступив на длинный подол. Пока я ловила пошатнувшееся равновесие и не менее пошатнувшееся мировосприятие, тело в черной коже тоже попыталось встать. Эта пьянь взбиралась по мне, как по столбу. С грацией сонной панды и с той же скоростью. Я даже рискнула потянуть ее вверх, надеясь, что если помогу, то меня, может быть, не уронят. Обошлось.

Тут то и выяснились, что эта пьянь, действительно эта. Под курткой обнаружились изрядные такие, совсем немускулистые округлости. Пьянчужка была более чем на голову выше, что позволило ей опереться на меня, как на костыль. Что-то весьма твердое болезненно давило под ребро, скоренько ощупав причиняющее неудобство нечто, я было подумала на рукоять меча или кинжала, но откинула эту мысль, как несостоятельную. Ну зачем женщине меч, ведь не нужен, правда же? Вот же ж, дылда, тяж-ж-желая. Пришлось обхватить её за талию, а там, на другом боку, обнаружилась парная рукоять. Это открытие мне совсем не понравилось, но на обдумывание времени не было. Дылда вполне осознанно двинулась к приоткрытой двери, ну и я вместе с ней. Попытка войти успехом не увенчалась, в дверном проеме стоял амбал, который явно не имел намерений впускать нас вовнутрь.

— Вам сегодня хватит, госпожа, приходите завтра, когда отдохнете. — Тон амбала был вполне миролюбив, — идите, госпожа, идите. И ты Ниана, ступай, хозяин тебя уволил. Сказал, что ты недостаточно расторопна и покладиста. Не можешь с пьяными ладить не берись.

Это он ко мне обращается? Это меня только что уволили? Из харчевни? Ибо, то что находилось за спиной амбала, могло быть только низкопробной харчевней.

— Уходи, Ниана, мне жаль, но тебя велено не пускать. Я очень рад, что ты ожила, но не нарывайся. Сото приказал вас обеих выкинуть. Когда вы сознание потеряли. — Ничего себе тут нравы, в голове не укладывается. Госпожа, меж тем, пыталась пройти сквозь амбала, не выпуская из цепкой лапы моего плеча. Эдак она мне сломает что-нибудь. Или погнёт.

— Плащ заберу и уйду, и не приду сюда больше, — я с трудом поняла пьяную дикцию «госпожи», — лучше добром плащ отдай, а то

спалю эту хибару. Погреюсь заодно.

Дылда противно хихикнула, и, не удержав равновесия, начала заваливаться вперед. А дальше все произошло очень быстро и очень пугающе. Амбал вскинул руку, чтобы поддержать падающих нас, дылда попыталась от него отмахнуться и на ее указательном и безымянном пальцах, растопыренных буквой V, полыхнули языки огня сантиметров по семь. Кто-то внутри помещения, видевший эту картину, заверещал:

— Дайте вы ей, чего она там хочет, удумали тоже, пьяного мага злить. Спалит же всех и не вспомнит завтра.

Поздравляю Нина, ты попала! Угу, в аварию попала, да душа мимо чистилища пролетела, хватит уже, пора проснуться.

Пьянчужка ухмыльнулась, пламя на пальцах вспыхнуло ярче. Я стояла ни жива не мертва, потому что не могла отвести взгляда от огня и остро осознавала, что всё-таки попала. Во всех смыслах попала, главное — попала под горячую руку неадекватной магичке.

Плащ, похожий на рыцарский, сыскался быстро, амбал даже накинул его на плечи госпоже, ну и меня укрыл заодно, дылда так и опиралась на мои плечи, похоже, даже не осознавая, что рядом кто-то есть. Под защитой плаща стало значительно теплей, меховой подбой не пропускал холод. Магичка побрела куда-то, по-прежнему неосознанно опираясь, ну и я с ней. Пригрелась, к весу спутницы немного притерпелась и, наконец, смогла обдумать то, что со мной произошло.

Часть 4

Ну, что Нина, ты попала, и попала, похоже, аж два раза. В первый момент я точно была вот в этом самом теле, которое шагает сейчас рядом, уж очень знакомая курточка, и несколько мгновений она была на мне. А потом удар, бессознанка и имеем то, что имеем, а что имеем — непонятно.

Картина мира просыпалась кучкой мелких пазлов и восстановлению не подлежала по причине отсутствия первоисточника. По поводу попаданства страдать не получалось, не вполне осознала еще. Даже тускло обрадовалась несмотря на то, что оказалась холодной ночью в неизвестной реальности рядом с пьяной магичкой, весь внешний вид которой, говорил о том, что она — воин. Меч и кинжал наличествуют, одежда на ощупь настолько плотная, что приходит на ум слово «доспех».

Молчим, топаем, каждый шаг отдается болью в затылке и виске. Дорога явно идет в гору. Похоже, что мы поднимаемся от реки, просто раньше это как-то не осознавалось. Сырость, промозглый холод, специфическая вонь стоялой пресной воды. Однозначно река или большое озеро, а наличие низкопробного питейного заведения намекало, что на берегу имеется большая пристань, или даже речной порт. Хорошо, что меня уводят прочь. В голову лезла несусветная чушь: я радовалась, что не придется праздновать юбилей. На работе меня настырно разводили на сабантуй, приходилось отшучиваться, мол, хотите отпраздновать избавление от меня, растакой язвы и зануды, за мой же счет? Обломитесь теперь! Эта мысль необычайно грела душу, просто до эйфории. А уж как я радовалась за своего начальника, которому теперь придется хоронить ненавистную бабу! Глупость какая, несусветная, немыслимая глупость, наверное, защитная реакция на общий шок от происходящего, потому что ни ужаса при мысли о своей смерти, ни трепета перед неизведанным, ни даже неудобств от разрыва шаблона не было. Был страх замерзнуть и так и не узнать, куда я попала и зачем.

Дорога под ногами была ровной, без колдобин, но крутой, поэтому шум кабака уже стих, хотя мы прошли всего ничего. Больше

информации для размышлений не было. Значит, попробуем проанализировать ощущения. Итак, что мы имеем, очевидно, что мне досталось молодое и сильное тело, если судить по тому, что я иду себе в гору и иду, не задыхаясь, да еще немалый груз на плечах несу. Язык понимаю. Это весьма существенный бонус. Остальное приложится, если удастся в ближайшее время не скопытится во второй раз. Или уже в третий?

Резюмируем, главная задача — выжить. А это означает крыша над головой и пропитание. Средств к существованию Ниана, то есть я, лишилась, ее выкинули, как отработанный шлак, без денег, без теплой одежды, да еще и голодную. У девицы должно быть какое-то жилье и какое-то прошлое. Но надо ли мне это? Как тут, собственно, относятся к попаданкам? Вопросы роились и множились, а между тем подъем закончился и укатанная грунтовая дорога сменилась мощеной. Появился серп луны, подсветивший землю мертвенными лучами. Было в этом что-то зловещее.

Брусчатка втекла на какую-то площадь, в центре которой стоял памятник, окруженный невысоким парапетом. Спутница моя явно настроилась туда присесть. Я было воспротивилась, ведь если эта пьянь завалится, мне эту бой-бабу не поднять, а без ее плаща — как. Если она заснет, то ей и в плаще — как, температура, по ощущениям, очень минусовая, да еще влажно.

Памятник оказался неработающим фонтаном, за парапетом плескалась вода, которой моя спутница явно вознамерилась попить. Да и пусть ее, лишь бы не спала, хотя у меня волосы вставали дыбом от брезгливости. Дождавшись, пока дылда напьется, я решительно вернулась на свое место под плащом, продрогла за полминуты.

— Ты кто? — Смотри-ка, очнулась. Голос хоть и хрипловатый, но вполне приятный и уже без пьяных обертонов. А вот к диалогу подготовиться не додумалась, плохо, Нина, очень плохо.

— Я — твоя измученная совесть! — Зачем я так недружелюбно? Вот характер, бязательно надо надерзить, когда нечего сказать. — Нина я. Меня из-за тебя с работы выгнали. Так что за тобой должок, магичка.

— Как ты смеешь! Да я тебя прибую за такое нахальство! — вяло возмутилась моя спутница. Справедливо возмутилась, согласна, но не убедительно.

— Ну прибьешь, и что дальше? Скажи спасибо, что я тебя от самой

таверны волокла. А могла бы бросить и плащ забрать. Это, между прочим, из-за тебя меня в одном платье выкинули.

Жаль, что сидели мы спиной к луне и разглядеть выражение лица собеседницы не удавалось. Длинное молчание разбавлялось дыханием, разогретое подъемом на гору тело стало стремительно мерзнуть без движения и я рискнула заговорить:

— Пошли, что ли, дальше, холодно.

— А некуда дальше, меня тоже с работы выгнали, — последовал вялый ответ.

— А живешь ты где?

— Похоже, нигде. А ты?

Такой простой вопрос и такой сложный на него ответ. Неожиданно для себя самой, я отважилась. Мои спонтанные решения всегда были удачными, всегда! Может, и сейчас повезет? В крайнем случае намекну, что дамочка сильно пьяна и ей пригрезилось.

— Я тоже нигде. Тебя как зовут?

— Кириарнисса. А ты Ниана, я тебя помню.

— Я предпочитаю Нина, а ты, если не возражаешь, Кира. — В темноте права качать не так страшно, усмешка так и лезла на лицо, хорошо, что меня не видно.

— Ты слишком смела для простой подавальщицы из портовой таверны, — угрозы в тоне Киры не чувствовалось.

— А я не Ниана, Кира. И, уж точно, не простая! Я из другого мира.

Судорожный вдох в темноте, минута томительного молчания, и, наконец, магичка выдохнула, на ее пальцах опять полыхнул огонь, осветивший наши лица. Так мы и застыли, глядя друг другу в глаза, меряясь взглядами, сканируя друг друга, пытаюсь определиться с отношением к противнику?...соратнику? Одутловатое от пьянства, большеротое лицо особой симпатии не вызывало, но выбора-то все равно нет. Да и спокойная она, если еще не прибила, то, может, и обойдется?

— Так, — прервала патовый поединок взглядов Кира и погасила огонь, темнота сразу стала гуще, лишь слегка белели кисти рук, не укрытые плащом, — так. Погоди-ка чуть-чуть.

Она по особому сложила пальцы на обеих руках, лишь мизинцы торчали. Выпрямила спину, из-за чего одно мое плечо лишилось теплого укрытия, глубоко вздохнула и резко выдохнула облако едва

видимого в темноте, но сногшибательного белесого смрада. Я бы поклялась, что этот перегар можно поджигать, настолько удушающей была вонь. От кашля плащ с плеча сполз еще больше, а эта дылда хрипло хихикнула и зажгла светлячок.

— Заклинание протрезвления. Такой вот побочный эффект, извини. — Она разогнала облако вонючей рукой, стало легче. — Теперь я способна тебя выслушать, говори. — Приказной тон выбесил мгновенно. На приказы у меня аллергия, деспотичная мамуля постаралась.

— Вот что, Кира. Со мной очень легко договориться, но приказы не исполняю, эффективнее просто попросить. — Пауза, которую мне пришлось взять, чтобы вернуть самоконтроль над вспенившимися эмоциями, придала весомости моему неоправданно смелому заявлению. — Но! Раз начала, все расскажу, только давай устроимся где-нибудь, где тепло.

Кириарнисса глубоко задышала, это было хорошо слышно в ночной тишине, все-таки я ее разозлила, эту амазонку. У нее меч, у нее плащ, без которого мне кранты, и меча не надо, а я тут развяньгалась, как в родной слесарке после пятиминутки, вот дура.

Не знаю, что подействовало на мою потенциальную спасительницу, то ли безапелляционный тон, то ли она не протрезвела до конца и ей были до звезды взбрыки странной служанки, но она заговорила вполне спокойно, даже обреченно как-то.

— Из казармы меня поперли, а на гостиницу денег не наберется, наверно. — Вот же ж, она такая же бездомная, как и я. И никакой реакции на мою иномирность.

— Долго квасила?

— Что квасила?

— Такое выражение, пьянствовала долго?

— Не знаю, но обязательно узнаю. Встань-ка. В плаще было зашито немного золота. Может, я его не все спустила?

Интересный способ прятать деньги от самой себя, одну монету Кира нашла за меховым подбоем на спине, а вторую — в воротнике. Находка ее явно взбодрила.

— Деньги, это хорошо. Да где их сейчас разменяешь? Ни на одном постоялом дворе мне сдачи не дадут с большого кергона. А вот прирезать могут. — И, видя, что я не понимаю, махнула рукой, — потом

объясню, деньги нам сейчас не помогут. Ночь, никто не впустит все равно.

И за деньги не впустят? Странно, однако, но меня удачно отвлекли от расспросов. Помимо двух монет, очень крупного, как я поняла, достоинства, во внутреннем кармане, который трудно назвать потайным, обнаружился свиток какого-то документа.

Документ мы читали, укрывшись плащом и сотрясаясь от крупной дрожи. Читать я умею, это радует. Но этому обстоятельству можно поудивляться и потом, сейчас важно другое. Документ оказался дарственной на какой-то особняк.

— Тьма вас всех задери! Что за дрянь мне подсунули?!

— Почему дрянь? Разве особняк — это не решение вопроса ночевки? Он что, очень далеко?

— Я эту дарственную в кости выиграла. Еще удивлялась, что тот мужик отыгрываться не стал, — бормотала Кира, не слыша моих вопросов, — вот гаргулий потрох! Встречу — прибью!

— Кира, ты почему злишься? Особняк, это же хорошо!

— Хорошо, если только это не легендарный дом семьи Фукеш.

Последовало витиеватое ругательство. Местные идиомы изучу потом, а сейчас мне просто холодно. Даже здравый вопрос о том, кто и по какой причине перетащил мою душу в этот мир, легко удавалось затолкать на задворки сознания. Не до этого.

— Если там тепло, то меня все устраивает. Пойдем. Это далеко?

— Ниана, — голос дылды был таким проникновенным, как будто меня готовились посвятить в нечто сакральное, — все, кто владел этим особняком в последние сто пятьдесят лет помирали через несколько дней после того, как пытались его занять. Торопишься на тот свет?

— Аащц, — зашипела я раздраженно.

А думать она не пробовала?! Одна ночь! Еще неизвестно сколько часов холода и тьмы, их надо как-то пережить. Сама же сказала, что те люди гибли за несколько дней. Уж одну ночь перетерпеть можно, лишь бы в тепле. Значит, будем убеждать несговорчивую подругу по несчастью.

— Насколько велика вероятность того, что мы погибнем в этом особняке за одну ночь, а Кира, подумай? И сколько шансов у нас выжить на улице? Ведь еще нет и полуночи, я правильно понимаю? — Мы инстинктивно прижимались друг к другу все теснее. От каменного

парапета тянуло стылостью даже через меховой подбой, а ноги мучительно мерзли.

Кира посмотрела на небо, обернулась на луну, чему-то нахмурилась и решилась.

— Вставай, скоро поднимется ветер. Надо пройти эту улицу побыстрее. Ты права. Дом хотя бы от «лунного дыхания» защитит.

Не даром это ночное светило казалось зловещим. Лунное дыхание, это ветер? Задавать вопросы придется потом, рослая амазонка взяла такой темп, что разговаривать было некогда, потому что приходилось практически бежать, одной рукой стискивая полу плаща, а второй — контролировать непривычно длинное платье, чтобы не упасть. Кира, заметив мои затруднения, помогла подоткнуть подол за пояс передника. Это позволило несколько увеличить нашу скорость. И вовремя, ветер, несущий холодную колючую пыль, крепчал. Мы куда-то свернули, потом еще разок, и уткнулись в кустарниковую изгородь. Высокие, гораздо выше Киры, густо переплетенные, не знавшие секатора, скрюченные ветви пугали. Странное место. Занесенная пылью, но торная дорога упирается в эту преграду и заканчивается. А логичнее было бы — в ворота, или калитку.

— Потерпи чуток, — Кира на несколько мгновений, оставила меня без плаща. Этого хватило, чтобы на ветру продрогнуть до окаменелости, в одном платьишке-то. Плащ вновь оказался на моих плечах, а амазонка орудовала мечом, как мачете, воюя с ветками. Кустарник заплел вход. Мы, кажется, все-таки пришли.

Решетчатая кованая калитка распахнулась от мощного пинка, меня резко втянули за черту изгороди. Показалось большое строение. Может, оно и было зловещим, но этого я не видела, потому что мы со всех ног мчались к ступеням крыльца. Входные двери не заперты, но разбухли, створка поддавалась нашим совместным усилиям не сразу и мы, все-таки, вошли. Надо признать, обошлось без приключений, что настораживало. Я чувствовала некую душевную смуту, но на это имелась куча причин, и дом, скорее всего, ни при чем. Было по-прежнему холодно, но ветра нет, уже счастье.

Часть 5

Большая комната, встретившая нас сразу от входа, несомненно, была прихожей. Не знаю, почему я так решила, но это неважно, потому что надо скорее отойти от двери, дует. В золотистом, таком живом после лунной мертвенности, свете магического светляка открылась картина удручающего запустения. В следующем небольшом помещении неведомого назначения сохранились остатки какой-то мебели, все та же вездесущая пыль и спертый воздух. Почему-то, особенно острое удивление вызвали окна. Точнее, удивительная целостность стекол. Пока я пялилась на невиданные ранее переплеты, искусно выполненные из металла, очень надеюсь, что не из свинца, Кира опять взялась за меч, пытаясь разрубить абсолютно целый стул, но потерпев неудачу, досадливо хекнула и деревянный стул занялся резвым огнем. Хорошо, хоть пол каменный.

— Кира, с ума сошла! Гаси скорее!

— Ты же сама просила потеплее, — явно довольная собой амазонка протянула руки к огоньку.

— Да мы тут от угара задохнемся через пару часов! — Кажется до моей спасительницы дошло. Один короткий взгляд в сторону окон и веселый огонь погас. Сразу стало невыносимо грустно, едва ли не до слез. Что за странные всплески эмоций? То, как рыба снулая, то раздражение ничем не обоснованное. Глупость какая, сейчас найдем печь или камин и будет у нас огонь, обязательно будет! Только тягу проверить надо. И помещение, желательно, поменьше, чтоб прогрелось быстрее. Пригодного для сжигания хлама было немало, но и бездарно тратить его глупо. Стоило заняться осмысленной деятельностью, как раздражение исчезло, как рукой сняло.

Наконец, мы расположились в скромной по размеру комнате. В ней был камин. Лучше бы печка, конечно, от нее тепла больше, ну, как говорится, не до жиру. Зато в каминный зев удалось целиком впихнуть останки невысокого табурета. Меч, это вам не топор, им дрова рубить трудно. Кира, знакомая с устройством местных каминов проверила тягу, правда способ мне показался варварским. Она запустила в трубу что-то магическое. Посыпалась какая-то труха, не опознаваемый хлам, кусочки

веточек и перья. Видимо, это было птичьим гнездом.

Ну, вот и огонь! Воистину, животворящий Огонь! Напряжение потихоньку отпускало. Потянуло в сон, но спать было никак нельзя, до безопасной температуры комната прогреется часа через два, не раньше. Топливо надо подбрасывать постоянно, не поленья ведь так, хлам всякий. В ближайших комнатах мы собрали все, что может гореть, давая тепло, и даже нашли большой ковер в приличном состоянии, правда, дотащить этого гиганта удалось с трудом: тяжело, неудобно и очень пыльно, зато перед камином устроились, можно сказать, с комфортом. Четыре слоя плотной шерсти хорошо защищали от стылости пола.

Наконец, уселись и устало замолчали каждая о своем. Холод отступал, зато подступали мысли: кто меня сюда перетащил, что за это потребует, будет ли помогать? Или я — жертва непонятной интриги, обреченная выживать своим умом? Вот этот позитивненький посыл и примем за точку отсчета. Как-то слишком легко я приняла свое попадание, как будто книжку сама про себя читаю, с той лишь разницей, что ощущения более чем реальны, остро хочется попить и подремать с устатку, а не обдумывать грядущие задачи. А задачи не изменились, мне по-прежнему нужны еда, теплый кров и доход, причем существенный. Единственным консультантом и источником информации в настоящий момент была моя товарка по несчастью.

Сидит со мной плечо к плечу, делится своим теплом и своим плащом. Она может ответить на многие мои вопросы, о государстве, о деньгах, о власти, о магии. Просто о мире. Если здесь маги обычное дело, то может есть и другие расы? Вопросов тьма. Да и сама Кириарнисса весьма интересна, суций комок противоречий. Вооружена, сильна и тренирована, значит, боец, а если боец, значит, есть характер. А вот проявлений характера как раз так-таки было немного. Слишком легко шла на поводу, стоит обратиться к ней поувереннее. Это я просекла, еще когда топливо по комнатам собирали, спеленутые одним плащом. Она легко отдала мне бразды правления и подчинялась. Бери, поворачивай, несем, отдыхаем, распоряжения выполняла беспрекословно, как дрессированная.

Чтобы не спать, надо разговаривать, я не так уж много рассказала о себе и не против расспросить амазонку ну хоть об этом особняке, для начала. Мы здесь точно около часа, но ничего угрожающего, пока не произошло, а паниковала она вполне искренне, интересно, почему?

На мои попытки завязать разговор Кира не велась, что-то ее не на шутку тревожило. В свете огня из камина удалось девочку, наконец, рассмотреть. Скуластое юное лицо было вполне приятным, с некоторым налетом восточно-азиатской изящной миловидности, но это странно контрастировало с ее ростом и мощностью. И общим стилем экипировки. Даже небрежно собранные волосы, скрепляло нечто, что вполне могло оказаться оружием. Женщина-воин разговаривать никак не хотела. Все что удалось узнать о ней сводилось к фразе.

— Я наемница. Была. — И на этом ша. Кира становилась мрачнее и мрачнее, сжималась и все сильнее замыкалась в себе. Казалось, ее свирепо терзают внутренние демоны. Она вздрагивала и к чему-то прислушивалась, растревожив меня не на шутку. Надо либо разговорить ее, либо заставить лечь и заснуть. Наша подстилка из вчетверо сложенного ковра вполне позволяла вытянуться во весь рост и поместиться двоим. Да только грязь раздражала неимоверно. Вот как на это лечь? В комнатке, где мы устроились стало достаточно тепло, чтобы перемещаться без плаща, потому я довольно резво, несмотря на затекшие от сидения на полу ноги поднялась, на мне ведь передник, он всяко чище, чем пропыленный ковер, вот его и подстелим под головы.

Пока крутилась, оглядывая себя, в поисках застежки или завязок, краем глаза уловила белесое свечение, зависшее точно над моей спасительницей. Это что за фигнетень такая? Пока вглядывалась в этот феномен, передник оказался в руке, и я взмахнула им, как если бы полотенцем отгоняла осу. Кира взвилась, как пружина, лязгнули освободившиеся от ножен клинки и с воплем:

— Умри, тварь, ты не получишь моей крови, — добрых восемьдесят кило литых мускулов метнулись ко мне. От внезапного ужаса коленки мои подогнулись, сидя на корточках и прикрыв голову руками, я взвизгнула. Набравшее инерцию атакующее тело пролетело вперед и, запнувшись об меня, шмякнулось на пол ничком.

Ждать, пока внезапно сбрендившая наемница перегруппируется и кинется в атаку опять было глупо, надо драпать, и я рванула в сторону выхода из комнаты. Новое тело двигалось резво, и, похоже, имело навык таких вот побегов, но это не особо помогло. Инстинкт самосохранения заставил обернуться.

Время замедлило свое течение, я отчетливо видела, как между ладонями Киры зарождался сгусток огня размером с крупное яблоко,

как подсвеченные снизу, исходящим от рук свечением, черты лица искажены ужасом и яростью, как отрывается от ладоней хозяйки окончательно сформированный огненный снаряд и начинает движение в мою сторону. А мне не до него, потому что я, странно скованная, вместо того, чтобы бежать, смотрела на давешнюю белесую дымку, неожиданно обретшую некий внятный контур.

Женщина, прозрачная, но в то же время реальная. Одета в нечто настолько многослойное, что это угадывалось даже сквозь прозрачность. Именно она руководила Кирой, именно она пыталась сковать страхом мое тело, а файер все летел, летел и летел прямо в меня. Вот пахнуло горячим пыльным воздухом, вот кожа лица уже ощутила жар, вот ужас захолонул сердце...и оцепенение спало, а вместе с освобождением пришел адреналин, включили в голые инстинкты. Вместо того чтобы бежать, тело развернулось, руки вскинулись в защитном жесте, выпрямленная рука с открытой вертикально вверх ладонью засветилась сизоголубым и встретила файер, как ракетка встречает бадминтонный воланчик. Время опять остановилось. Огненный сгусток на мгновение замер и, подобно детскому мячику, отскочившему от стены, отправился в обратный путь, но не к амазонке, а как и положено, слегка изменив траекторию. Теперь огнешар летел прямо в призрака. Дама, казалось, приняла забаву и устремилась навстречу гибели, но это было обманчивое впечатление. Огонь просочился сквозь эфемерный образ не задерживаясь и врезался в стену за спиной все еще сидящей на полу Киры, стек по каменной кладке и угас. Стало несколько темнее и тем ярче выглядело свечение на моей ладони. С еле слышным шелестом, в котором угадывалось нетерпеливо-сладоострастное:

— Даа-аай! — Прозрачная женщина приближалась, мой протравленный техногенным мировоззрением мозг не успевал за событиями, а тело стремилось выжить.

Как из энергии, обтекающей кисть моей руки, как хозяйственная перчатка, сформировался шар, каким образом эта рука запустила им в сторону призрака, я так и не поняла, но дамочка налетела на клубящийся синим шар, вздрогнула в пароксизме и... стала более плотной. Не настолько, чтобы сквозь нее не было видно поднявшуюся на ноги напуганную Киру, но значительно плотнее.

Фантомная дама стремительно развернулась ко мне спиной,

метнулась к моей подруге и зашелестела:

— Сожги ее, сожги, сожги, — похоже, факелом предстояло стать мне. Ну уж дудки! Я еще не посмотрела на этот мир!

Главное, не дать появиться новому огненному шару, от второй атаки я могу и не защититься, черт его знает, как это вышло в первый раз. Похоже, Кира пришла немного в себя и сопротивляется влиянию призрака, но слабо и неуверенно.

— Кириарнисса! Прекрати немедленно! — Ого, экий у Нианы голосочек...убедительный. Кира приняла менее настороженную позу и заозиралась, не понимая, что происходит, а дама все шелестела, требуя меня спалить. — Кира, девочка, слушай только меня, борись, это привидение, оно тобой манипулирует, борись. Слушай только меня!

Громко высказанный приказ возымел действие, а призрачная дама полетела прямо в мою сторону, руки опять взметнулись в инстинктивной защите.

— Я не призрак, не призрак, не призрак! — обиженно шелестела она речитативом.

— Ну а кто ты? — признаться, мне это было все равно, но пока дамочка болтает, она не влияет на Киру, а потому будем поддерживать беседу.

— Ду-ух этого дома!

— Ну дух и дух, нападать-то зачем?

— Дом мой, мой, мой — Призрак завис в полуметре, я чувствовала легчайшие эманации энергии, как будто открытую ладонь к экрану телевизора поднесла. — Да-ай! Дай еще силы!

Мама дорогая, о чем она толкует?

— Зачем тебе сила? Ты призрак, тебя уже нет, давно-давно нет, — что за ахиною я несу? Да без разницы, главное — не молчать.

— Я ду-ух! Дом мо-ой! Я его хранитель!

— Да какой ты, к черту, хранитель, развела тут грязь!

— Нету силы, нету силы, да-ай!

— Да как я тебе ее дам, силу эту? Вот привязалась!

— Сырая сила, в тебе сырая сила, да-ай!

— Сара Фукеш! — с благоговейным ужасом послышалось со стороны моей девицы, похоже, кое-кто пришел, наконец, в себя. Привидение резко развернулось к говорившей, что меня совсем не устраивало, Кира слишком легко поддавалась влиянию.

— Отлично! Привет, Сара! — От этого жизнерадостно-идиотского тона у самой зубы сводило, — рада познакомится, я Нина, а это...

Дамочка встрепенулась, многослойность распушила, и ринулась на меня, обдав шлейфом «статического электричества». Ну так воспринималась эта щекотка на лице.

— Холопка, — прошелестело гневно уже из-за спины, — как сме- ешь! — И ринулась снова.

Да вот так и смею, физически она причинить вреда не может, ни мне ни Кире. Вон как пролетает, накрывая собой, как плотным туманом. Даже дышать не мешает. И к ее устрашающей тактике я нечувствительна, девочку, правда, она запугать сумела. Суметь-то сумела, да удержать ее в этом подконтрольном состоянии не смогла, я помешала. Кира уже скинула оцепенение, на лице усталость и удивление.

— Прекрати Сара! Хватит метаться! Остановись, поговорим! — как об стенку горох, у меня под чепчиком уже волосы наэлектризовались, а она все мечется вокруг, — Сара, ты зря растрачиваешь силу! Не будь дурой!

Привидение нависло надо мной в угрожающей позе, руки в боки, многослойные одежды колышутся, локонами пышной прически потряхивает, ну-ну. Пусть тешится, я хомячков не боюсь.

— Не с-смей! Я — благочинная супруга Геона Фукеша, министра финансов! А ты холопка!

— Ты была, Сара, ты была супругой, быть может, даже и благочинной. А сейчас ты просто призрак, слабый никчемный жалкий призрак! — Стыдно бить по больному, но надо же как-то ее разговорить, а то она покою не даст.

— Я ду-ух этого дома, дух хранитель!

— И для кого ты его хранишь, эту развалину?

— Это не рас-свалина, это гнес-сдо семьи Фукешш! Это мой дом, мой! Никому не отда-ам!

— Ну не дашь? И дальше что, зачем тебе старый дом? У тебя же нет тела?

— Силы мало! Силы мало! Да-ай!

— Это синенькую энергию? Ладно, дам, не жалко, — фантом затрепетал и подлетел близко-близко, — но объясни сначала, что будет, если ты получишь силу?

— Пришлось сделать пару шагов в сторону, все-таки ее близость неприятна.

— Двери запру. Силы мало. Вы вошли. Силы мало.

— Ничего не понимаю! Сара, объясни толком! Зачем ты пугала Киру?

— Страх, это сила! Как сырая магия, только слабая, надо много страха! Много силы — сильный дом!

Наконец-то до меня дошло. Этой неупокоенной нужно не для себя, она как-то сохраняет дом от разрушения. Защита ослабла, поэтому мы беспрепятственно вошли.

Слово за слово, мне при помощи Киры, которой были известны некоторые слухи, удалось разобраться, что дом в таком очень неплохом, даром что грязном состоянии, потому что еще при жизни Сара Фукеш, вторая жена тогдашнего министра финансов при местном короле, была магичкой посильнее многих. Детей супруг ей не подарил, всю нерастраченную заботу хозяйка отдавала благоустройству этого особняка, опутывая защитой от всего на свете и накачивая его своей магией.

Этот дом госпожа Фукеш любила самозабвенно и после смерти пожилого супруга получила в наследство. Жизнь потихоньку наладилась, но старший сын от первого брака с таким решением отца не согласился, потребовал от молодой мачехи дарственную на дом и запер бедняжку в одной из темных комнат без еды, воды и в полной изоляции от магии. Там она в скором времени и скончалась при непонятных обстоятельствах, вот так и произошла смена собственника. И тут черные риелторы доморощенные, похоже, во всех мирах люди одинаковы. Владение особняком несправедливого наследничку впрок не пошло. На семью, переехавшую в уютный и ухоженный особняк, посыпались несчастья, в основном связанные с расстройством психики его жильцов. И через десятилетие изрядно поредевшее семейство переехало, продав недвижимость по сходной цене, утаив, что в доме поселился весьма недружелюбный Дух.

Так и повелось. Новые владельцы через несколько месяцев перепродавали дом опять и опять, уже полторы сотни лет. Наконец, по городу стала гулять купчая, на которую никто из местных уже не зарился. Она-то и оказалась у Киры. Разумеется, бесхозную собственность пытались прибрать к рукам, но Сара выживала всех.

Притязатели выметались через несколько дней, оставив в этих стенах свое здоровье. Оно и понятно, на методы Сары мы уже полюбовались. Если Киру за пару часов так скрутило ужасом и галлюцинациями, то что творилось с людьми, которых Сара доила несколько дней? В принципе, Духу все равно, из каких эмоций брать силу, но страх и гнев возникают чаще и держатся дольше, а значит, они просто доступнее. Сколько человек может бояться или злиться? Да круглые сутки. А радоваться?

Вопрос вопросов, не пытались ли бедняжку отсюда выкурить другие маги, задавать пока не ко времени. Даже если и пытались, то ничего не вышло, вот оно доказательство висит в метре от пола и не сводит с моих рук призрачных глаз, а мы с Кирой занимаемся довольно неприятными экспериментами, она пугает меня своим огнем в надежде вызвать появление синего свечения.

Попутно Кира поясняла, что сырая магия, это первичная энергия, к использованию магами непригодная. Мир полон энергиями стихий, которые используются местными волшебниками, а первичная, на то и первичная, что не «делится на фракции», так я для себя расшифровала путанные объяснения. Что до меня, то я оказалась магом — инвалидом. Вроде маг, но магичить не могу. Силы из пространства способна хапнуть немеряно, если судить по тому, как лихо я отбила огнешар, только преобразовать ее во что-то путное — нет! Ну, разве что, защиту поставить да голодного духа подкормить. Обидно. Но сейчас важно не это. Сейчас важно, что я не могу выполнить обещание и поделится силой с оголодавшей Сарой. Эта мысль огорчает, лишая концентрации, которой от меня требует моя самостийная учительница.

— Захоти! Попробуй просто захотеть, — прикрикнула амазонка, теряя терпение и в раздражении увесисто шлепнув меня по щеке, заметив, что я неуместно задумалась. Да меня даже мать не била, тем более по лицу! Захотеть, говоришь? Кира сдавленно пискнула и отскочила юрким вараном, потому что засветились не только руки, все открытые участки кожи сияли незамутненной синевой газовой конфорки. Злость сразу прошла, осталось любопытство и радость. Эта синенькая штука была вполне осязаемой, ласковой, и не думала гаснуть.

А как передать ее Саре, которая кружила вокруг, нетерпеливо нашептывая «дай-дай-дай»? Прошлый раз я запульнула сгустком, помнится. Подчиняясь наитию, потеряла ладошками, как будто мыльную пену с рук собирала, слой, еще слой и еще, вот на моей ладони клубится

синевой ком вполне материальной субстанции размером с голову младенца, а это побольше, чем предыдущая порция.

— Сара, — я протянула энергошар, — нам надо отдохнуть, а завтра снова попробуем, хорошо?

— Да-ай!

— Хорошо, Сара? — дождалась неохотного, но уверенного кивка изящной прозрачной головки, — если ты не будешь нас выгонять, я буду давать тебе силу регулярно. — И отправила сгусток в полет.

Часть 6

К утру стало холодно и неудобно. Эх, опять я во сне скинула одеяло и подушку на пол. Вот уйду на пенсию и налажу, наконец, сон. Все, давно пора встать, организм требует внимания к своим нуждам, сова я там или не сова. Не открывая глаз попыталась спустить ноги с кровати и отбила пятки. Боль вынудила окончательно проснуться и открыть глаза, взгляд уперся в подернутые пеплом, но еще яркие угли в зеве камина. Вдох-выдох, вдох-выдох.

Значит, не приснилось. Вчерашние события, сначала разрозненно, а потом уже более упорядочено всплывали в памяти. Вспомнила все, кроме одного. И почему я вчера радовалась этому злосчастному попаданству? Грязно, голодно, холодно, хочется пить и совсем не хочется разбираться со спящей за спиной амазонкой. Вспыхнуло неоправданное ничем раздражение, ведь если бы она не стянула с меня плащ, я бы не мерзла и еще спала, а не сидела на полу с задравшейся юбкой разглядывая странные штанишки, заправленные в грубые тканевые носки до колен. Этот удивительный предмет удерживался на ноге крест-накрест завязанными тесемочками. Из задворок памяти выплыло слово «опорки». Почему опорки? Это ведь обувь, кажется? А где моя обувь? Вчера так и не удосужилась посмотреть, скинула, укладываясь, и все.

А чего я ожидала? Какая обувь могла быть у служанки в таверне? Нормальные башмаки, крепкие, подошва из очень толстой кожи. Ну и что, что на галоши похожи? Вчера по брусчатке топала, и ничего, никаких неприятных ощущений. Бежала — не свалились. Отличные башмаки, других пока все равно нет. Вот с юбкой повезло меньше. Старенькая, серо-бурая, ужасная, но теплая. Жакет из той же ткани, а под жакетом расшитая странной символикой блуза, перехваченная, кожаным ремнем-полукорсетом. Так вот что мешает мне сидеть!

Моя возня разбудила Киру, она заворочалась, медленно просыпаясь, потом подхватила сразу на ноги и заозиралась, с настороженной дичинкой в глазах.

— Доброе утро, девочка, — здороваясь, тоже поднялась и, не дожидаясь ответа, потребовала, — помоги-ка это снять, пожалуйста.

Ну не знаю я, где у этого кожаного бесполезного извращения застежка! Амазонка зашипела было «как ты смеешь», но быстро все вспомнила. Да и я не позабыла, что с ней надо вежливо, но твердо.

Корсет удерживался банальными крючками и шнуровкой. Непростая вещь: гладкая, совсем не затертая, узорчатая тисненая кожа, изнутри мягкий теплый подклад, а за подкладом что-то прощупывается. Кира быстро нашла потаенку. Несколько монет, затертое письмо и хитро сложенный длинный узкий лист плотной бумаги, украшенный печатями и вензелями, гласил, что подательница сего, Ниана Коррэш, вдова Арона Коррэша, двадцати шести лет от роду, долги своего покойного супруга выплатила и перед казной обязательств больше не имеет. Итак, моя предшественница — вдова.

Не знаю, повезло ли реципиентке, а мне — однозначно да. Затертое письмо было прощальным. Почивший супруг сообщал бедняжке — жене, что в надежде на обогащение нанялся магом сопровождения на большое судно. Уходит в море на заработки и просит его простить на случай, если он не вернется. Между датой на письме и датой на документе три года.

— Коррэши — старый род, — прошелестело сверху.

Ага, вот и наша бесплотная подружка объявилась. Мне казалось, что вчера, после подкормки синенькой энергией она была поплотнее, или это дневное освещение так влияет?

— Доброе утро, Сара. Что ты о них знаешь? — Очень актуальный вопрос, потому как столкнуться, тем более, объясняться с «родственничками» мне совсем не хотелось.

— Старый род, богатый на магов, но не слишком знатный. — Сара спустилась пониже, подчиняясь моему требовательному жесту, ну неудобно мне стоять задрав голову к потолку. Кажется, фамилия Корреш произвела на нее впечатление.

— Если муж Нианы был магом, то почему он был бедным? — Я, конечно, не знаю возможностей здешних магов, но мне почему-то казалось, что владение магией — это верный источник дохода, так, по крайней мере, это преподносилось в книжках про попаданцев.

— А почему ты говоришь о себе, как не о себе? — Сара впервые проявила иную, отличную от злобы, эмоцию, ей было любопытно.

— Ты же подслушивала вчера нас с Кирой, неужели не поняла? — Пока собирали топливо по ближайшим комнатам, я урывками

рассказывала о себе, выполняя обещание.

— Не подслушивала, стану я слушать всякий бред! — призрачные одежды колыхнулись, сообщая о недовольстве хозяйки.

— Я из другого мира, Сара, и это не бред, а реальность. Кириарнисса мне верит.

— Бред! Это просто старые легенды о пришлых с изнанки мира, хотя врешь ты складно, — ну, не верит и не надо, зато говорить стала наша прозрачная дамочка куда осмысленней. И на контакт идет. Это вчерашнее кормление так повлияло или когнитивные функции восстанавливаются в ходе общения? Надо будет расспросить про эту «изнанку мира», но сейчас о насущном.

— Сара, покажи нам, пожалуйста, где в твоём замечательном доме можно умыться и сделать прочие важные утренние дела?

Казалось, что такой простой вопрос привел нашу фантомную хозяйку в ступор. Она замерла, всем своим видом демонстрируя непонимание. С чего бы?

А с того, что она забыла, пришла неожиданная догадка, она, бедняжка, забыла, что у живых есть потребности весьма утилитарного свойства.

— Сара, дружок, там очень нужно в туалет, — господи, я разговариваю с ней, как с идиоткой! Нашла способ укрепить контакты, молодец, Нина! Наверное, «потребности» в голову стукнули.

— Ты сердишься, — заявило это воплощение гостеприимства, — мне так не нравится!

— Прости, дорогая, я сержусь на себя, потому что проявила нетерпение. Прости. Но нам действительно, срочно нужна туалетная комната.

Сара всплеснула кружевными рукавами в жесте, который читался, как «ну, конечно же, как я не сообразила», и поплыла в сторону выхода, да так резво, что нам с Кирой пришлось поднажать, чтобы не потерять ее из виду.

По пути я заметила некоторые изменения в обстановке, но обдумывать пока не получалось, мы добрались до светлой комнаты размером с мою квартиру. Спальня, на что недвусмысленно указывало наличие большого подиума, выполнявшего роль ложа. Комната была похожа на музейную экспозицию, красиво и безжизненно.

Кира, молчаливая моя, уже открывала дверь, на которую ей было

указано. Ни за что бы сама не догадалась, даже если бы знала о ее существовании, настолько хорошо дверца была замаскирована. А за дверцей были вожаделенные удобства. Даже ширма, прикрывающая стульчак от прямого взгляда, была цела. За нее и юркнула Кира, она-то лучше разбирается в местном комфорте. Зато я заметила вполне узнаваемую чашу для умывания, а из стены торчала не менее узнаваемая трубка водовода с рычажком открывания. Неужели водопровод? Неужели Сара смогла сохранить его в рабочем состоянии? Неужели мы сможем освежиться? Про полноценное мытье разговора нет, холодно, тем более, что ванны, корыта, бассейна, да любого предмета, позволяющего это сделать, не наблюдалось.

Есть вода! Есть! И не просто вода, а теплая вода! Я чувствовала себя настолько счастливой, что даже не дала себе труд задуматься об этом феномене. Умывание и возможность напиться привело и меня, и Киру в хорошее настроение.

— Вы радуетесь, — объявила хозяйка уверенно, — почему?

— Потому что нам нравится быть умытыми. Погоди, погоди, дорогая, ты чувствуешь наши эмоции? — Очевидно же, что да, но хотелось подтверждения, которое и последовало. У Сары были на диво выразительные жесты.

— Ты сильно радуешься, Кира радуется меньше. Она грустит.

Вот же ж, я балда! Совсем забыла, что девочка потеряла работу и считает, что у нее все плохо. Из-за разницы в росте заглянуть в лицо высоченной амазонке не составило труда, как она ни отворачивалась. В тёмно-синих глазах клубилась тоска.

— Кириарнисса, — я постаралась использовать интонацию, с которой выгоняла мужиков из курилки, — мне нужна теплая одежда. Предложения есть?

Мда, с требовательностью я, по ходу, переборщила, вона как бедняжка во фронт вытянулась. Голосочек-то в этом теле, будь здоров, однако. Впредь надо бы попридержаться. Ткнулась амазонке в кожаное плечо лбом, в молчаливой просьбе простить за невольную резкость, заглянула снизу в глаза, мол говори, я жду ответа и тихо порадовалась, что тревога из этих странных раскосых глаз ушла.

— Можно купить плащ, а можно сходить в таверну забрать ваш старый, ведь была же у вас одежда?

Вот это номер, с чего вдруг амазонка мне «выкает»? Неужели

командный тон ее так пригнул? У девочки явные проблемы. Надо будет поговорить с ней.

— Кирочка, а ты думаешь, мои вещи из таверны можно выручить? Было бы здорово, денег больно жалко на покупку новых. — Уяснив конкретную цель, амазонка приободрилась, а я все еще стояла рядом, прижимая ее локоть к себе, дескать, вот смотри, какая я маленькая, чего ты испугалась?

— Сото, старый брыщ, конечно, отпираться будет, но попробовать можно.

Сото, это хозяин таверны? Тот, который выкинул несчастную служанку зимнюю ночь на верную гибель? В душе вспенился такой гнев, что бесплотная Сара отшатнулась, уловив мой настрой.

— Кира, я думаю, что Сото перед тобой очень виноват, очень! Тебе так не кажется?

— В глазах амазонки вспыхнуло понимание, по ярким губам зазмеилась улыбка, а рука поправила клинок. — Нет-нет, дорогая, убивать никого не надо, а вот требовать виру за моральный ущерб, полагаю, будет правильно. И никто тебя не осудит, даже те, кто стоит над Сото, правда ведь? В кабаке наверняка много еды, вот пусть и поделится. Старый брыщ.

Не знаю, почему, но была убежденность, что то, на что я толкала не в меру послушную девочку правомерно, слово это старинное еще вспомнилось, вира и аналог в чужом языке нашелся. Очень интересно. Не знаю, что такое брыщ, но очень похоже на прыщ.

Сара величественно плыла впереди, указывая нам путь к выходу, а меня вдруг посетила тревога, которую не стоило подавлять, иначе гадкие домыслы просто меня сожгут. Амазонка уже собиралась шагнуть со ступеней, но я придержала.

— Кир, ты ведь не бросишь меня? Вернешься?

Кириарнисса сурово глянула сверху вниз, хлопнула по плечу, да так, что я присела, развернулась и потопала саженными шагами к живой изгороди, в которой еще зиял узкий проход. Не знаю, что сделала Сара, но ветки раздвинулись, обнажая красивую широкую калитку.

Часть 7

Холод заставил метнуться в дом, именно тут я осознала, что «призрачность» хозяйки стала значительно заметнее, передо мной медленно плыла тень от тени, уводя вглубь коридора. И так ее жалко стало, вот уж буквально вкладывает всю себя в этот дом. Кожа на руках очень знакомо завибрировала, принесся всплеск радости, сила появилась без всякого напряжения, тускло светясь синим. Вот и еще один вопрос, свечение такое слабое, потому что день, или потому, что мой ресурс не успел еще восполниться?

— Сарочка, — позвала я довольно фамильярно, — подожди немножко. — И, догнав, сунула руки прямо в марево широких одежд, собирать энергию в шар мне показалось ненужным промедлением.

— Спас-сibo, — прошелестела хозяйка, — но больш-ше так не делай.

— Почему? Тебе было больно?

— Мне было хорошо, — после непродолжительного молчания ответила она, — но для тебя опас-сно.

— Почему? — Приятно, когда о тебе заботятся, но надо же разобраться. На производственной технике безопасности я в свое время зубы отточила и всяких пришлых инспекторов ими перекусывала.

— Потому что, вместе с сырой силой можно вытянуть и жизненную. — Сара заговорила уже вполне внятно, без шелеста. Значит, мои догадки верны, ее прозрачность и пришепетывание — прямые признаки слабосилия.

— Понятно, спасибо, что предупредила. Тебе еще энергии дать?

— Пока не стоит, у тебя больше нет. — И отвернулась.

А я вдруг заметила значительные изменения в обстановке. Было чисто. Как будто по комнатам прошли с мощным пылесосом. Пыли нигде не видно, стекла не сверкали, но стали вполне прозрачными и сквозь них лился солнечный свет. Не такой, как на родине, невыносимо слепящий, а как будто рассеянный. Отметив этот факт краем сознания и отложив его на полочку, куда складывала наблюдения для дальнейшего обдумывая, я рассматривала обстановку. До этой комнаты мы с Кирой вчера не добрались. К счастью! Здесь, вандалы вроде нас, не

отметились. Это столовая. Очень красивая столовая, с большой, человек на двадцать, обеденной группой, потемневшими от времени, резными, но не вычурными буфетами, еще одним камином, который так и просил, чтобы его затопили, со стенами, оббитыми шелковистой узорчатой тканью, и даже с легкими кружевными занавесями на окне. Подоконники были примечательными, низкими и широкими, как полка в плацкартном вагоне, манящими присесть и полюбоваться видом из окна. Но были задачи более насущные.

Во-первых надо окончательно закрепиться в особняке, а для этого заручиться твердой поддержкой Духа, а во-вторых, нечего бездельничать, надо найти кухню, уж это помещение всегда самое теплое в любом доме.

На мою просьбу Сара откликнулась с видимой неохотой. Ее можно понять, «сто лет одиночества кого» угодно сделают социофобом, но она нужна нам с Кирой. В том, что мы нужны бедняжке, сомневаться не приходилось, надо только приучить ее к этой мысли. Есть за что побороться.

— Сара, я еще раз спрошу тебя. — придерживать голос было трудно, привыкла работающие станки перекрикивать, а надо помягче, помягче, — ты больше не нападешь на нас? Ты позволишь нам с Кириарниссой жить в этом доме? Рядом с тобой?

Ох уж эта моя простодырость. Батя всегда пенял мне за чрезмерную прямолинейность, по этой же причине и в родном цеху не любили, и в верхних должностных эшелонах. Сара явно заволновалась, затрепетала одеждой, даже замерцала как-то, то удлинняясь, то становясь прозрачнее. Это так завораживало, что я едва не забыла, о чем спрашивала.

— Позволю! Позволю, если ты станешь меня подпитывать. Не буду пугать. Ты вкусно радуешься. Я забыла, какая сила в радости. — Решительная, однако, женщина! Ну вот не получается воспринимать ее иначе как человека. Она — личность.

— Конечно, дорогая! И подпитывать буду, и радостью поделюсь, — но так договоры не заключаются, нужно определиться с конкретикой, а потому решила уточнить, — а скажи мне, вчера ведь было много энергии?

Призрачная леди взлетела повыше, как бы пытаясь укрыться от моего требовательного взгляда. Она опять несколько уплотнилась,

поэтому мимика на ее лице легко читалась. Сейчас моя дамочка была в смятении. Весьма красивое лицо портили поджатые губы, как если бы она услышала что-то крайне неприятное и изо всех сил пытается сдержаться. Пауза затягивалась, но на ответе настаивать не стоит, мне бы тоже не понравилась подобное давление.

Все помещения, которые мы прошли, следуя одной Саре ведомому маршруту, стали чистыми. Ни следа былых пылевых барханов! Уважаю, на дело силу потратила. Да только сухая уборка в таком запустении, это не уборка. Комната с камином, в которой мы вчера ночевали была, как я сейчас поняла, постоянной жертвой случайных вандалов, которые следовали той же логике, что и мы с Кирой, а потом вандалы сами становились жертвами рачительного Духа.

Этот вывод пришел мне в голову потому, что комнаты в глубине дома сохранили свой изначальный облик, ну или близкий к тому, потому что кое-каких деталей, все же, не хватало: то штор, то люстры, то посуды в буфете, как в той столовой, которую видела раньше. По ходу, предыдущие «владельцы» порезвились, стащив все, что приглянулось. И опять поразила упорству, с которым Дух истинной хозяйки сохранял дорогое сердцу. И уже не было жалко тех, кто нарушал ее покой. Мои симпатии стремительно меняли вектор, и я уже злилась не на характерного призрака, а на тех, кто беспокоил ее, ничего не привнося, а только хапая.

— Сара, ты не отвечай пока, я неправа, я не стану тебя торопить с ответом. Просто позволь нам пожить здесь некоторое время, так уж получилось, что мы с Кирой теперь обе бездомные. Хорошо?

— Ты меня пожалела? — Бесплотные глаза смотрели мое в лицо с тревожным ожиданием. — Ты сейчас сильно кого-то жалела! Меня?

Ой, мама, я совсем забыла, что она эмоции угадывает, как собака чует съестное. Обидится? Или ей этого хочется? Или то и другое? Все равно не угадать, значит, только правда.

— Тебя. Ты столько вкладываешь в этот дом, а тут приходят всякие и гадают. Мне, правда, жаль. Мы ведь тоже мебель жгли, чтоб согреться. Прости.

— С-спасибо! Ты хотела солгать, но не стала, спасибо. — Сара отлетела в сторону и мне удалось протолкнуть побольше воздуха в легкие. — И за силу спасибо, ты щедра. Или цены этой силы не знаешь! Это было очень много!

— И тебе спасибо, что не солгала, — вот уж действительно, простота хуже воровства, мне мать так всегда говорила, — так сколько надо, чтобы ты не становилась совсем прозрачной? Меня это пугает, если честно, я не хочу твоих страданий!

— Я не с-страдаю сейчас. Сила нужна для дома, Ниана, чтобы подпитывать защитную магию, а для себя и эмоций хватит, я уже забыла, какая приятная энергетика у радости.

— Ну так давай договоримся, я стараюсь быть эмоциональной и делюсь время от времени чистой силой, а ты позволяешь нам с Кирой жить здесь, как в своем доме. Кстати, купчая-то на особняк у Киры есть. Она ее в кости выиграла!

Сара натурально застонала и опять стала истерически менять плотность, ну что же я сегодня такая...Концентрация бестактных перлов просто зашкаливает. Кому приятно узнать, что твой любимый дом проигран в примитивную азартную игру?

— Сарочка, а давай ты мне кухню покажешь? — самой противно от такой неловкой смены темы, но это сработало.

Кухня была огромной. А какой она могла быть, если в доме проживал не один десяток человек? Две большие раковины отметила сразу и в наличии воды убедилась незамедлительно. А как же? Нам с Кирой тут кушать, значит, даешь влажную уборку. Заозиралась в поисках подходящей тряпицы, а лучше, нескольких и совсем было решила пустить в расход свой чепчик, но Сара в ужасе остановила.

— Нет-нет, простоволосой никак нельзя! Запрещено!

— Кем запрещено? Мне тряпка нужна, помыть тут все, иначе мне еда впрок не пойдет.

— Храм запрещает! Теперь я верю, что ты не отсюда! Никто не смеет выйти простоволосым под солнце, запрет! Могут наказать, если решат, что это небрежение к завету Луноликой.

Вот теперь я вспомнила, что перед выходом Кира тщательно повязала голову каким-то подобием казацкого башлыка, эта штука прикреплялась к вороту плаща, ночью я ее просто не разглядела. Ночью, наверное, можно и простоволосой. А интересно, как я выгляжу в этом дурацком чепце, и, вообще, какая я теперь?

Зеркало нашлось, целая ростовая зеркальная панель в резной раме. Не слишком качественное, но это ерунда, не уродует искажениями и ладно. Все говорило о том, что это дамские уголья самой хозяйки дома.

Элегантный будуар знающей себе цену леди. Несколько разграбленный, правда.

— Вот тут был чайный столик, а тут...да что уж теперь, — вот ей-богу, или кто там меня сюда перетащил, бедная женщина переживала о своем доме больше, чем о неудачном посмертии!

Зато мое посмертие, ведь очевидно же, что той аварии мне пережить не удалось, было вполне себе ничего. Прямая противоположность мне прошлой, именно такая, какой всегда хотелось быть. Личиком я и в прошлой жизни довольна была, но и сейчас хорошенькой стану, если чуток отъемся и уберу этот сумрак из взгляда. Могу красавицей стать, могу остаться серой молью. Как захочу. В одном из ящичков туалетного столика нашелся гребень, аллилуйя!

Заплести косу труда не составило, только нудно это, последние сорок лет я носила стрижки и чем старше становилась, тем короче. А тут вот счастье привалило, темно-русое, ниже пояса. Расчесываясь, я обнаружила, что травмы мои исчезли. И шишак на затылке, и на виске припухлость. На руках ни одной ссадинки, которых было у Нианы в достатке. Что это, повышенная против привычной, регенерация, или это связано с тем, что я вчера сырой силой баловалась? Как интересно! Ох, когда я была в теле Киры, получила сзади по голове и словила пинок по ребрам. Как у нее там, тоже все поджило уже? Не забыть бы спросить. Так, работать пора, хватит на себя любоваться, ну глазки серенькие, ну носик, ну губки. Все равно, придется донашивать, что бог послал, или кто-то еще, пока неведомый, который меня сюда перетянул.

Часть 8

А теперь за дело. Хозяйка указала на шкаф со всяким столовым текстилем, есть, что на ветошь пустить. Господи, или тот, кто меня спас, это ж сколько же внимания к мелочам, силы и любви Сара влила в этот особняк, если за сто пятьдесят лет даже полотенца не истлели?

Первым делом я занялась большим столом, дело было нетрудное, магией Сара хорошо постаралась, но после влажной обработки появлялась свежесть. Магия, там или еще что, а пыль вездесуща.

Пока протирала доступные поверхности, присматривалась к печи, точнее, к дровяной плите. Похожа на ту, что была в деревенской хате моей бабушки. Даже съемные кольца в основной поверхности имеются, на той, куда кастрюли-сковородки ставить. Значит, разберемся, в молодости я научилась готовить на такой штуке, когда бабуля заболела и приходилось жить с ней то мне, то матери попеременно.

Посуды сохранилось немного, и вся такая неудобная, что просто жуть. Кажется, ее проектировали именно для того, чтобы создавать хозяйке проблемы. То объем на роту, то ручки нелепые, то форма дна такая, что, того и гляди, со стола покатится. Зато нашла несколько тарелок и двузубых вилок, пару ножей-тесаков с короткими широкими лезвиями, не люблю такие, и одну-единственную расписную ложку, такую странную, с короткой ручкой, как у китайцев, чтоб на стол ставилась. А еще нашлась штука, которая может заменить половник. Жить можно.

Пока работала, настроение улучшалось с каждым взмахом тряпки, ничего не болит, одышка не мучает, лепота! Незаметно стала напевать, а потом и вовсе петь не сдерживаясь. Дома-то я не пела, данные, как у павлина, только голову скрутить за такой вокал. А у бедняжки Нианы голосище был ого-го. Не Лара Фабиани, но не хуже, чем у Тamarочки Гвердцители, широкий, низкий, с небольшим расщеплением, все как мне нравилось. Вот я и голосила песенки из крокодила Гены и «Бременских музыкантов» да тряпкой наяривала, а Сара висела тенью рядом и спрашивала временами, о чем песня. Страданиями охраны моя хозяйка искренне забавлялась. Похоже, и впрямь положительные эмоции значительно «сытнее» ужаса и страха, вона какая плотненькая

стала, даже бровки видны.

— Ты хочешь спросить, — Сара неожиданно материализовалась передо мной лицом к лицу, — почему молчишь?

Нравится мне эта манера Сарина предложения строить. Коротко, по существу и очень искренне. Я еще и сама в своих желаниях не разобралась, вопросы не сформулировала, но раз предложили...

— Что за изнанка мира? — даже забыла, что хотела тряпку сполоснуть, так и замерла.

— Легенда. Но я не помню. Я слышала. В детстве. Что был странный человек. От ран умирал, совсем умер и ожил. Только все забыл. Зато говорил на неслыханном языке. Больше ничего не помню. — Одежки фантома совсем поникли.

— Не огорчайся дорогая, время все расставит по своим местам. — Разговор угас сам собой.

Хм, кажется, я поняла, почему изнанка. Другой мир — другая сторона, изнанка. Как говорится, подробности будут сообщены позже. Я не гордая и привыкла ждать.

В кухне было теплее, чем в других помещениях, не так стыло, уж не знаю почему. Но недостаточно тепло, чтобы снять жакет, а в жакете неудобно.

— Эх, протопить бы, — но скармливать топке прекрасную мебель я больше не согласна, не-не-не.

Быть может, найдется топорик, и стоит рискнуть немного проредить живую изгородь?

Слава богу, или тому, кто меня украл, таких усилий не потребовалось. В кухне была задняя дверь, за ней большой двор и мощеная дорожка к навесу, а под навесом дрова. Живем, однако!

Вот вернется моя амазонка, все здесь облажаю, где только Сара дозволит, это непросто дом — это поместье целое.

Кира вернулась с добычей, когда суковатые, немного трухлявые дрова прогорели наполовину. Из большой плетеной корзины тянуло едой. Было удивительно и очень приятно, что девочка не стала кушать без меня. На плащ Нианы, слезы, а не одежда, никто не позарился. Сото даже не протестовал, а вот со съестным расстаться мирно не пожелал, за что и поплатился взорванным бочонком крепкого пойла, более убедительной демонстрации решительного настроения обиженной клиентке не потребовалась. Кабатчик собрал все, на что указал пылающий перст

злой магички, а магичка ограничивала себя только весом экспроприированного, выбирая все самое лучшее. Эх, не приспособленная она какая-то, я бы еще и тележку требовала, ныла во мне рабоче-крестьянская память предков.

Интересно у них тут пакуют колбасы, в плотный полотняный мешок набили и жиром залили, впрочем, на Руси подобный способ тоже практиковался, просто мы, цивилизованные, холодильниками развращенные, об этом забыли.

Я настояла, чтобы Сара присутствовала за столом вместе с нами, и стул ей приготовила, хотя призраку, что сидеть, что висеть, без разницы. Мы вкушали пищу земную, разогретую мною на плите в дурацкой кастрюле, а она подпитывалась эмоциями. Представляю, сколько удовольствия хапнула наша хозяйка, пока длился обед. Еда была так себе, но мясная и сытная, а это главное. По мере насыщения развязывались и языки. Раскрутить чуть пьяную от сытости и тепла амазонку на рассказ оказалось нетрудно.

Себя она помнит с того момента, когда огромный воин отбил ее, пятилетнюю, у стаи бродячих собак, и не бросил, забрал к себе. Оказался этот человек, ни много ни мало, а Староста гильдии наемников и охранников. Так и росла малышка в казармах, тренировалась наравне со сверстниками и была вполне счастлива. Такая жизнь давалась ей без труда, в Кире сильна была кровь кочевников, об этом недвусмысленно говорили сине-голубые раскосые глазищи и немалый рост. А росту в нашей воительнице было не меньше, чем метр девяносто, ну и сила соответствующая, ее габаритам и наследственности.

Хорошо обученная женщина-охранник необходима, когда приходится опекать путешествующих знатных дам, на этом поприще и подвизалась наша Кира до того момента, пока староста-спаситель не покинул свой пост и этот мир, а гильдию не возглавил Коладо Жнец. Чем уж Кира была ему так неприятна, неизвестно, но ее удобная размеренная жизнь среди братьев-наёмников закончилась. Ей не давали зарабатывать, ставили в самые неприятные рейды, отношение коллег, не подпитанное симпатией начальства, быстро перетекло из добродушного в презрительно-негативное.

— Это потому что ты несешь в себе кровь кочевников, — высказала догадку Сара, на что Кира лишь передернула опущенными

плечами.

И, наконец, случилось то, что случилось. Кириарнисса повздорила со Старостой, вполне молодым, надо заметить мужиком, отказав ему в ночных утехах, и тут же была назначена в сопровождение дочери какого-то богатого негоцианта, которая следовала за тридевять земель, чтобы вступить в договорной брак. До места назначения девица не добралась, сбежала при очень странных обстоятельствах.

— Может, ее похитили? — на мое предположение Кира ответила отрицательным взмахом руки.

— Нет, она сама, я уверена!

В общем, нашу амазонку, покрытую позором, турнули из гильдии, ну-ка, потерять объект охраны! А могли и убить в назидание.

Где она теперь работу найдет, с такой-то репутацией, хоть на большую дорогу иди. Вот и пила наша девочка горькую уже дней пять как. Ну что тут скажешь, наглядный пример собратьев по оружию, другого было не дано, не научили.

— Кир, ну ты же не одна девицу сопровождала, других тоже выгнали? — свербила в голове неприятная догадка, но фактов пока не хватало.

— Брыщ! — Сара недовольно встрепенулась, не нравятся ей ругательства. — Нет, вроде, не выгнали, но я толком не знаю.

— А если вас всех вместе не уволили, — подхватила мою мысль Сара, — то значит, на тебя всю вину взвалили, получается?

— Не-ет, — протянула Кира, — не-ет, я не хочу!

А кто бы захотел вдруг осознать, что тебя подставили? Картинка складывалась дрянь. Получалось, что гильдии заплатили за две услуги, одна явная — сопровождение, а вторая — тайная, дать негоциантской дщери сбежать из-под венца. И, дабы пятно на репутации гильдии не образовалось, пустить в расход репутацию чью-то еще. Старо как мир. Кириарниссу определили на роль жертвенного барана, а потому не постеснялся глава, или как его, староста, испортить отношения с наймичкой, которую уже списал со счетов. Дивно другое, что остальные мужики, боевую подругу к разврату не склоняли, так велик был авторитет почившего старосты? Но воспитал он существо поистине, странное. Мощная, тренированная, с сильными генами, девка до абсурда не уверена в себе. Даже не так, Кира была патологически послушна в мелочах и это сбивало с толку. А еще свербила мысль, что

история эта имеет второе, а то и третье дно и про гильдию мы еще услышим. Просто так взять и разменять обученную охранницу слишком расточительно. Проще всего думать, что этот Жнец свою...э-э, голову прикрыл. Да и ничем он особо не рисковал, ибо, по словам Кире, в гильдии всегда воспитывались девочки. Незаменимых, как говорится, нет. Сара, похоже, пришла к тем же выводам.

Не менее странное существо, кстати. Насколько тупой и примитивной она представлялась мне в момент нашего, так сказать, знакомства, настолько сейма

с это существо было другим. Меньше чем за сутки вернув себе ясность мышления, она в клочья порвала все мои шаблоны о призраках, да-да. А если вспомнить про ее требования типа «ты сердисься, мне не нравится», то можно смело принять за рабочую гипотезу, что чувства, вполне человеческие чувства и эмоции, она тоже испытывает. Кошмарное, нет, не так, чудовищное посмертие!

Чтобы переменить неприятную тему я затеяла обсуждение планов. Одежда какая-никакая есть, надо выходить в мир. Добытого Кирой съестного нам хватит ненадолго. Как источник информации Кира тоже не годилась, не слишком разбираясь в реалиях за стеной гильдии. Я еще раз про себя прошла ядреным русским по ее воспитателям. Сволочи, из живого человека сотворили куклу с мечами. Она даже готовить не умеет! А ведь каждый солдат должен уметь себя обслужить. К чему ее готовили? Или это было изначально так задумано? Послушная разменная монета? И сколько их там таких в этой гильдии? Вот и нарисовался первый в этом мире предмет для неприязни. Вторым, видимо, будет храм. В религии местной надо разобраться очень тщательно. Про прикрытые волосы знакомо, это есть почти во всех основных религиях, интересно, какую причину выдумали здесь? И нельзя ли чепчик этот уродский заменить на что-либо привычное, да хоть на платок?

За разговорами время пролетело до сумерек. Прошлая ночь выдалась боевой, спать захотелось обоим. Сара устроила нас в смежных с кухней комнатках прислуги. Собственно, это было мое решение. Дров осталось не так много, на следующую партию еще заработать надо, а комнатки обогревались кухонной печью.

Вроде, пока все налаживается, тепло, сытно, хоть и не особо вкусно. Теперь бы помыться. Такая простая просьба, а Сара

разволновалась так, что попрозрачнела вдвое.

— Сара, дорогая, ну, пожалуйста! Тут же мыслишь как-то раньше? А я тебе песенку еще спою, а? — Было видно, что домохозяйка наша решиться никак не находила в себе сил. Господи, или тот, кто меня сюда притащил, да что такого-то запретнотайного может быть в мыльне или бане?!

Оказалось, может. Я поняла, почему дух дома так долго не мог решиться. Это была тайна тайн.

Дом задней частью врезался в гору и примыкал к естественной пещере, облагороженной поколениями тех, кто жил в этом доме. А в пещере — горячий источник, пробивший водоем в породе. Предыдущие владельцы водоем расширили до приличных размеров, что позволяло воде остывать до приемлемой температуры. Вот откуда теплая вода в трубах, вот почему мне казалось, что в кухне и помещениях рядом теплее, чем в парадной части дома. Отодвинуть основные помещения подальше от горы тоже мудро. Горячий источник, это, по-своему, зона риска, паровая бомба.

Было еще одно приятное открытие, на вырубленных в породе полочках лежали кусочки немного заплесневевшего, но вполне пригодного мыла.

К счастью, наемница, привыкшая к жизни на глазах, стеснения не испытывала, раздевалась без видимого дискомфорта.

— Как твои ребра, Кир? — Спросила и прикусила язык, я ведь не говорила, что украла у нее несколько минут жизни. А-ащ! Ну да что уж теперь-то шифроваться,

— И затылок? Болит?

Амазонка так и замерла в недоснятой рубашке, это хорошо, мускулистые конечности рукавами спелёнуты, а то ка-ак намахнет от удивления.

— Брыщ! Так это была ты?! А я думала, что мне примерещилось спяну.

— Так ты меня чувствовала? — отвечать вопросом на вопрос нехорошо, но очень уж я удивилась.

— Да какое там, сон снился. Что вишу под потолком и смотрю как песню странную пою. Амая-амая, так вроде. А очнулась, ребра ноют и шишак.

— А когда ты очнулась?

— Сперва, когда плащ забирала, но там от холода. Если б я прошишак знала, я бы там по бревнышку все раскатала. Я когда выпью покрепче, могу набуянить, — замолчала, но видя, что я жду продолжения, заговорила, — потом у фонтана, когда напилась воды, а ты ко мне под плащ залезла, греться. Ко мне женщины подходить обычно боятся. Как же, степнячка с клинками!

И столько горечи в голосе. Тяжело быть не такой, как все. Понятно, почему она первые минуты меня рядом терпела. От удивления и тотальной нетрезвости у нее реакции притупились, а то получила бы я... Не буду об этом думать!

На ребрах Кирь, прямо под округлой крепкой грудью наливался синяк. Ну вот и повод проверить мою догадку. Синенькое свечение послушно выделилось из кончиков пальцев и потянулось к гематоме, стоило поднести руку поближе. Кира блаженно выдохнула. Надо же, какая терпеливая, ни полунеамеком не выдавала, что ей весь день больно, корзину тяжелую таскала.

Пока аккуратно втирала сырую силу в ушибы амазонки, наслаждалась этой минуткой единения с ней, как будто пропасть незнакомости соединила края и стала тропинкой, вполне удобной для двоих.

— Ты пела песню Кире? Какую? — ох ты ж, фантом вездесущий, напугала! — Не сердись! Пой!

— Песня про очень красивый жаркий остров на моей родине.

— Пой!

А как петь, если я только первые слова знаю? Куандо ми сэмбрава ди...

А дальше только чудная мелодия и голос Робертино в моем воображении. Контральто Нианы металось под сводами пещеры, рождая легкомысленное насмешливое эхо. Ну, хоть голос свой со стороны послушала. Красиво.

Кира мылась по-солдатски экономно и быстро, уговорить ее просто посидеть в горячей бурлящей воде оказалось непросто, но я старалась, пообещав спеть другую песню. Пора девочке познавать прелести жизни вне казармы. Ну и пела. «Арго». Наверное, вода навеяла. Эту песню я знала наизусть и очень любила.

Какое счастье лечь спать распаренной и чистой. В настоящую постель, которую Кире даже удалось освежить с помощью магии.

Завтра будет грандиозный день. Посмотрим, что может предложить мне этот мир и что он потребует взамен.

Часть 9

Либо это тело обладало отменным здоровьем, либо ночи в этом мире длиннее, но я прекрасно выпалась и чувствовала себя готовой на эпические свершения. Стоило сесть в кровати, как из воздуха соткалась Сара.

— Ты довольна, — возвестила она вместо приветствия, — мне нравится.

— Доброе утро, дорогая, — хм, уже несколько раз ловила себя на том, что когда я общаюсь с Сарой, хочется использовать высокий стиль, делать изящные жесты и говорить витиеватыми фразами, которые почему-то удержались в голове с юности, которая была наполнена Дюма и Вальтером Скоттом. И меня совсем не напрягало, что для призрачной женщины стены — не помеха, а мои эмоции не просто открытая книга. Это развлекательный аттракцион с эскимо, вкусно, питательно и всегда желанно. Да что там, я радовалась оттого, что таким незатейливым способом вношу свой вклад в реставрацию этого уникального во всех отношениях дома.

— У нас не принято хвалить утро, — назидательно произнесла Сара. Признаться, удивление мое было очень сильным, так что вопросов задавать не потребовалось. — У нас говорят, до новой луны, или луна вернется.

— А в моем мире радуются солнцу, что хорошего в луне? Ни тепла, ни света толкового. Только собакам и повить.

— Что ты, что ты, — заметались призрачные одежды, — луна — вершительница судеб, указатель во тьме и защита от огненной ярости солнца!

Ничё-се императивчик, прям культ личности. В голове роились десятки аргументов в пользу солнышка, но вовремя прикусила язык, это же не первый образчик непомерного пиетета по отношению к луне. И пренебрежительно-враждебного отношения к дневному светилу. Примеры уже были. А потому, наблюдаем и запоминаем.

— Что посоветуешь, Сара, — неловко перевела тему на злободневное, — куда сходить в первую очередь? В Храм? В центр города? На рынок?

— Храмы с утра закрыты, туда лучше идти к ночи. Что значит центр города?

— Ну, место, где располагаются власти или что-либо важное для всего города, например, памятник великому человеку.

— Странно, власть у нас в королевском дворце, там же и заседает королевский совет. У вас не так?

— Нет, дорогая, у нас нет короля, — у-уйй, кто дергал меня за язык? Я же не депутат, чтоб объяснять скучающему призраку основы демократии! А как про это рассказать, не затронуть тему равноправия полов? Пришлось неловко выкручиваться, оправдываясь хлопотами. Сара, деликатная душа, не стала меня смущать дальше, но чую, что не избежать мне этой темы, это мне только сегодня позволили соскочить.

Нашла у кого спрашивать про экскурсионный маршрут, ага. Она же лет сто пятьдесят из дома не отлучалась! Значит, пойдем на ближайший рынок. Самое место на людей посмотреть и жизненные реалии оценить. В первую очередь надо...

Верстку наполеоновских планов прервала проснувшаяся Кира, мы быстренько собрались, позавтракали и пошли покорять окраины столицы. То есть на ближайший базар.

Чертов чепец! Мерзкая тряпка закрывала обзор не хуже капюшона куртки-аляски и позволяла смотреть только перед собой. Как лошадь в шорах, а посмотреть-то охота! Дом Сары стоял в высокой части города, собственно это была окраина, потому что дальше были горы. Но это богатая окраина.

Основная часть столицы располагалась ниже, подальше от озера и причалов. Озеро было рукотворным, точнее, сотворенное магами прошлого, имело форму абрикосовой косточки и почему-то называлось озером Луны. Его иногда было видно. Здоровущее. На языке крутилось слово водохранилище, хотя я подобную ирригацию только по телеку и видела. Из него вытекала короткая широкая река, соединявшая этот колоссальный водоем с морем. Ничего не понимаю в строительстве гидросооружений, но на мой убогий взгляд их существование, озера и реки, хотя, скорее — канала, противоречит всем законам физики. Вот и приткнулась столица, защищенная горами и водой в небольшой долинке. Хотелось расспросить про политическое устройство поподробнее, но смотреть по сторонам было интереснее.

Кира вела меня какими-то кривыми улочками, изгибающимися

едва ли не под острым углом, в серёдке каждого загиба стоял дом. Оно и понятно, горы, все подчинено особенностям ландшафта, непонятно другое: почему все такое тусклое, как выцветшее. Дома, справные, с интересной архитектурой, цветно оштукатуренные, но краски блеклые, холодные. Светло-бежевый, прозрачно-голубой, невнятно-зеленый. Непонятно, и так солнца не хватает, хоть и горы, так почему бы не расцветить себе жизнь под ленивым светилom?

И растения. Совсем мало растений около домов. Никаких клумб и палисадников. Непонятно.

Часть 10

Зато с базаром все понятно. Кипиш организованной бестолковости. Торговля гудела, толкалась, взрывалась выкриками зазывал.

Ну, хоть здесь какое-то цветное разнообразие. Меж серости прислуги и черно-коричневой темноты воинов мелькали одежды поярче. Среди многолюдья встречались сущие гиганты, кутающиеся в подобие ярких валяных бурнусов. Кочевники, именно на них была похожа Кира, они проявляли к ней сдержанный, преисполненный достоинства, интерес.

Амазонка моя рассекала толпу, как ледокол, движущийся через торосы, не забывая приглядывать за мной, не потерялась ли. Несмотря на это, меня, то и дело, ощутимо задевали. То локтем, то плечом, а один раз даже толкнули в спину так, что я врезалась в идущую впереди Киру и чуть ее не сбила.

Обернувшись, увидела нагло скалящегося подростка лет четырнадцати. Судя по одежде, выходец из зажиточной семьи. Скучал, бедняжка, и решил развлечься, полагая, что Кира не преминет наподдать обидчице в наказание за испорченное настроение. Это же так забавно, когда здоровенная наемница треплет зазевавшуюся служанку. Амазонка оценила щекотливую ситуацию с полувзгляда. В два шага сократив расстояние до недоросля, она отвесила ему звонкий щелбан с оттяжкой. Тот и не думал возражать, принимая наказание. А вот это странный поступок для моей послушной подруги. Ее подчиненность явно имеет границы, не забыть бы обдумать это позже.

Ну вот, Нина, ты и получила первый урок социального неравенства. Закон «дифференциации по штанам» во всей красе (прим. ав. к/ф «Кин-дза-дза»). Придется менять планы. Нужен хороший плащ, который скроет убогую одежду. И на голову что-то, вместо чепца, а то под гнетом этого уродства у меня осанка портится, так и тянет склонить голову и спрятать глаза, что, впрочем, вполне соответствует образу служанки, стоящей в самом низу общественной пирамиды. Сейчас я как раз отыгрываю эту роль при успешной наемнице.

Хотелось, конечно, приберечь деньги из потаенки Нианы и тратить их только на еду. Хотя бы до того момента, пока не осмотрюсь, но

сейчас со всей неприглядной очевидностью стало ясно, что надо срочно менять прикид, если я хочу, чтобы с моим мнением считались. Никто не примет всерьез молодайку в заштопанном плаще, пусть даже с гениальными идеями, сама бы от такой отмахнулась. Как говорится, если ты такой умный, то почему такой бедный? Кира моей просьбе удивилась, утром же решили, покупаем только немного еды, но перечить, по обыкновению, не стала.

В магазинчике готовой женской одежды нас встретили неласково. Кира — воин, не их клиент, это очевидно. А на зачуханную служанку и внимания-то никто не обратил, куда ей покупки делать, для такой и вода — еда. Мелькнувшая в руках амазонки золотая монета градус любезности лавочницы значительно повысила. Я перебирала предложенные плащи, спрашивала цену, щупала ткань и поглядывала на подругу.

— Нормальный плащ покажите, а не эти блохастые шкурки, — правильно поняла мой посыл Кира, грохнув кулаком по прилавок. Трясущаяся служанка вынесла, наконец, то, что нужно. Отличная вещь, а главное — не серая, а приятного глубокого зеленого цвета. Стоил плащ дорого, но я заплатила, отвалив треть из имеющихся монет. Платков или шарфов в магазине отродясь не водилось, только однотипные чепчики, даром что разных оттенков, зато в соседней лавке нашелся небольшой отрез тонкой шерстяной ткани по сходной цене, из которой я немедленно соорудила себе подобие чалмы, чем несказанно заинтересовала торговку, которая пустила странную покупательницу в заднюю часть павильончика, к зеркалу. Не удивлюсь, если завтра она выйдет торговать в чем-то подобном. Может, оно и не слишком умно, привлекать к себе внимание столь вопиющим эпатажем, но терпеть сил никаких не было.

Теперь обувь, белье и шпильки, это получилось быстро. Покупка удручающего, но теплого белья а-ля эпоха prodrazverstki, слопала остатки оптимизма, рожденного ощущением силы молодого тела.

Уловив, что Кира уже более чем устала в тряпичных рядах, я позволила ей увлечь себя в сторону оружейных лавок. Поглазеть на местное оружие тоже полезно. Именно оно, холодное оружие, стало доказательством того, что этот другой мир — одна из вариаций нашего. Те же обоюдоострые кинжалы, треугольные стилеты, короткие и длинные мечи и даже сюрикены, похожие на четырехзубые фрезы.

Около одного из павильонов гомонила небольшая толпа вооруженных до зубов мужчин, они спорили о достоинствах какого-то клинка. Торговец, здоровый дядька с внешностью типичного абрека, только в башлыке, а не в папаше, подбивал воинствующих мужиков на спор, что, дескать, он своим клинком перерубит шелковую ленту влет, а вот смогут ли brave витьязи так своим оружием?

Толпа отхлынула, давая абреку стратегический простор, и мы оказались в первых рядах зрителей. Это же с какой силой надо запульнуть в небо длинным узким шарфом, чтобы он так красиво и развернуто планировал вниз, давая мечнику время для прицельного замаха? Силен, ничего не скажешь, и неважно, что это отработанный трюк. Уважаю.

Ой, а подруга-то моя загорелась азартом, еле успела повиснуть на руке, готовой взметнуться, чтобы принять вызов.

— Не смей, проиграешь, — шипела, бессовестно используя повелительные нотки и старалась вытащить великорослое дитя из толпы мужиков, которые ну очень странно на нас посматривали.

— Почему проиграю? Я сильная. И ловкая! — и попыталась вернуться в гущу толпы желающих побиться об заклад, испытать свою силу, да порадоваться победе.

— Меч достань, которым работать собралась, — потребовала я, не обращая внимания на то, что светлые бровки амазонки скрылись под башлыком, а крупный рот готовился изречь что-то э-э...недоуменное, скажем так.

На беду или на удачу, наш тихий, но клокочущий эмоциями, спор привлек внимание хозяина соседней лавки, у которой мы притормозили. Он, не стесняясь глазел на мой тюрбан, на то, как я кручу в руках Кирина короткий меч, просматривая кромку и пробуя заточку подушечкой большого пальца.

— Кир, у тебя никаких шансов с этой железякой, — амазонка вскинулась было, но я не дала ей высказаться, — меч твой точеный-переточеный, усталый. Ты им деревяхи с трудом рубила и я не видела, чтобы правила заточку. Кирочка, миленькая, не знаю, кто тебя учил, но либо осел, либо подлец. Видела, какой клинок у того дядьки? Длинный и изогнутый, он режет, понимаешь? Ре-же-ет всей длиной кромки, ниточку за ниточкой, как округлый нож пучок укропа, потому шелк и поддается, а твой клинок только острием тыкать годится.

— Маленькая леди разбирается в оружии? — Беспардонно вмешался в разговор хозяин лавки, около которой мы стояли. Ох, а пафосу-то, а насмешки-то, не лопнул бы от собственной значимости. Попробуй поработать в мужском коллективе большую часть жизни и не узнать ничего об оружии. Да я даже саблю от шашки отличу!

— Маленькая леди немножко умеет думать. — Молодец, Нина, похвалила я себя ехидненько. Сказала как отрезала. Черт, это же не мой подчиненный из родного двадцать первого, надо придержать гонор-то.

— Быть может, умная маленькая леди подскажет, отчего покорило эту отливку? — В голосе за спиной градус ехидства повысился в разы.

Парнишка, лет восемнадцать — двадцать, только очень широкоплечий, уже утративший юношескую гибкость. В руках железяка, до боли знакомая черновая необработанная отливка, я таких за свою производственную жизнь тысячи видела. Я не литейщик, но поверхам нахваталась, работа такая. Была.

— Остыла быстро, вот и повело, будто сам не знаешь. — Глаза парня расширились, в них появился неподдельный интерес.

— А что сделать, чтоб не быстро?

— А я откуда знаю? Попробуй вот тут еще один литниковый канал приткнуть и расширь вот этот до размера рукоятки меча, остывать медленнее будет. — Кира и парниша смотрели так, как будто я на честно'м пиру закукарекала. {прим. ав. литниковый канал — отверстие, через которое заливают металл в форму}.

— Как же я не догадался?! — Крик души юного аборигена заставил дрогнуть мое сердце и мы с ним углубились в обсуждение литейных тонкостей.

— Почему тебя отец не учит? — прервала наши тары-бары амазонка, скучно ей, мечом помахать не дали, разговор малопонятен, вот и она решила, что и нам с этим парнишей, которого звали прелестным именем Дук, нечего беседой наслаждаться.

— Помер отец.

— А у тебя литейная своя? — На этого хлопца у меня появились определенные планы. Раз с незнакомой теткой про тайны ремесла разговорился, то характер имеет гибкий и знания ценить умеет, может, и сработаемся.

— Не, у нас кузня, у меня и брата младшего. А отливки в

гильдейской мастерской делаем, когда очередь подходит.

— Так отчего же старшие не подскажут, это же не тайна булатной стали. — Дук вытаращился на меня, как на клоуна.

— Зачем им это? Мой отец знаменитым мастером был, да помер давно, мало чему научить успел. Кую я справно, а вот литьё... — в голосе парня была привычная обездоленность. — А что такое булатная сталь?

Упс, булатная, это же по-русски. Молодец, Нина, ты — великий Штирлиц!

— Ну, может, я неправильно запомнила, сталь такая, легендарная, самая крепкая.

— А-а, санделатная, так это легенда. Нет такой стали.

Есть мальчик, мой есть, и в моей голове даже имеется ее улучшенный рецепт, если только найдется гипнотизер, который заставит меня его вспомнить. Но хорошо, что ты так думаешь, мальчик, теперь всё правильно, теперь твои стереотипы на месте. С чего бы дамочке про эту, так её, санделатную сталь знать? И неважно, что дамочка про закалку знает, и про отжиг с отпуском тоже.

Дук мастерил на продажу всякую кухонную и сельскохозяйственную утварь, на скромную жизнь им с братом хватало, брали не ценой, а производительностью. Мечтали денег на обучение накопить, хотя бы для одного из парней. Кажется, мы сможем помочь друг другу, начнем прямо завтра, а пока я заказала пару нормальных ложек с длинными ручками. Ложка из металла? Не из дерева или фарфора? Разве такие бывают? Ну да, если у них ложки, как статуэтки стоят, тогда и удивление понятно. Отлей такую из стали, а потом на ногу урони, ага.

— Ты хотела в овощные ряды сходить, — потянула меня за плащ Кира и ненароком спалила мой камуфляж, приоткрыв нищенскую юбку. У Дука глаза на лоб полезли, второй разрыв шаблона у парня за полчаса, бедняжка.

— Леди, — произнес Дук неуверенно, — а вы кто? — Спросил и запнулся, глядя в суровые очи наемницы.

— Леди зовут Ниана, не забывайся мальчик! — Рывкнула амазонка. Пришлось подмигнуть пацану, чтобы смягчить суровость этого окрика.

— Еще увидимся, Дук, — прощальный жест, и я поспешила догнать подругу, отметив мимоходом, что толчков стало значительно

меньше. Плащ делал свое дело.

Я уже разобралась с денежной системе и при помощи Киры разменяла один из четырех, оставшихся у меня после покупок, серебряный полукергон. Целый мешочек мелких монет и еще несколько не поместились, отправились в карман юбки. Полукергон это весьма крупная монета. Потом, по возрастающей, идет серебряный кергон, потом золотой кергон, это пять серебряных, потом идет большой золотой кергон. Это аж двадцать золотых. Дурацкая система. За пять больших золотых можно купить домик в хорошей части города.

Дороговизна продуктов была поразительной. Не имея других систем отсчета, все приходилось сравнивать со стоимостью новых сапожек, в которые сразу переобулась, а башмаки Нианы бережно уложила в корзинку для продуктов. Так вот, мясо и морковка продавались по одной цене, с ума сойти. Ладно, хоть продукты большей частью узнаваемые, только помельче и побледнее. Может быть, все так дорого потому, что сейчас холодный сезон? Прикинув, что недельное питание на двоих потянет на стоимость сапог, которых, как заверял сапожник, мне на пять лет хватит, совсем приуныла. В расчетах я не ошиблась, в моей голове, между правым и левым полушарием кто-то нерадивый из небесной канцелярии позабыл калькулятор, уж что-что, а считала я быстро.

Выход только один, зарабатывать как можно скорее и много. А для этого нужна инфа и знакомства. Неделью мы продержимся, а дальше? Остаться без денежной подушки безопасности? Не-не, не в моих правилах. Два больших золотых керна Киры я в расчет не брала, хотя она предлагала и на отказ на мой обиделась. Пришлось объяснить девочке, что это неприкосновенный запас на самый-самый крайний случай вроде болезни или другого несчастья. Ну, или если подвернется бизнес, тьфу ты, опять по-русски, заработок, в который надо будет вложиться. Это моя аборигенка понимала.

Закупив немного свежих овощей и все необходимое на похлебку, уже было засобиравалась в обратный путь, хотелось уйти из этого людного места. Голова была настолько переполнена разнообразными сведениями и впечатлениями, что на формирование структурированного файла а неделя понадобится, но таким временем, как орала интуиция, я не располагала, надо было все делать очень быстро. Ну, слава тому, кто меня похитил, карандаш изобретать не придется. Здорово и то, что здесь

пишут не кисточками, как в Китае, а с пером я обращаться умею, приходилось в школе заниматься оформительской работой. Осталось только систематизировать свои наблюдения на бумаге, сделать выводы и начать действовать. Чую, с этим стоит поторопиться.

Неизвестно, когда мной заинтересуются, а заинтересуются непременно. Я сегодня столько глупостей натворила, что мама, не горюй. Обратила на себя внимание по полной программе. Начиная с тюрбана этого, но об этом я не жалела и не пожалею, заканчивая моим поведением в овощных рядах, когда перебирала морковь и капусту, доводя торговков до истерики. Земные стереотипы не давали смириться с тем, что заурядная свекла — это деликатес, про картофель им абсолютно не известно, а фруктов совсем нет, даже сушеных. Портовый ведь город. Как они тут еще не загнулись от авитаминоза? Или я еще не вполне разобралась в продуктовых реалиях?

А чего стоило мое милое знакомство с Дуком? Черт меня дернул ложку в трех проекциях изображать. Ну тут ладно, все равно приоткрываться пришлось бы, если я хочу на нем зарабатывать, то надо дать ему возможность заработать на мне. По большому счету, не так все ужасно как показалось на первый панический взгляд, откорректирую немного поведение и мои промахи забудутся.

Но то, что я живу в особняке Фукеш, да еще с такой колоритной Кирой привлечет ко мне внимание. Привлечет очень быстро. И тут либо репутация особняка сослужит дурную службу, если кому-то особо ретивому захочется узнать, почему мы еще живы, когда на счету этого домика уже целый погост; либо, напротив, эта репутация поднимет мой, а вместе со мной и Кири авторитет.

Подниматься в гору с корзинкой не самое приятное занятие, тем более что потрепанная корзина с продуктами на фоне дорогого плаща — та еще эклектика. Зажиточная горожанка, образ которой я сейчас напаялила, сама продукты не потащит. Но Кире корзину хватать совсем не стоит, чтобы ее реноме женщины-воина не подрывать. Вот и еще проблема, которую надо решить как можно быстрее — организовать свои манеры в соответствии с местными стереотипами.

Размеренный тяжелый шаг не способствовал конструктивному мышлению и незаметно для себя принялась мечтать, мечтать, мечтать, а потом заниматься самоедством. Вот я, по ощущениям, тетка взрослее взрослого. Кира, которая думает, что ей двадцать три, в дочери годится.

Да я так себя с ней и веду, как с дочерью, которой у меня никогда не было. Я уже ее подсознательно уже присвоила, под опеку определила и рванула заботиться, ни на секунду не задумавшись, а ей оно надо? Полезно ли? Приятно ли?

Молодец Нина, забыла уже, как тебя родная мать своей опекой, мелочной и ненужной, изводила? Размечталась, Нина! Киру учиться отправить! Ишь, начальница сыскалась! Тьфу на тебя! Суток не прошло, командовать принялась!

Так, вот уже и знакомая изгородь, надо брать себя в руки, не то Сара сейчас спросит:

— Ты злишься! Почему? — И что ей отвечать? Потому что я эгоистка? Потому что не знаю, что делать, с нежданной молодостью, с пугающей реальностью? Со своей новой жизнью, а потому решила влезть в чужую? Черт, черт, черт, или тот, кто меня сюда притащил, какого черта тебе от меня надо?

Пока не отвечу на этот вопрос, не будет мне покоя.

Но это не значит, что я неблагодарна. Эй ты, который меня спас, благодарю тебя! За молодое тело, за Киру, за Сару, за изумительный дом, благодарю! Благодарю!

Показалось, или, действительно, сверкнуло в глаза несмелым солнечным лучом?

Саре покупки понравились, потом она вострепелась, взметнула одежками и растворилась, оставив нас с амазонкой на кухне.

До меня бестолковой, вдруг дотекло, что Кире-то и переодеться не во что. Она, что так и будет жизнь коротать в этом своем доспехе? Вот! Первое, что я для нее должна сделать, дать ощущение дома, а не на учебу отправить. Сменить казарму на общагу, ага.

И начну я с обычных тапочек, для себя и для нее. Куда это Сара делась? Может быть, в доме найдется что-то для рукоделия и она мне позволит этим воспользоваться?

Похоже, мы с Сарой, непостижимое она существо, думали в одном направлении, только Сара мыслила куда как масштабнее. Взволнованная и поблекшая, она внезапно возникла в кухне и требовательно поманила нас за собой.

Часть 11

Вот эта часть дома была еще не осмотрена, а посмотреть хотелось. Точнее, сначала ничего не было видно, потому что эти помещения, оказывается, вырублены в толще горы. Или это адаптированные пещеры, я не поняла. Кирины светляки решили проблему освещения, пыли стараниями Сары здесь больше не было, то-то она опять совсем прозрачной стала. Воздух не спертый, значит, вентиляция, возможно, природная, а может статья, магическая, работает исправно.

Похоже, здесь когда-то располагалось что-то вроде хранилища и по совместительству, подобие кабинета, если судить по наличию непривычного, но узнаваемого письменного стола из необыкновенной красоты древесины. Непривычного потому что имелась приставка для работы стоя, кажется, это называлось конторка, а еще изумляло невероятное количество маленьких, не больше чем конверт, выдвижных ящичков — шуфлядок, шикарно инкрустированных по видимой части. Серебро и не яркие самоцветы. На один из них мне указала Сара.

— Открой, — потребовала она, ее многослойные одеяния трепетали, а это означало, что хозяйка волнуется.

В ящичке лежали отточенные карандаши, штук пятьдесят. Нашлась стопка нарезанной полосками сантиметров 15 в ширину, длинных листов пожелтевшей до кремовости, плотной бумаги. Такой лист и в трубочку скатать, как свиток, и конвертом сложить удобно. Отлично, на канцелярку тратится больше не придется.

Еще в одной шуфлядке лежала связка ключей.

Хозяюшка наша зависла в углу, где стоял сундук. Намек понятен, нам разрешено покопаться в этом монстре.

Господи, какая красота, я такие ткани только в музеях видела да на картинах великих художников. Бесподобно красиво и, вот прямо сейчас, для нас с Кирой абсолютно бесполезно. Зачем нам сейчас парча? А вот бархат сгодится, хотя бы для такого, чтобы прикрыть мою страхотную юбку, выглядывающую из-под плаща. Эта мысль привела меня в уныние, юбку-то на руках стегать придется. Эх, где моя старенькая швейная машинка...

— Спасибо Сара! Мы можем взять эти вещи? — Вроде и так все понятно, но надо соблюдать условности, для Сары это важно.

Сара замерцала мелко-мелко, как при перепаде напряжения сигнальная лампочка, эту замену мимике я уже выучила, такой вот невербальный способ выразить согласие или удовольствие. Сейчас нам с радостью дозволяли воспользоваться щедростью хозяйки. Мучительно сильно, до жгучих слез, захотелось обнять прозрачную женщину в порыве благодарности. Я ею искренне восхищалась и очень жалела, очень. За неполные сутки она эволюционировала от сгустка эктоплазмы, который хотел только жрать и не пущать, до Духа. Именно так с большой буквы. Существо хоть и не материальное, но, без всякого сомнения, разумное и волевое. Способное к сопереживанию, и даже имеющее чувство юмора. Как она мои песенки из мультика слушала! Вот её надо было молодым телом одаривать, обратилась я мысленно к тому, кто меня проволок мимо чистилища, а не пожилых тётенок тырить.

Мы с амазонкой так увлеклись, что даже скинули плащи, накинутые для тепла, ведь это помещение находилось в неотапливаемой части дома. Да отапливалась, собственно только кухня и наши спальни.

В сундуке, наполненном великолепным, но, явно устаревшим верхним платьем, не находилось того, что я хотела бы для Киры, ну и, может быть, для себя.

— Дорогая, скажи, — обратилась я к Саре, — а здесь только женская одежда? Для Киры, наверное, лучше мужскую одежду посмотреть, она ей больше подойдет. Ей бы рубаху теплую и штаны попроще на смену, ну и спать в чем-нибудь, чтобы не в дневном под одеяло лезть, а?

Сара с сомнением посмотрела на рослую амазонку и указала на другие лари. Это было ошибкой, потому что в ближайшем сундуке мы Киру потеряли. Там находилось оружие. После того как я неуважительно отозвалась о собственных клинках амазонки, она впала в апатию, а тут вона человеку счастье привалило вместе с разрешением ни в чем себе не отказывать.

Зато я прибрахлахилась узкими шерстяными портами, которые планировала носить под юбкой для тепла, скомплектовала себе пижамку из каких-то подросткового размера одежек и даже заставила Киру прикинуть пару вариантов. Естественно, ей ничего не подходит, хотя

вот из этого и вот этого вполне можно собрать приличные домашние штаны, потому как юбку я даже предложить ей не решилась. Наконец, Кира смогла вырваться из своего восторженного транса и соблаговолила осознать, что о ней тут, собственно, позаботится пытаются.

— А-а? — тянет она удивленно и растерянню, — мне не надо, у меня есть.

— Что у тебя есть, неискушенная ты моя, — по-родственному ворчать на растерянную деваху было неожиданно приятно, — и где оно?

Кира ухмыльнулась в ответ на мой бубнеж, без слов накинула плащ, и откуда-то из подмышки, начала доставать вещи: пару тканевых носков, подштанники местного разлива, все на завязочках, тонкого полотна рубашку, безрукавку из тисненой кожи, ремень со множеством приспособлений, черную тряпку, которую я определила как бандану. Ничего похожего на то, что сойдет за домашнюю одежду. Стоп! Из подмышки? Из подмышки?! Картина мира рушилась на глазах. В очередной раз. Весь мой опыт орал — такого не может быть, потому, что не может быть никогда, а маленькая девочка, которая все еще жила в душе, радостно хлопала глазами. Вот она, МАГИЯ! Не мелочи вроде светляка и не палец, делающий вид, что он — зажигалка, а вот это явление и есть образчик высокой магии.

— Пространственный карман? — Пришло на ум не раз читанное определение. — А что там у тебя еще есть? — Детское, неподобающе ни возрасту, ни роли главы семьи, на которую я сама себя определила, любопытство сдерживаться никак не хотело.

— Ну, — протянула амазонка, смущаясь, — еще арбалет, котелок, подстилка походная...

— А места много еще? — внутренние крохобор с экспериментатором слились в экстазе.

— Ну...пара таких сундуков еще поместится. — Угумс, а на сундуке спать можно.

Вот же ж! Рачительная лентяйка во мне уже сообразила, кто будет таскать овощи с базара.

— Ки-ир, — и ласково так у меня получилось, что Сара встрепенулась, чуткая она, — а почему ты продукты от Сото в руках несла, а не в этой своей тайной сумке? — Амазонка растерялась. — Я так понимаю, что ты не только объема, но и веса не чувствуешь?

— Не чувствую веса, нет, — как бы прислушиваясь к ощущениям, пробормотала Кира, — а про корзину я и не догадалась, мне ведь нетрудно. Ой, точно, и сегодня можно было так твою капусту нести и не пыхтеть! Вот брыщ шершавый!

Молодец девочка, правильно сообразила, мне теперь и просить не придется. Кстати, о капусте, а ведь давно пора готовить, но как отсюда уйти, когда я обнаружила рамку-станок с начатым гобеленом, а рядом что-то вроде сундучка рукодельницы с мотками довольно приятной пряжи. Не альпака, конечно, но и не совсем дерюга. Странно, пряжа есть, а носки тряпочные, вязать они тут что ли не умеют? Ну да у них тут и картошки нету, весь рынок облазила, нету, и не слышал никто. Как жить без картошки?

Собрав волю в кулак, поплелась стряпать обедо-ужин, пока приготовится, как раз вечереть станет, так подсказывали мне внутренние часы. Кира осталась балдеть над сундуком с оружием, а хозяйка устремилась за мной.

— Сара, дорогая, ты совсем бледненькая. Тебя подкормить?

— За ужином, — отрезала душа дома, — сама поешь сначала. Мне пока твоих эмоций хватит. Ты опять меня жалела. — Вот такая вот она, забота вечно голодного фантома.

— А Кирины, что, невкусно? Она так оружию радовалась.

— Твои лучше, твои добрые, а Кириарнисса, она... — Сара замялась, не находя слов. Надо будет ее как следует попотчевать, у нее от бессилья проблемы с речью, который раз уже подмечено.

— Она про сражения думает, да? И тебе не нравится ее боевой настрой, — уточнила я, кромсая капусту огромным неудобным тесаком, а другого нет. Зато есть целое богатство — специи, я за них состояние отвалила и намерена получить кайф от каждой крошечки. А еще два вида круп, одна — точно гречка, а вторая? Полба, что ли? Для перловки слишком золотистая. Ну, не до жиру, которого, кстати, можно с колбас, доставшихся от Сото, соскрести и зажарочку сделать.

Все-таки не лгут мои воспоминания, что еда, приготовленная на печке, отличается особым вкусом, похлебка из чего бог послал, получилась дивной, но черт! Печка, как же это неудобно!

Саре я тоже поставила прибор, создавая иллюзию, что она принимает участие в ужине. Над тарелкой послушно завис изрядный шарик сырой магии, который почти привычно отделился от моих рук.

Так и повелось, как бы ни сложился день, а ужинали мы всегда вместе. Умничка Сара училась потреблять свою порцию силы постепенно, а не одним голодным махом, и теперь чинно беседовала с нами о прошедшем дне. Сегодня звездой была Кира, которая нам рассказывала, что плащ с потайной сарайкой достался ей по случаю, как трофеей. И обнаружился он, карман этот, случайно, рука провалилась, когда обследовала чужую вещь на предмет магических меток или чего похуже.

— Так зачем ты золото в воротник зашивала? — вспомнилась наши посиделки у фонтана, — карман твой куда надежнее.

— Вот потому и зашивала, чтоб от истинной ценности плаща отвлечь того, кто позарится.

Подаренное Сарой добро определило мои занятия на ближайшие вечера. Ох, ну и иголки у них тут...даже китайские лучше в сто раз! Но для подгонки домашних штанов для Киры пока сойдет. Слава Богу, или тому, кто меня сюда приволок, благодаря моей амазонке в стирке нужды не было, а то я бы тут техническую революцию затеяла и меня бы сожгли на костре.

А дни летели, как трассирующие пули, невероятно быстро, сверкая разными впечатлениями.

ук и его младший брат Бак приняли нас с Кирой в «свои». У них хорошо получалось работать со всякой мелочевкой. Так я стала обладательницей набора привычных ложек, усовершенствованной, четырёхсторонней терки, пары ловких ножичков и вязальных спиц. В их мастерскую мы ходили, как на службу. Из-за Киры. Она увлеклась работой с металлом, выучившись с моей подачи делать закалку с помощью своей горячей магии. И у меня появилась надежда на нормальные иголки и маленькие ножнички. Вообще-то, с магией у нее было негусто, в смысле навыков недостаточно. Минимум бытовки, светляки и фокусы с фаерболами. Все-таки, сволочи они, те, кто ее воспитывал. Вопрос обучения вставал очень остро. Магия-то, оказывается, была в этом мире универсальной. Либо ты маг, либо нет. Понятие стихий, навязанное мне фэнтези, было, но каждый одаренный сам определял для себя, к какой стихии, одной или сразу несколькими ему обратиться. Правда, тут обращались не к стихиям в чистом виде, а к солнцу, если речь шла об огне, к луне, которая отвечала за воздух, к морю или камню, воде и земле соответственно. Это, собственно, и был

местный пантеон.

Четыре бога: светило дневное, имя которого почему-то старались не произносить, светило ночное — многоликая непостоянная Сиштира, повелитель вездесущей воды, порывистый и мощный Гох, и великий трудяга, бог тверди Рушат. Когда Гох и Сиштира предавались любви и вздыхали в истоме, тогда по горам и ущельям металось «лунное дыхание», ледяной ветер, который загонял людей в тепло, заставляя жаться к огню и друг другу. Вот недаром не нравилась мне местная луна, и имя у нее было созвучно земной богине Иштар, а та дамочка имела очень непростой характер.

С местным солнцем все было сложно. Вроде вот оно, на небе, живи и радуйся. А местные от солнца прячутся. Может, это только зимой? Не понимаю. Но я очень любила солнце и втихаря, чтобы не травмировать Киру, радовалась ему.

Сегодня я пришла на рынок к обеду и прихватила на всех поесть. Пока донесла, естественно, все остыло. Вот тут-то я и узнала от братьев о печь-камне. Эдакая замена электроплитке, только на природной магии. Подзаряжается нагревом на открытом огне. Киру чуть не прибила, а парни потешались, над тем, как маленькая я, подхватив широкую юбку, гоняла по мастерской дылду в штанах. Кожаным кузнецовским передником. Забыла она, видите ли, не догадалась, что я по утрам с печью мучаюсь, чтобы завтрак приготовить, время трачу, жду, пока протопится, дрова драгоценные палю. А-щщщ!

На вопли и запах супа заглянул хозяин соседней лавки, оружейник Тулак. Разумный дядька, пацаны мои ему не конкуренты, а потому относился он к Дуку и Баку сердечно, у самого сынишке годиков восемь. Ко мне и Кире Тулак демонстрировал добродушное безразличие. До сегодняшнего дня. Слушать его просветенное мнение по поводу учиненного мною безобразия не хотелось, а потому я сунула ему в руки свою порцию густой похлебки с мясом и овощами, поблескивающей янтарными капельками жирка. Молча кивнула на кулек с ячменными лепешками, подала необычную длинную ложку и села в уголке у выхода, караулить возможных покупателей, пока парни едят и с гостем беседуют.

После еды я обнаружила у миски Тулака монету, не крупную, но и не самую мелкую. Быстрый подсчет и я поняла, что с этой порции супа имею двухсотпроцентную прибыль. Хороший бизнес, однако.

Парни монетке удивились не сильно, дескать, у чужих еду брать задаром нехорошо, да еще у вдовы.

— А если обеды на разнос? Покупать будут? Пусть не так дорого, — кивнула на монетку, — пусть подешевле? — этот вопрос меня очень взволновал.

Запасы денег подходят к концу, а прибытку с усовершенствованной с моей помощью утвари пока немного. Рекламы же никакой.

— Если так вкусно, то будут, — уверенно заявил Бад, — а ты Нина, что, и впрямь решишься стряпать на вынос?

— Бад, миленький, да за такие деньги..., - вот бы еще приучить их самим приходить и со своей посудой, — размечталась я не к месту, будто за моим варевом уже очередь стоит.

— Нина, ты это, — постукивал натруженными пальцами по столу Дук, вдруг занервничав, — короче, завтра не базарный день, мы на равнину за припасами поедем, там дешевле, чем здесь, а если хочешь, ну это, на вынос, то обязательно надо.

Отлично! Но судя по дерганному поведению Дука, тут есть какой-то местный затык.

— Конечно, поеду, Дук родненький, спасибо, что предложил, — не выдержала, подошла и чмокнула сидящего парня в подкопченную макушку.

— Тогда вот что, — старшенький преодолел внезапное смущение, — тряпку свою не наматывай на голову и, вообще, оденься попроще.

Вот ведь! Тюрбан мой на равнине помешает! Хотя, это же очевидный ход событий, Дук прав, что указал мне. Случается, по столичному базару нет-нет, да и пройдет горожанка в подобном уборе. Так то столица, хоть и окраина. А там вам не тут.

Часть 12

Вот честно, если бы меня дома не ждала Сара, ни за что не вернулась в столицу. И Киру бы сманила. Горы уже притомили своей беспросветной серостью. А на равнине теплее, жиденький плащик Нианы в самый раз, а на равнине солнечней, а на равнине деревья растут, и явно плодовые. Интересно у них тут устроено: столица к горам и озеру жметя, а на равнине довольно вольготно сельским угодьям. Правильно, при этом дефиците продуктов неразумно застраивать то, что можно вспахать. Королевство Хариг, в котором мы имели честь проживать, считалось небольшим, это все, что я пока разузнала о местной геополитике. Ну и ладно, вся жизнь впереди.

Закупку делали оптом, так дешевле. Три мешка очищенного овса отдавали по цене двух в столице и это считалось дорого. Вот, казалось бы, зачем мне цельнозерновой овес? А в хозяйстве у Сары есть ручной жернов и Кира у меня теперь знатный мукомол. А уж из овсяной муки и сладких лепешек напечь и пресных, к похлебке, только руки приложи. Тесто у Киры выходит знатное, я такого в три раза дольше добиваюсь

Господи, или тот, кто меня сберег, сколько я всего успевала за день! В прошлой жизни только от перечислений бы устала, а в этой хоть бы хны. В прошлой жизни я никогда, даже в юности расторопной не была, а сейчас как будто день длиннее вполовину. В руках все горело. Даже вязание, уж на что процесс не быстрый. Я пару мужских носков за два вечера сколупать умудрялась, пусть и из толстой гобеленовой пряжи. За такие невиданные носки мне в деревне, куда нас привез Дук, дали целый копченый окорок. Это он, хороший мой Дук, надоумил носочки прихватить. У них с братом уже имелось по паре, оценили тепло и комфорт.

У местной знахарки, к которой я зашла в надежде разжиться травами и, если повезет, сушеным шиповником, на окне зеленели побеги рассады, а еще, глазам своим не поверила, куст картофеля в глиняной бадейке.

— Не зарься, городская, самой отравы нужна, — я так и села, отравы? Отравы?!

Ну, конечно же! Пасленовое! Стебли и ягоды ядовиты!

— Да мне бы корешков, — говорить небрежно очень трудно, по картошке соскучилась — страсть! — Сама выращу.

— Ну, тогда поторопись, горожанка, скоро тля пойдет, не успеешь потравить.

— Спасибо, добрая хозяйка, успею, куда денусь!

Но тут, похоже, про съедобность клубней не ведают, потому что знахарка щедро отсыпала в джутовый мешочек мелких, не крупнее черешни бледных клубешков. Бесплатно. А за мяту и чабрец я расплатилась щедро, за что получила еще горсть семян укропа.

Вот и пригодится мне, наконец, бабушкина огородная наука. С этих трудов мы кормились в девяностые. Ух, как я это дело ненавидела!

— Нина, Нина, — заскочил в хату знахарки запыхавшийся Бад, — побежали, там Кира на спор драться затеялась!

Ох ты ж!

Посреди деревенской площади, около столба с колоколом, кружили двое, огромный, как бурый медведь, мужик со зверской физиономией завязного бойца, на что красноречиво указывали кривой нос и расплющенные уши, и наша амазонка, которая на фоне этого монстра казалась неожиданно тонкой.

— Во девка дает, — слышалось в толпе, — ишь, какая черная да гладкая, ну что твой водяной змей. Помнёт ее Зюб, как пить дать помнёт.

— А вот и не помнёт, — выкрикнул Дук, — ставлю серебряный цаль!

Офигел он, что ли? Но всласть поужасаться мне не дали, тотализатор организовался быстро. И я поставила!

За Киру были только мы трое и еще один человек, щеголявший отменной выправкой, тоже не местный. Как же я орала, поддерживая нашу девочку. Как оглашенная. И, одновременно, наблюдала за собой как бы со стороны. Да я ли это? Подпрыгивала, Дуку и Баду все рукава вытрепала, хватаясь и ища поддержки. Чуть голос не сорвала, только что чепец в воздух не бросала. И это все я?

Кира, действительно, была подобна змее, а мне она казалась нескладной. По давней привычке поджаливала рослую девку, так же, как всегда жалела баскетболисток. По условиям спора амазонка должна не дать вышибить себя из круга около десяти минут. Есть тут такой распространенный таймер — ведро с дыркой в дне, а в ведре вода. Как

вода вытекла, так и время истекло.

Механические часы, это для богатеев. У знахарки песочные заметила, а простой люд использовал простые методы или доверялся внутренним часам, как я, например.

Зюб был силен и ловок, сначала он примитивно хватал свою противницу, тактика успеха не принесла. Кира уворачивалась играючи. Потом начал теснить, используя свои габариты, потом, разозлившись, стал натурально драться. Толпа неодобрительно загудела, когда Кира-таки словила скользящий удар. По ее лицу я поняла, что все, развлекаловка для Зюба закончилась. Она перестала убегать и изворачиваться. На каждую попытку ударить отвечала двумя — тремя тычками, целя в глаза, в уши, в кадык. И отскакивала. Дурацкое пари переросло в полноценный поединок, страшный в своей непредсказуемости. Не привыкший проигрывать здоровенный деревенский задира и моя амазонка, которую учили эффективно устранять препятствие.

— Ставлю большой золотой на то, что девка выбьет амбала из круга. — Это тот, с выправкой, подлил масла в огонь. Сволочь! Толпа заулулюкала, выкрикивая непристойности.

Драка — это ужасно, это некрасиво, особенно драка, где бойцы неравны. Следить за передвижениями Киры мешало солнце, мелькнула раздраженная мысль, обращенная к светилу, «ты чего меня-то слепишь, уродо этого слепи!» А потом, «солнышко, родненькое, помоги моей девочке! Достаточно лучика косого, а?» Пока разгоняла радужные пятна перед глазами, не увидела эпический удар, который пропустил Зюб в свой многострадальный нос. Он падал назад скупно пытаясь поймать равновесие и все же рухнул. Его голова была за пределами круга. Пусть частично, но Кира его вышибла!

Она постояла несколько секунд, готовая продолжить, потом передернула плечами и ухмыльнулась, довольная победой и собой. Подтянутый протянул ей золотой и громко сказал:

— В королевскую гвардию таких как вы, милочка! Держите свой кергон, заслужили. — И добавил, напрягая голос и выразительно оглядывая толпу, — а чтоб к вам не было лишнего интереса, я провожу вас до столицы.

По сравнению с большим золотым кергоном наш с ребятами выигрыш выглядел тускло. Но приобретения свои мы почти окупали.

От выплаты не уклонился никто, потом у Киры расспрошу, нет ли здесь какой магии, а то, неровен час, вляпаюсь, с моим-то счастьем.

Ребята здорово организовали наш продуктовый рейд, ехали двумя повозками, запряженными низкорослыми мохнатыми лошадками с обильными кудрявыми хвостами. Специальная горная порода, как выяснилось. Теперь, когда мы тронулись в обратный путь, я поняла, насколько они были правы, мои мальчики, хотя мне казалось, что довольно нанять одну повозку. Путь в гору труден, да еще с седоками и поклажей.

Эх! Теперь бы с похлебкой выгорело... ох, стремно мне что-то.

Подтянутый обещание выполнил, пристроился в конец нашего мини-каравана. Интересно, это он Киру охраняет или сам под Кирину защиту пристроился?

Вот чего, ты Нина развредничалась, мужик заработать дал, симпатии толпы направил куда нам выгодно, опеку предложил. Попутчик о моих неблагодарных мыслях не ведал и терпеливо трусил на своем шикарном караковом жеребце.

Конь был настолько хорош, что я без конца оборачивалась, чтобы полюбоваться. В красноватых лучах заходящего солнца рыжие подпалины на его гладкой, почти черной шкуре, отсвечивали раскаленным металлом. Но, похоже, всадник мое любование принял на свой счет. Ну-ну. Интересный мужчина, слов нет. Рослый, с фигурой профессионального тангеро, и на лицо ничего, породистый. Волосы скрыты под традиционным башлыком, а глаза показались темными, но цвет не разобрала. А вот с воспитанием у него не очень, ладно мне, не просто же так я напялила наряд Нианы, он Кире не представился.

По въезде в город парни твердо заявили, что проводят нас до самого дома, помогут разгрузиться и заберут вторую, освободившуюся, повозку, чтобы вернуть ее на конюшни.

Ох, что-то мне нехорошо стало при мысли, что с ними будет, когда они увидят особняк Фукеш. Парни знали только, что наш дом на высоком краю, где жили те, кто не смог переехать в нижний город, ближе к новому королевскому дворцу, в который уже лет тридцать, как не новый.

А что станет с Сарой? Ее никак не предупредить о нашествии чужаков. Но нам действительно нужна помощь с разгрузкой!

Пока я гадала, предупредить ли парней заранее или поставить их

перед фактом, что вот мол, милости прошу в проклятый дом Сары
Фукеш, судьба решила все за меня.

В тупичке, ведущем к нашей живой изгороди шел бой.

Часть 13

Четверо в черном, вооруженные парными легкими мечами наседали на пятого, который с двух рук отбивался чем-то магическим. Его энергошары были бледными и не крупнее грецкого ореха. Это была не потешная драка на деревенской площади, это было преднамеренное, растянутое во времени, убийство. Черные наседали слаженно и целеустремленно.

Обреченный маг неловко пал на одно колено и в свете луны стало видно, что он удручающе стар. Его заряды не приносили ощутимого вреда нападающим, лишь удерживали их на расстоянии, оттягивая неизбежный конец. Может, они пытаются его пленить и просто изматывают? Ведь арбалет решил бы проблему на раз.

— Арбалет, — неосознанно прошептала я, но Кира восприняла это как приказ. Ей тоже не хотелось несправедливого убийства на нашем пороге. Самострел сунули Дуку, передававшему вожжи лошадки брату, следом за арбалетом материализовались клинки в руках амазонки. Новые, из хранилища Сары.

— Не убивай, — приказал наш позабытый спутник, обнажая свой меч.

Как они рубились, двое против четверых, смотреть было некогда, стороночкой, стороночкой, нервно оглядываясь на дерущихся и давясь ужасом, я пробиралась к поникшему старику. Он так и сидел на земле, тяжело опираясь на короткий посох и пытался отдышаться. Его головной убор слетел, явив луне седые волосы, небрежно перехваченные на затылке веревочкой.

— Дедушка! Дедушка, родненький, держись, не падай. — Все, что я могла сделать, это рухнуть на колени рядом и закинуть безвольную руку себе на плечо. Старик поднял голову, мазнул по мне взглядом и кивнул, то ли благодаря, то ли сам с собой соглашаясь.

— Держусь...

Боковым зрением я видела, как бьются спина к спине Кира и незнакомец, они были одного роста и так стремительны, что я не успевала отслеживать их перемещения. Уже почти стемнело. Ухо уловило гортанную команду и от вихря черных тел отделилось одно. Я

даже не успела понять, что это один из четверых в черном двинулся в нашу с дедом сторону... Вжикнуло со стороны лошадей... Черный отшатнулся. Над головой что-то просвистело, старик с неожиданной резвостью пригнул меня ниже, закрывая собой. Потом резкий окрик и удаляющийся топот.

Кажется, все закончилось. Дук так и держал арбалет на изготовку со взведенной тетивой и наложенным болтом. Наверное, он прав, вдруг эти, которые в черном передумают и придется снова стрелять. Кириарнисса и незнакомец оттянули черных на себя, это я видела. Того, кто отделился и попытался добраться до нас со стариком пуганул Дук выстрелом из арбалета. Похоже, что именно арбалет убедил черных ретироваться. А что тогда свистануло над нами? Запутавшись в переплетенных ветках одичавшей ограды, посверкивал метательный нож. Это от него дед меня закрывал? Обалдеть. А я даже не разглядела, как его метнули, однако, серьезные ребята, эти в черном. Тот урод кинул нож без замаха, только силой запястья. Я про такое только читала. Твое ж волшебное число “пи”!

Кира рывком подняла старика на ноги. Он был сух и невысок, но жилист, и по-прежнему опирался на меня. Смотрел маг исключительно на нашего защитника.

— Благодарю...э-э, господина, за спасение, — произнес дед хорошо поставленным глубоким голосом, — и юных барышень тоже.

И стал заваливаться. Пришлось срочно брать ситуацию под жесткий контроль.

— Дук, держи старца, Кира — в дом, пусть Сара открывает. Бак — ты с лошадьми. Господин, помогите Дуку и будьте нашим гостем. — Будущий гость иронично вскинул бровь, но подчинился. Мне подчинился. Несмотря на задрипанный вид. А у мужика есть мозги, что приятно. И небезопасно.

Черт! Или тот, кто меня сюда приволок, я совсем не уверена в том, что Сара готова расширить круг своего общения. Но деда на морозе бросать нельзя. Не обсуждается. И мужику этому я обязана, хотя бы тем, что он не оставил Киру наедине с четырьмя убийцами. Сара умничка, Сара поймет, в крайнем случае не станет показываться гостям.

Калитка освободилась от ветвей и распахнулась, к нам сажеными шагами спешила Кира, готовая принять опеку над стариком. Но Дук, то ли не осознал, где находится, то ли забыл, то ли просто мне доверился,

взвалил деда на плечо и смело вошел. Гость спокойно последовал за парнем, хотя, на мгновение расширившиеся глаза сказали мне, что он точно знает, в какой дом входит.

На кухне, слава богу, еще тепло и уже светло. Сары видно не было. Послав ей волну ободрения, благодарности и уверения, что все хорошо, занялась гостями.

Старик уже сидел у стола, а господин недоуменно осматривался, ведь их провели через задний двор сразу в кухню, а не через парадное.

Кира и парни метались, перетаскивая покупки из повозки в холодную кладовую при кухне, а я лихорадочно решала, за что хвататься. Первым делом, печь.

— Нина, мы с Дуком пойдем, — оторвал меня от растопки Бад, глаза его обещали расспросы с пытками, как только появлюсь в их мастерской. Дук мялся за спиной более раскованного брата.

Надо проводить ребят. Обняла обоих сразу, притянула к себе изо всех сил и истово зашептала:

— Спасибо, братья, да хранит вас в пути Сиштира. — И самой было неясно, это я братьев братьями назвала или в сёстры им набилась.

За спиной материализовался безымянный защитник.

— Не согласятся ли ваши удалые друзья позаботится о моем коне? — с насмешливой вежливостью обратился он ко мне, — ведь хозяйка не откажет гостю в ночлеге? — И протянул Баду четверть кергона. За такие деньжищи парням три дня в мастерской впахивать надо, даже с учетом расходов на коня.

Вот же ж, манипулятор! Куда ж мне деваться-то? Я бы даже не раздумывала, но Сара!

— Если господин не побрезгует нашим гостеприимством, то милости прошу.

Осталось выяснить, позволит ли Сара покуситься на хозяйскую спальню, там можно протопить и на кровати поместимся мы с Кирой вместе.

Остальные помещения, за ненадобностью, так и не были нами освоены. Дни проходили в трудах, в кухне обосновались два кресла и чайный столик, на котором стояло мое рукоделие. Это для вечернего отдыха. Спаленки у нас замечательные, хоть и без окон, зато прогреваются от кухонной печи. Такой образ жизни позволял экономить дрова.

Ох, а гостей-то и покормить нечем, те две порции похлебки, которые я припасла для нас с Кирой на ужин, проблему не решали. Какое счастье, что продуктов целая гора! Значит, первым делом — стряпня.

Старик оправился достаточно, чтобы заговорить.

— Еще раз благодарю за спасение. Моё имя Гунар Готтар, — и попытался приподняться со стула, но сил не хватило.

— Меня зовут Ниана Корреш, а это моя подруга, Кириарнисса. Мы квартируем в этом доме. — Представляясь, я осознала, что никогда не слышала фамилии Киры.

Безымянный гость назваться не спешил, но смирившись с неизбежным, проронил:

— Ваен Кер.

И все? Про старика, и так понятно — маг, а этот загадочный товарищ, он кто? Приемлемо ли переспрашивать? Гость все-таки, хотя и самозванный. С аристократами, кроме Сары, мне еще сталкиваться не приходилось, а новый знакомец, похоже, из них. Эвон, как морщится от окружающей обстановки. Признаться, загадочность этого Ваен Кера раздражала, а ведь я ему обязана как минимум за то, что он не бросил нас наедине с четырьмя вооруженными и агрессивно настроенными мужчинами.

— Добро пожаловать, Ваен. — Гость дернулся от моей нарочитой фамильярности, но стерпел. — Вам и уважаемому Гунару придется немного поскучать. Нам с Кирой необходимо заняться неотложными делами. Прошу прощения, но мы не готовы к приему гостей.

Амазонка, предательница, уже слиняла в холодную, разбирать поклажу, а мне предстоит скоростное приготовление ужина на четверых, хорошо, хоть печь-камень уже приобрели.

Старый маг не сводил с меня глаз, наблюдая, как я мечусь между кладовой, где присматривала за раскладыванием продуктов на хранение и плитой, где шкворчало и парилось.

Гости тихонько общались между собой, и меня не покидало ощущение, что они знакомы. Или, как минимум, знают друг о друге. Ну да дело не мое.

Кира закончила и повела гостей умыться, оставив меня накрывать на стол. Наконец-то можно сосредоточиться и приободрить Сару, она ощущалась где-то рядом, но не показывалась. Бедняжка, как ей тяжело

сейчас! Ну и что, что бесплотная, она думает и чувствует, ей может быть страшно или некомфортно, но я не почувствовала ни единой нотки неудовольствия тем, что без ее на то согласия в доме появились новые люди. И это после ста пятидесяти лет борьбы за неприкосновенность. Святая женщина! Ну да ничего, ночь перетерпим и выпроводим гостей на все четыре стороны.

А этот Ваен Кер наблюдательный, сразу вперил взгляд в пустующее место Сары, где стояла одинокая тарелка, без салфетки и приборов.

Гости чинно расселись. Готтар недоуменно смотрел на меня, развивающую суп по тарелкам.

— Приятного аппетита.

— Скажите, Ниана, вы ждете еще гостя? — указал он на прибор для Сары.

— Не гостя. В доме есть еще один жилец, надеюсь, она решится и, все-таки, присоединится к нам. Приятного аппетита. — Новые знакомцы сотворили над своими тарелками сакральный знак Луны и взялись за ложки, предварительно внимательно их рассмотрев.

Как тяжело соблюдать приличествующую случаю любезность. Все-таки, одинокая прошлая жизнь и общение с простецкими Дуком и Бадом в этой не способствуют оттачиванию манер. Чтоб икнулось тому, кто меня сюда притащил!

— Как так получилось, — завел разговор Ваен Кер, — что вы поселились в проклятом особняке? Я слышал, что репутация у этого дома ужасная.

Повисло молчание, пришлось пнуть под столом Киру.

— Я выиграла его в кости.

— И как давно? — Лаконичный ответ амазонки только раззадорил любопытство гостя, который немного забылся и отступил от своей роли простого попутчика, в голосе его проскользнули требовательные интонации человека, привыкшего быть центром внимания.

— Около двух недель, господин Ваен Кер. — На своем месте материализовалась Сара.

Часть 14

Старик выронил от неожиданности ложку, побледнел и схватился за стол. Ваен не аристократично закашлялся, Кира, откровенно ухмылялась и подмигивала нашей хозяйке, а я спокойно «наполняла» тарелку сырой силой, искоса наблюдая за гостями.

— Сара? Сара! — Гунар не находил слов, впечатлившись появлением призрака. И без того худой старик, казалось, усох еще больше.

— Я очень рада, тебе, Гунар, давно не виделись. — Сара как ни в чем не бывало принялась за свою порцию силы, зачерпывала из тарелки фантомной ложкой и наслаждалась произведенным эффектом. Этого фокуса мы с Кирой еще не видели. Похоже, что ложку она отрастила из себя самой.

Ох, ложка же. Пришлось подать магу чистую и, заодно стакан воды. А то как бы не сплехело деду. Мало того, что в драке с убийцами обессилел, так еще Сара ему стресс обеспечила, хулиганка.

— Господин Кер, вы боитесь! — нарочито светски заговорила хозяйка. — Почему?

Вот она, моя маленькая месть за то раздражение, которое вызывал этот странный типус. Чтобы ответить фантому, кое-кому понадобилось собраться с силами. Так-то. Я еще не простила ему ту выходку с провокационной ставкой во время драки Киры на деревенской площади. Золотой кергон у него лишний! А еще, вызывали досаду его высокомерные манеры, которые откровенно не вписывались в облик простого, хотя и обеспеченного путешественника. А как он обошелся с братьями? Практически принудил их себя обслуживать, хоть и за приличные деньги.

— Простите э-э...госпожа, мне еще не приходилось так близко общаться с призра...

— Господа, — с наслаждением перебила я незадачливого гостя, не давая ему произнести слово «призрак», кое-кто не любит слышать про себя такое, — позвольте вам представить: Сара Фукеш, Дух-хранитель этого дома.

Хозяйка наша стала выглядеть значительно лучше, уплотнилась и

оживилась, видно, эмоции гостей оказались вполне питательными.

— Не жалею меня Гунар. Это дело прошлое. — обратилась она к давнему знакомцу.

Старик грустно улыбнулся.

— Ты ведь расскажешь мне, что собой приключилось?

— Не сейчас, хорошо? — Одежды Сары затрепетали, — Господин Ваен Кер, — обратилась она к нашему попутчику, — примите признательность за помощь дорогому кузену и моим девочкам. И будьте нашим гостем, — ура, мое приглашение подтверждено начальством. — Нина, милая, у гостей тарелки совсем опустели.

Уф, во мне как взведенную пружину освободило, Сара не сердится.

Опаньки, Гунар и Сара родственники! Интересно, случайно ли старик появился именно у этого дома? И кто на него напал? И не спросишь, закон гостеприимства, чтоб его.

Гречка с мясной зажаркой пошла на ура. Аристократик не тушевался, активно работал челюстями и поглядывая на меня с нездоровым интересом. Испуг свой он уже изжил, с присутствием Сары пообвыкся, наелся, и теперь его мучил голод иного толка — любопытство.

— Странная у вас компания, дамы. — Начал Ваен без экивоков, как только перед ним оказалась большая кружка с чаем. — Наёмница без гильдейских знаков отличия, простолюдинка с замашками командующего армией и Дух женщины, почившей больше полутора сотен лет назад. Если с госпожой хозяйкой и наемницей все достаточно ясно, то Ниана Корреш полна загадок. С полудня за этой особой наблюдаю, но так и не понял, из какого она сословия сия мышка серая. А сейчас, вдруг выяснилось, что она носитель магического дара неизвестного мне вида. Я требую пояснений!

Ух, терпеть не могу, когда обо мне говорят так, как будто меня здесь нет. А этот еще требует чего-то! Приказывает он! Нагрубить наглому гостю не дала Сара, которая, конечно же, уловила всплеск моего негодования.

— Господин Кер, — фантом завис прямо перед аристократишкой, заставив его вздрогнуть, — вы невежливы с моей подругой. Мне не нравится! Она не обязана перед вами исповедоваться, не так ли?

Не устаю восхищаться этой женщиной! Судя по тому, как ужаснулся и полинял на своем стуле этот Кер, Сара попотчевала его своей

фирменной страшилкой, а голос сохранила совершенно спокойным и даже приветливым. Да и видок у призрака шокирующий, стол эктоплазме не помеха. Это мы уже пообвыклись к виду Сары, наполовину торчащей из стены и мило беседующей при этом.

— Госпожа Ниана, — заговорил старый маг, пряча усмешку, — а что еще вам подвластно из магии кроме аккумуляирования сырой силы?

— Зовите меня Ниной, господин Готтар, мне так больше нравится. — дождавшись недоуменного согласия, продолжила, — да ничего, собственно, не умею. Кира сказала, что и не сумею. Сырая сила ведь ни на что не годна, не так ли? Разве что Сару поддержать. Ну, еще мелкие ранки быстрее заживают, если их сырой силой «помазать», — добавила немного помолчав. Вспомнила, как лечила Кирино лицо после деревенской драки.

— Хм, — маг прихлебнул из кружки, явно желая продлить паузу, — хм. Думаю, что смогу вас порадовать через некоторое время. Надо только освежить кое-что в памяти. Такая магия, как у вас — большая редкость.

— О, — встрепенулась Сара, — Гу, ты ведь останешься погостить? Я пыталась учить Киру, но в моем состоянии, сам понимаешь, это очень сложно. Поживешь с нами, девочек немного поучишь. Соглашайся! И расскажи, что же тебя побудило вернуться? Я помню, что карьера твоя была на подъёме.

— Сара, дорогая, а давай мы тебе расскажем, как съездили и познакомились с господином Кером. — Пришлось демонстративно собрать опустевшие чашки. — Наши гости устали, не стоит сейчас тревожить их расспросами.

Бедная моя. Как же ей тут скучно и одиноко. Она ведь даже читать не может. Как страницы переворачивать бесплотной рукой? Хорошо бы старый опытный маг как-то смог облегчить эту страшную участь, или, хотя бы немного развлечь.

Вообще-то, вечер получился приятный, хоть и устала на совесть.

Я вязала в кресле, Кира уступила свое Гунару и устроилась поближе к печке, Ваен затаится в темном углу и внимательно слушал, как мы с Кирой по очереди рассказываем фантомной подруге, как провели день. И, казалось, что историю наших покупок он слушает с не меньшим интересом, чем Сара, которая требовала самых незначительных подробностей. Особенно она впечатлилась рассказом о

проделке нашей амазонки. Мне и самой хотелось узнать, как так получилось, что спокойная Кира ввязалась в то знаменательное пари.

— Пацан деревенский все нашего Бада цеплял. Вот и отвесила подзатыльник наглёнышу. Так он дядю привел, чтоб обидчика, то есть меня, наказать.

Понятно, внушительный Дук и Кира были заняты сбытом своих модернизированных поделок, а Бад неотлучно при лошадях. Чем не мишень для безнаказанного деревенского задиры?

— Я этого Зюба давно знаю, — неожиданно встрял в разговор Ваен, — часто через эту деревню мимоходом посещать приходится. Он затевает споры с приезжими, заработок у него такой.

— А зачем вы его золотом подначивали и почему на Киру ставку сделали? — не дает мне покоя этот его поступок, и все тут.

— Ведь гильдийка же, по ней сразу видно! — Действительно, что здесь непонятного?

— Эту выправку ни с чем не спутаешь, я просто в нее поверил. А золотой предложил, потому то скучно стало. Понятно же, что девка вывернется, вышибить из круга себя не даст. Только время зря протянет. Вот я и решил Зюба подзадорить. Знал, что от жадности он разозлится и начнет делать ошибки, а потому был уверен в выигрыше наемницы.

О как! Так это благотворительность такая? С мордобоем. А-ащц! Хотя, Кира со мной не согласится, для нее все абсолютно нормально, и не слабый подзатыльник чужому ребенку отвесить, и в драку с превосходящими силами противника ввязаться. Вот такая она, мораль этого мира, чтоб икнул тот, кто меня украл. Но, так или иначе, будем считать Ваена временно реабилитированным, он ведь руководствовался той же моралью, а я пока слишком слаба, чтобы навязывать свою.

— Нина злится! — оповестила присутствующих Сара. — Почему?

— Потому что она за меня испугалась, — вступила в разговор амазонка. Инициатива Киры меня несказанно порадовала. Хоть голос ее услышала, а то так и молчит с самого ужина. Кира немножко подумала, улыбаясь каким-то своим впечатлениям и добавила, — знаете, как она за меня болела! Она так взвизгивала, что уши закладывало, из-за этого Зюб дергался и отвлекался.

Ха! Да я там, порой, на ультразвук переходила! А Зюб этот, с его битыми ушами, наверное, глух, как пенёк, вот и реагировал на меня, как

на пожарную сирену.

Сара взволнованно заметалась по кухне, переживая подробности драки, слава тому, кто меня украл, Кире хватило ума не пересказывать, какими оскорблениями ее потчевал деревенский бретёр. Ваен иногда вставлял красочные комментарии, нахваливая навыки амазонки. Я помалкивала, переживая эту сцену заново, и вязала, а Гунар спокойно дремал. Пора всем на покой.

Неожиданно Сара взметнулась под потолок и исчезла, чтобы вернуться через полминуты, взволнованно трепеща одежками.

— У калитки стража. Кажется, они собираются войти...

Часть 15

По настороженным взглядам, которыми обменялись гости было понятно, что причина визита властей в них и они желали бы этой встречи избежать.

— Кира, милая, принеси купчую и наши плащи, мы выйдем к калитке. — Амазонка устремилась выполнять поручение. А мне бы хоть немного информации, чтобы понимать, как себя вести, я же абсолютная невежа. — Уважаемый Готтар, связано ли это с нападением? Точнее, не так, могут ли напавшие на вас иметь отношение к властям?

— Скорее всего, — вступил в разговор Ваен, — это связано с применением магии.

— А что не так с магией уважаемого Готтара?

— Я не успел зарегистрироваться.

— В данный момент вам что-то угрожает? — меня беспокоила поблёкшая Сара, она не заламывала руки и не вступала в разговор, но было очевидно, что она переживает.

— Незарегистрированному в мэрии или в ковене магу можно находиться в столице сутки, но ему запрещено использовать магию.

— Вообще? — интересно девки пляшут, а я? Я маг или не маг? У меня-то самой проблем не будет?

— На бытовую ерунду глаза обычно закрывают.

— Что посоветуете сказать страже? Ничего не видели или видели, но злоумышленники убежали?

— Лучше — ничего не видели.

Ну да, если бы видели, то почему живы остались? Отлично. Значит, несознанка. Кира, спокойно выслушала окончание разговора и кивнула.

— Думаю, пора выходить. Сара, спрячь наших гостей и не волнуйся.

Мужчины спешно удалились вглубь дома, а было ринулась на выход, но была отловлена Кирой и упакована в чепец. Да уж, не быть мне Штирлицем.

В над закрытым проходом парил светляк. Не Кирик. За проплешиной в живой изгороди топтались четверо. Прореженная изгородь не означает её отсутствие, так что незваные гости войти не

могли. Сара держала оборону. Какой-то человек вяло возился у самых прутьев. Чуть в стороне стоял другой, которого я определила как «офицера». Готова прозакладывать свой тюрбан, что господин мерз несмотря на плащ, выглядевший вполне надежно. А вот это не есть хорошо. Может заупрямиться и настоять на визите в дом, чтобы погреться, а я даже не знаю, какую линию поведения выбрать, одна надежда на Киру, мы договорились, что начнет она, а я подхвачу.

— Яркой луны вам, господа. — Тон Киры был уверенным и совсем чуточку недовольным. — Что привело вас в мой дом?

Служивый, который воевал с колючими ветками, заплетающими калитку, отступил, открывая обзор старшему по званию.

— Ваш дом? Насколько мне известно, милочка, особняк Фукеш пустует уже три десятка лет. — Офицерик, наконец, соблаговолил повернуться в нашу сторону, увидел Киру и уставился на обнаженный клинок. Ага, сообразил, кого милочкой назвал. Так-то тебе.

— Теперь здесь живу я и моя экономка, — надеюсь, сейчас достаточно темно и моей вытянувшейся физиономии не видно. К высокой должности экономки, в которую меня только что возвела амазонка, я как-то готова не была. Ну да ей виднее, а я не гордая.

— Вдвоем живете? — Офицерик шагнул в освещенный круг. Башлык и плащ форменные, а цвет отличительного канта не разобрать.

Светляк. Значит, среди пришельцев есть маг.

— К чему этот ночной допрос, — Кира присоединила свой светлячок к уже зависшему над калиткой, — и, с кем имею честь?

— Капрал-наиб Шодер. — Офицерик вел себя так, как будто все поголовно были ему обязаны.

— О! И что же королевской страже понадобилось в нашем спокойном районе?

Ой, что-то мне нехорошо. Я уже знала, что стража бывает просто стражей и королевской, с приставкой «наиб». Королевская, само собой, занимается сферой интересов короны.

— Чем подтвердите ваше право на владение этим особняком, уважаемая? И меч уберите. Вам никто не угрожает.

— Вот моя купчая. — Кира вогнала клинок в ножны и продемонстрировала развернутый свиток.

— Согласитесь, капрал-наиб, люди, которые пытаются войти в запертую калитку без приглашения, не могут не настораживать, — ох,

что-то я переборщила с изысканностью, я ведь просто экономка, но уж очень хотелось оправдать обнаженный меч.

— Ты права, милочка, — ответил капрал, всматриваясь в купчую, — но мы считали, что в особняке никто не живет. Только призрак, по слухам.

— Здесь заметили недопустимо сильный выброс магии. — В круг света вступил еще один товарищ. Представится он не счел нужным.

На его башлыке, помимо форменного канта, сообщившего о принадлежности к королевской службе, имелась еще кокарда в виде серпа луны. Кто это, я не знала, не приходилось сталкиваться.

— Мы вернулись с равнины около трех часов назад, — в голосе Киры промелькнуло некоторое небрежение, — все, что я сделала, это запустила пару светляков и разожгла печь.

Подтекст насмешки маг уловил. Действительно, на быстрое реагирование их визит не тянет.

— Да уж, на такой выброс вашей магии, госпожа, явно не хватит, — но ответная насмешка Киру не задела, ей ли не знать свой уровень и его слабость играет нам на руку.

— Значит, никого не видели?

— Слышали, — а вдруг у них какой-нибудь детектор лжи есть, немного правды сказать не помешает.

— Мы возвращались двумя груженными подводами. Слышали голоса и звон клинков. Видимо, кто-то решил использовать наш тупиковый переулок для недозволенного поединка, — уверенно подхватила Кириарнисса мою игру. Они убежали до того, как мы свернули сюда, мы слышали топот. На слух — трое, может быть больше.

Очень радовало, что как только амазонка предъявила купчую, попытки войти прекратились.

— Не страшно вам в доме с призраком? — Закономерный вопрос, а ответа мы так и подготовили.

— Теперь уже нет, — с обезоруживающей искренностью ответила Кира сущую правду, — а поначалу было жутко.

— Вам, госпожа, — насмешливо обронил капрал-наиб, — купчую пора заверить в мэрии, чтоб власти знали, что дом обитаем.

— Непременно! Спасибо, что подсказали. — Кира отвесила довольно глубокий поклон.

— И храм посетите, — добавил тот, что с кокардой. — У этого особняка жуткая слава. Надо бы убедиться, что вы не попали под влияние темной магии. И чем быстрее, тем лучше. Не позднее дня четырёх богов.

Ага, иначе храм придет к нам. Угроза была неприкрытой.

Посетители небрежно откланялись. Мы проследили, как за поворотом исчезло световое пятно от чужого заклинания, и вернулись.

Черт, как жаль, что в доме нет спиртного! Вполне бы сошло за валерьянку. А расслабляться нельзя, у нас гости. Да какой там, от внутренней дрожи у меня, кажется, весь ливер вибрирует. Гадостное чувство.

Кира, однако, вполне спокойна, как будто я вобрала в себя весь нервяк.

— Господин Кер прав, это действительно из-за выброса магии — Я сейчас не то что говорить, думать связно неспособна, только тихо радовалась выдержке Киры, я вот лучше чаем займусь, от стресса пить хочется.

— Я понимаю, — тяжело вздыхает Гунар, — что невольно навлек на ваши головы неприятности. И вы вправе требовать от меня объяснений. Но прошу потерпеть два — три дня.

— Да чего уж там, — Кира на диво благодушна, — понятно же, что у вас выбора не было.

— Да я, признаться, надеялся магией привлечь внимание патруля, — старик горько усмехнулся, — думал, что это мой единственный шанс.

— В столичной страже сейчас совсем нет толковых магов. — Ваен скривился, как словно эта мысль причиняла ему дискомфорт.

Начал и замолчал, как будто лишнего сболтнул. Вон как за чашку с чаем ухватился, не обжегся бы. Очень хотелось спросить, а как эту магию засекли, каким способом? И что за репрессии с регистрацией? Но лучше пока не светить своей неосведомленностью.

Однако, пора на покой.

— Сара, дорогая, ты где? — привидение соткалось из воздуха прямо передо мной. Опять совсем прозрачная!

— Не пытайся сейчас ее питать, детка, — старик смотрел требовательно и грустно, — Сара справится, а у тебя сейчас у самой сил нет.

— Вос-сточные комнаты готовы, я почис-стила. — Так она непросто разволновалась. Она работала, потому и растратила энергию.

— Но там же не топлено!

Мужчины усмехнулись несколько высокомерно, особенно Ваен.

— Ну уж комнату согреть в состоянии, — старый маг с ним согласился и поощрительно улыбнулся Кире, мол, конечно, научу, если пожелаешь.

Я было хотела предложить гостям умыться прямо здесь, на кухне, в тепле, но Сара что-то разошлась не на шутку. Признаться, меня удивляло ее сегодняшнее радушие.

Она попросила Ваена дать магическую клятву о неразглашении, и не простую, а клятву Миру, а значит, всем четверем богам. И своенравный Кер ее дал ни секунды не колеблясь. Обалдеть. Похоже, что к Саре он проникся небывалым пиететом. А гость спокойно ждал, что же хозяйка предложит ему взамен.

Я, признаться, тоже ждала с любопытством. Оказывается, все дело в купальне, существование которой Сара считала очень важной тайной. Мужчины щедрый жест хозяйки оценили, старик с благодарностью заметил, что вода отлично восстановит его силы.

Сегодня мы с Кирой мылись по-походному, уступив купальню мужчинам, зато комнатки наши уступать не пришлось. Как гости устраивались на ночлег, я не знаю, заснула.

Часть 16

Мое, как всегда, раннее утро началось необычно. За столом сидел Ваен. Вот так и подмывает назвать его Ваней. Он перебирал какие-то записи. Свитки, конверты, просто разрозненные листы бумаги венчала тетрадь толщиной в два пальца. Раскрытый разворот был испещрен цифрами, вписанными в не слишком ровные столбцы.

Где-то в душе заныла ностальгия, уж больно этот рукописный кондуит напоминал «книгу учета». Ну форма другая, ну цифры похожи на червячков в экстазе, но суть-то одна. Какая редкая удача, мне представилась возможность познакомиться с местным grossбухом. Ваен был так увлечен, что не заметил моего появления. Он старательно, шевеля губами, что-то подсчитывал, водя пальцем по колонкам цифр, и явно был удручен. Ну как же не сунуть нос в любимую цифирь? Если наш гость пытается суммировать, то у него плохо получается. Одного взгляда хватило, чтобы выцепить, по крайней мере, две ошибки.

Ну точно, книга прихода и расхода. Похоже на список оснастки какого-то судна: канаты, бочки, парусина, но Ваен заметил, что уже не один и обломал мне кайф.

— Чего тебе, — не слишком любезно, однако.

— И тебе доброго утра, Ваен.

Ух, как его перекосило, я опять забылась, надо говорить «луна скоро вернется». Оказывается, это была не единственная причина для гнева.

— Много себе позволяешь! Еще солнце на мою голову призови! И хватит мне тыкать! Волосы прикрой, нахалка!

— Вчера ты не возражал, — страсть как хотелось поёрничать, но зачем портить себе с утра настроение, — еще не ел, а уже грубишь. Сейчас мне некогда, а после завтрака я помогу тебе с цифрами. Если захочешь. — И трянула по-утреннему заколотой гривой. Волосы в еду не попадут, все надежно. Перед выходом закреплю косу вокруг головы, а это тонна шпилек и лишние страдания.

— Служанки нынче сильны в подсчетах? Куда катится мир!

— Нина не служанка! — Обозначила свое присутствие Сара. — Мне не нравится! Нина вдова Арона Корреша, это хороший род!

Гость вскочил из-за стола, покаянно поклонился хозяйке дома.

Ну да, если я не устояла и заглянула в бумаги, то Сара-то наверняка с самого начала у Ваена над плечом висит. Скучно ей. Я-то сейчас делами займусь, что интересного? Кира встанет, пойдет во двор разминаться и заниматься прочим руко-ного-махательством, тоже скукота. А тут такой аттракцион. И бумажки интересные и эмоции — насыщайся, не хочу.

Пока возилась с завтраком, грустила о милом сердцу геркулесе. Вот ведь! Овес есть, а геркулеса нету. Изобрести, что ли?

Пока хлопотала вокруг печи, не заметила, как к нам присоединился Гунар.

— Луна скоро вернется, Нина, — до чего же режет слух это приветствие, аж настроение портится. Кира на мое «доброе утро» уже внимания не обращает. А с тех пор как она увлеклась работой с металлом, стала допускать мысль, что бог солнца, так и не выяснила, как его зовут, все-таки полезный бог, ведь огонь, это его стихия.

— И вам не хворать, — ответ невпопад насмешил старика, а Ваен заворчал, что его отвлекают.

Ну, мне на это все равно. Он гость, а не хозяин дома. Вот-вот, пусть идет проветрится, думала я вслед выходящему Ванечке, пока не послала. А нечего мне здесь раздражение демонстрировать.

— Уважаемый Гунар, мы вчера все устали и перенервничали, как вы себя чувствуете?

— Спасибо детка, весьма неплохо.

— Вам же сегодня в ковен идти?

— Да уж, но лучше попозже. Мой резерв еще не вполне восстановился.

Ага, понятно. Вчерашнюю вспышку магии и появление магически истощенного мага связать — раз плюнуть. И живет дед в очень интересном особняке. Не-не-не, нам такого внимания не надо. И как поступить? Нужен мозговой штурм.

— Можно ли что-то сделать, чтобы восстановить ваш резерв в полной мере? — Ну, читала же я в книжках, что маги способны делиться энергией. А вдруг и здесь так?

Оказалось, что нет. Только естественный процесс, который может ускорить молитва всем четырем богам. Кстати! Нам же настоятельно рекомендовано посетить храм. А-ащ.

— Праздник будет завтра, завтра и сходим, — это Кира вернулась с разминки и услышала обрывок разговора. — Яркой всем луны над головой.

Какая-то мысль зудела на периферии сознания, но никак не хотела оформиться в конкретику. Ладно, подождем. Пора подавать завтрак. А тут бумаги разложены.

Этот ритуал Кира уже знает. Пока я готовлю порцию для Сары, она накрывает на стол. Придется ей разыскать этого счетовода. Уборка со стола, кстати, тоже ее забота, как и чистота нашей одежды. Сара сегодня с утра вполне плотненькая, так что энергии можно сцедить чисто символически, просто за столом посидеть. Вот она, мысль, которая не давала покоя!

— Уважаемый Гунар, а если вам попробовать подпитаться сырой силой? Может быть, это заменит молитву? — И протянула на ладони небольшой шарик энергии, совсем небольшой, с наперсток. Уж очень хотелось избежать неприятностей. То, что Гунар теперь наш, ясно как божий день. Сара ему рада.

Старик с любопытством и опаской коснулся кончиком пальца синей субстанции на моей ладони. И ничего. Сунул в нее всю фалангу. И ничего. Ах какое разочарование! Хорошо хоть Кира вышла поискать Ваена, а то Саре бы и ее эмоциями досталось.

Мои спонтанные идеи работают всегда! Проверено всей жизнью. Значит, следует предположить, что дело в методе, а не в идее. Пальцем ничего нельзя всосать, из пальца можно только высосать. Так, думай Нина, ты точно с чем-то таким сталкивалась. Сила...Энергия...Сила... Энергия...Чакра...Вот! Циркуляция жизненной энергии! В девяностые эзотерикой не увлекался только ленивый.

— Ты придумала! — Сара, как всегда, внимательна к моим настроениям. — Говори! Скорей!

Быстро объяснила про точку в центре ладони. Кажется, она называется «врата энергии» или как-то так. Не магу объяснить про потоки. Он даже сам догадался, что втягивать силу надо на вдохе! Получилось! После третьей порции Гунар слегка зарумянился и даже лицом посвежел.

— Даю клятву всем богам, что никто не узнает от меня об этой твоей способности, девочка!

Оп-па! А я даже не подумала! Мне осталось только с поклоном

принять клятву. И вовремя, вернулись Кира и Ваен.

За столом мужчины внимательно слушали, как мы с Кирой, при весьма заинтересованном участии Сары, обсуждаем планы на день. Амазонка прямо сейчас собирается идти в мастерскую. Но Гунар предложил ей вместе сходить в мерию. У него регистрация, а Кире нужно заверить купчую.

— Правильно, — Ваен уже расправился со своей кашей и ждал яичницу, — просто присутствие господина Готтара рядом избавит тебя от проволочек и мздоимства, не говоря уж о ненужных вопросах.

Кира приняла предложение с такой кислой миной, что я рассмеялась. Конечно, ей в мастерской интереснее. У них сегодня планируется трезубая цапка, клыки которой Кире, по моему совету, предстоит слегка прикалить. Инструмент же прочнее станет, значит, можно сэкономить на металле.

А я приду после полудня. На сегодня у меня запланирован эксперимент с обедом на вынос. Пробный шар, так сказать.

Сара, не скрываясь, радовалась. Ведь Гунар вернется. Из их диалога я поняла, что они уже немного побеседовали ночью, и, к обоюдному удовольствию, будут общаться дальше.

— Уважаемый Гунар, — идея, пришедшая мне в голову, была несколько экстравагантной, — уважаемый Гунар, а нельзя ли придумать способ, ох, только не смейтесь, если я глупость скажу. Мне кажется, если найти способ привязать частичку Сары к какому-либо небольшому предмету, она могла бы выходить за пределы дома. — Все три мага изобразили крайнюю степень удивления.

Вот же ж, предупредила же! Ну а что? Ложку она же из себя отращивает! Может, и маленькая Сарочка отпочкуется?

Одна мысль заставила забыть о смущении. Библиотека. В таком богатом доме может быть библиотека! Пусть несколько устаревшая, но все же.

Ох, простодыра, я простодыра, только огорчила Сару. Могла бы и сообразить, что книги вывезли, жильцов-то с возможностями хватало. Но идея с путешествием фантома или его частички вместе с кем-то из нас уже запала в умы, раздражая кажущейся неразрешимостью.

Меня вот, от существования грузового контейнера в шве Кириноного плаща, колбасит. А их — от моей идеи. Наверняка у Ваена тоже пространственный карман имеется, а иначе где бы у него такая кипа

бумаг хранилась?

Кстати, о бумагах! Пока маги обсуждают мою бредово-гениальную идею, можно заглянуть в гроссбух. Да кто ж так движение товаров контролирует? На каждый своя страница нужна, а тут все в кучу, то есть все подряд писали. Благо, даты были проставлены. Меня аж азарт разобрал. Если это собственность Ваена в столбик расписана, то его кто-то нагло и планомерно дурил. Посуда вымыта, экспериментальный суп варится, можно потратить часок на надменного аристократа. С целью утереть ему нос, разумеется. И чего я на мужика взъелась? Он же не знает — я не просто местная нищая молодка, а целый советский инженер, практикующий, что немаловажно. Практиковавший. Так, Нина, это уже неважно, не раскисать! Где там мои канцелярские запасы?

Наконец, недовольные мужчины удосужились заметить мое странное поведение, а у меня уже и таблички заготовлены. Я таких табличек за карьеру столько заполнила, на пару архивов хватит. Так удобнее всего технологические цепочки отслеживать, Батя ценил, земля ему пухом.

— Да как ты смеешь брать мои бумаги?! — Ну так и знала, что он сначала зашипит, потом только разбираться станет, вот же ж, ар-рискрат!

— Да так же, как тот, кто у тебя под носом ворует и путанные циферки тебе подсовывает, — бедный Ваен, служанка в штопаной юбке ему на тупость указала, преспокойненько так, да еще условия ставит, — и не кричи, если хочешь, чтоб я подставы нашла.

Старик Гунар звонко хлопнул по столу, явно имея что сказать, но его опередила Сара.

— Вы гос-сть, гос-сподин Кер, не с-сабывайтес-сь, — ну, вот, призрака расстроили. Опять бедняжка, пришептывает. Может, подкормить? Но получила решительный отказ. Интересно, откуда во мне так много этой синенькой энергии, сколько бы Саре ни скармливала, на самочувствии это никак не отражалось. Гунар смотрел во все глаза.

— Удивительное доверие между вами, дамы, — старик с удовольствием наблюдал за нами и улыбался так светло, что даже морщины на его лице казались красивыми.

— Нина, а что тут написано? — Это Кира демонстративно сунула

нос в мои таблички, намекая, что Ваен опять остался в одиночестве со своими капризами.

— Ты испугалась! Почему? — Конечно, Сара немедленно отреагировала на мой эмоциональный фон.

Потому что я клиническая склеротичка и все графы в таблицах заполнила по-русски. Практики в местной клинописи, напоминающей смесь тайского и элементов языка программирования, у меня не было, читала бегло, а вот попрактиковаться в письме не догадалась. А-ащц!

Часть 17

Кира замерла с листком в руках, Сара затрепетала своей многослойностью, поняв, что привлекла ко мне нужное внимание. Они-то ни в чем не виноваты, это я допустила эпическую глупость.

Ваен тоже ухватил одну табличку и разглядывает ее с неприкрытой издевкой, дескать, наглая девка сама себе яму вырыла, пытаюсь за умную сойти, а сама только дурость свою и показала. Пожалуй, он абсолютно прав, это я, по давней привычке мужиками командовать, взяла неверный тон. Одичала среди работяг.

— Прости, Ваен. Я увлеклась и не спросила твоего разрешения. Но, с цифрами могу помочь, уж поверь. А что до остальных твоих претензий, не обессудь, задеть не хотела. Но и себя обижать не позволю. Пусть, я скромная вдова, но я у себя дома.

Остальное, дружок, сам додумаешь. И нечего меня взглядом гнуть, дорогой гостенька, который хуже татарина, уступать в гляделки не намерена. Ух, какие у тебя глазки, действительно, тёмные. Один серый, второй серо-зеленый. Как интересно, кажется, человек с такими разноцветными очами называется мозаик.

— Ты тоже права, Нина, гость не должен командовать и требовать.

Ладно, я не гордая, могу и за куцонькие извинения принять. Похоже, что-то дошло до товарища сквозь всю эту спесь. Только девочек моих разволновал. Кира, вон, за Сару спряталась.

Лишь Гунар расслабленно сидел на своем месте и наблюдал за происходящим с мудрой насмешкой.

— Нам всем пора отправляться по своим делам. — Объявил он поднимаясь. Уфф, объяснения моей промашки с табличками откладываются.

— Но вечером, — Ваен упрямо насупился, — я рассчитываю получить обещанную помощь. Я сейчас я иду с вами, мне коня надо проведать.

Господи, или тот, кто меня сюда приволок, это он со мной собирался идти? Полчаса пешком до рынка? А я с бидоном супа? И что, он опять собирается здесь ночевать?

Подлетела Сара и коснулась лица этой своей энергетической

эманацией. Ласково-ласково. Спасибо, Сара, что попыталась приободрить, а то с самоконтролем что-то совсем беда.

Мое появление в рыночной униформе — дорогом плаще, хорошей юбке и, главное, тюрбане, который уже стал моей визитной карточкой, аристократик наш натурально рот открыл. Ну, хоть от комментариев воздержался, и то хлеб. Я перед ним как будто виновата в чем-то, потому и с раздражением справиться никак не получается. Но, сейчас не до самокопаний. Срочно нужно восстановить душевное равновесие и быть приветливой. У меня рекламная акция!

Ваен, как только мы вышли на людное место, нанял крепкого подростка-носильщика, освободив меня от ноши. Пока спускались и я несла груз, он развлекал всех, ненавязчивыми пояснениями. В бумаги нос он сунул именно потому, что заподозрил неладное. Заметил, что приток его личных средств заметно оскудел, а потому и предпринял это путешествие, чтобы осмотреться на месте и заодно проверить, насколько честно указаны цены закупок в печально знаменитом гроссбухе. И, таки да, у него две небольших рыбацких шхуны. А что, я, и вправду, во всем этом разбираюсь?

— В товарах — нет, — мое честное признание вызвало торжествующую улыбку, — а считаю быстро и наверняка.

Далее последовал аттракцион «подлови Нину на ошибке». Да чем бы гость ни тешился, лишь бы про странные буковки не спрашивал. Так и дошли, слава тому, кто меня стырил.

А потом, на солнышко помолясь и скомандовав себе «апорт», приступила к сегодняшней миссии.

Бад гордо прошелся со мной по всему оружейному ряду, безропотно таща в заплечной корзине укутанную бадью с рекламным угощением.

Побалуй-ка вкусным утробу, горячей похлебки попробуй!

Всем желающим угоститься я наливала черпачок в подставленную тару, чаще всего в кружку, и, мило улыбаясь, приглашала завтра в это же время перекусить большой горячей порцией около лавки Дука и Бада. Торговцы охотно угощались, благодарили, даже заигрывать пытались, чем приводили меня в несказанное изумление, вот я и тупила, отвыкла от мужского интереса, уже лет — цать как, вот и не могла сдержаться. Уж не знаю, что там отображалось на моей мордочке, но пара мужиков отшатнулась, правда, не забыв свою халяву.

Бадейка опустела, и провожатый мой счел, что был вежливым достаточно долго.

— А вы что, правда с призраком живете? И он вас не трогает? А какой он? А почему других трогал?

Как я могла забыть? Знала же, что расспросы неминуемы, чего уж теперь. Уверена, что Киру в мэрии также мучают.

— Правда, Бад, все правда. И не он, а она. Ее зовут...

— Сара Фукеш, я знаю, — Бад был весьма собой доволен.

— Ну, так вот, она Дух дома, а не какой-то жалкий призрак. Понимаешь? И нас с Кирой она не трогает, потому что мы с ней подружились. Сара очень милая и заботливая.

— Ну-у! Скажешь тоже, заботливая! Сколько людей померло!

— Сами виноваты! — мой жесткий окрик несколько сбил патетический накал обвинений. — Сара нападает только тогда, когда ей или дому угрожают! Ну, и еще, за нас с Кирой заступится может. А в остальном, она замечательная.

— А ходят слухи, что она незваных гостей ест!

— Да? Я что-то ни одного трупа или скелета не видела! — Этот тупой разговор уже надоедать начал. — Слушай внимательно, Бад, второй раз повторять не стану и за пустую болтовню спрошу! Сара не ест, тем более людей. Она питается энергией эмоций. Запомни, но не трепи языком. Если кто в дом сунется, получит не только отнее и от Киры, но и от старика — мага. Он теперь будет жить с нами.

Вот ведь! Какой нервной я вдруг стала! Какого демона я на бедного парнишку наинулась? Надо исправлять. Обнимать посреди базара не стоит, но по руке-то погладить можно.

— Хочешь, я вас с ней познакомлю? В гости придете? Вот только с Сарой договорюсь. Стряпни моей попробуете, а?

Кажется, пронесло. Обиду удалось развеять. Не хватало еще с братьями рассориться!

А в мастерской уже топтались Гунар и Ваен. А этот-то откуда взялся, он же в конюшни ушел?

Кира хвасталась. В кожаном фартуке, с черной банданой на светлых волосах и раскаленным прутком в руке, она выглядела счастливой. Синие раскосые глазищи горели удовольствием и торжеством. Этот фокус я уже знала, точнее, сама и научила. У толстого железного прута, местного аналога лома, прикаливался только рабочий

кончик, жало. Кире удавалось разогреть металл равномернее, чем в горне. А с силой нагрева и временем выдержки они с Дуком еще экспериментировали. Тут у меня был провал в знаниях, только вершки. Зато, я надоумила их записывать результаты.

Возвращались домой всей гурьбой. Ваен нанял коляску до верхнего города, потому мы и помалкивали по пути. Нечего вознице уши греть. Да и Саре надо будет все подробно рассказать, так зачем запал зря тратить.

Оставленные на столе бумаги Ваена снова дадут повод для расспросов, стемы не соскочить, но благословен будь Гунар, у меня было время для того, чтобы набраться решимости. Точнее, для того, чтобы принять неизбежное. Саре я верила, а она не проявляла неудовольствия, значит, и мне следует довериться этим мужчинам. Но страшно. Страшно до того, что мир в моих глазах утратил даже те скудные краски, которые имел. А дальше ведь тянуть некуда, завтра надо идти в храм, а для этого мне нужна хотя бы какая-то информационная подготовка. Все что могла, Кира уже рассказала. Описать последовательность ритуалов было выше ее возможностей.

Сара встретила нас нетерпеливым трепетом одежд. Соскучилась.

— Наконес-с, рассказ-сывайте с-скорее.

Я быстренько отчиталась о своей рекламной акции не отрываясь от хлопот. Обед у нас был хоть и скромный, но его следовало подогреть и подать. Что я и проделала, попутно забавляя Сару рассказом о том, как один из моих потенциальных клиентов, обладатель роскошных казацких усов, получив свою порцию, забавно мучался с ней, не имея ложки. Дяденька работает по меди и бронзе, это очень кстати, нержавейки и алюминия здесь еще в обиходе нет, а посему парочку удобных кастрюлек и сотейник я ему закажу. А под казан надо будет приспособить ту неудобную кастрюлю, которая так меня возмутила в самый первый день. Придется, раз у нас столько едоков образовалось. Ну и про визит братьев удочку закинула.

Кира про свои мытарства в мэрии рассказывала скупно. Она, вообще, у нас немногословная. А тут еще и достали порядком, слова-то Кира бы нашла. Но дама наша такое говорить не позволяла, а Сару огорчать мы не любили. Ваен все точно предсказал, и вопросами лишними донимали и тягомотить пытались, вымогая монетку. Гунар навел порядок быстро. Его регистрация прошла без эксцессов. Он,

оказывается, один из самых уважаемых магов не только в этой стране, но и во всех странах по эту сторону гор. Наше королевство, с неблагозвучным названием Хариг, было не больше Латвии, насколько я могла судить. Ну а каким, если его можно пересечь за пару недель верхом, коли не слишком гнать? Но тут я на свою оценку не положусь, я и верхом-то никогда не ездила, а лошадей только по телевизору любила.

Так вот, Гунар, только вошел в эту канцелярию и сказал:

— Кириарнисса, деточка, я тебя внизу подожду, поторопись.

Клерки новенькую фибулу на плаще мага срисовали сразу. Я так поняла, это и почетный знак и следилка за гостем, которого, в принципе, контролировать мало кому под силу.

Но вот дела переделаны. Плов из полбы томится на печь-камне. Гунар демонстративно отстранил меня и Киру от доставки дров со двора. На ночь все равно топить, а потому, дров лучше припасти засветло. Понимает дед, что его присутствие, хоть и желанное — для нас лишние хлопоты.

А теперь, соберись Нина, час икс настал. Надоело ловить на себе нетерпеливые взгляды Ваньки, наблюдать волнение Сары и давиться сочувствием Киры. Устала уже бояться.

Мудрый Гунар и тут исхитрился облегчить мою ношу, дайте местные боги ему доброго долголетия.

— Вы помните, господин Кер, кто придумал водопровод? — Вопрос старого мага выбил из колеи всех, но прервал затянувшуюся паузу.

Гунар смотрел на аристократа спокойно и требовательно.

— Я читал давнюю легенду, — Ваен недоумевал, но послушно отвечал на вопрос, — что в соседней Гулее жил некий наиб, служил короне, был изранен и скончался от ран. Едва ему закрыли глаза, как он очнулся и заговорил на неведомом языке. И стал вести себя очень странно. Говорить по-нашему учился заново. Требовал, чтобы знахарь мыл руки крепким вином, только после этого давал перевязывать себя. Если не получал того, что он хотел, сердился и начинал светиться синим... — Ваен замолк в замешательстве, выводы напрашивались сами собой, — хотите сказать, что Нина тоже с изнанки?

А я что? Я ничего, притихла и молчала, только смотрела во все глаза. Вскочила Кира, замельтешила Сара. Гунар напрягся, наблюдая за работой мысли изумленного Ваена. Кто знает, что подсказывают

старику опыт и умения.

— А конец легенды помните?

— Да, но смутно, — Ванька что-то совсем растерялся, ловко его старик от скоропалительных высказываний отвлек.

— Не напрягайтесь, я напомним. Иномирец прожил длинную жизнь, много полезного сделал, а умирая, сказал, что он не выплатил долг за воскрешение. И что долг этот, рано или поздно, будет выплачен.

Ой, а ведь на мне тоже долг за воскрешение! Только вот перед кем? У кого достаточно сил, чтобы переместить душу мимо чистилища в другой мир и впихнуть ее в тело только что усопшего? Но Кира ведь не умирала?

От раздумий отвлекла легкая боль, это Ваен тыкал пальцем в мою щеку, требуя внимания к своей нетерпеливой персоне.

— Ты из другого мира? Ты?

— А что со мной не так?

— Да все! Все не так!

А-щц! Театр абсурда, утренний спектакль!

— И что господин теперь делать будет? Надеюсь, не... — высказать пару гадостных предположений не дал Гунар.

— Господин Кер благородный человек, не так ли? — старик спокойно посмотрел ему прямо в глаза.

Да кто его знает, может и благородный, а я бы от еще одной клятвы не отказалась, только зачем это аристократу? Эвон как на дедово замечание про благородство вскинулся.

Оказалось, что за надом.

— Клянусь Миром, что не причиню вреда женщине по имени Нина.

— Ни словом, ни делом, ни бездействием, — что-то меня на штампы от нервов потянуло.

— Ни словом, ни делом, ни бездействием, — охотно и торжественно повторил Кер.

И тут меня пробрало. Сидела себе спокойно, на Ваена пялилась, не понимая причин этого шикарного поступка и, вдруг перестала его видеть за пеленой слез. Иногда такое бывает, когда слезы приходят раньше дыхательных конвульсий. Рыдала так, что не успевала вдохнуть. Рыдала уронив голову в ладони, широко открывая рот и кривя губы. С судорожными всхлипами и подвывом. А потом оказалось, что вою я уже не в свои ладони, а в плечо старого мага.

— Тише, детка, тише. Тебе не надо бояться. Я помогу. Я ведь сюда пришел, потому что тебя искал.

Часть 18

Наверное, Гунар применил какую-то успокаивающую магию, потому что рыдательная экспрессия неожиданно быстро сошла на нет, и о былой истерике напоминала только сушь во рту, даже голова не болела, напротив, была абсолютно ясной. Так четко я не мыслила, пожалуй, ни разу в жизни. Кира уже стояла рядом с кружкой воды, Ваен был бледен и растерян, но держался, не кривился и не изображал из себя жертву. Поверил? На диво плотненькая Сара заглядывала мне в лицо из-за плеча мага. А сам маг светился отеческой улыбкой, делавшей его очень родным.

— Вы целитель? Спасибо!

Так себе начало разговора, но сейчас, что не скажи, будет так себе.

— И целитель тоже.

А, ну да, они же здесь все универсалы, делятся не по стихиям, а по предпочтениям, кому с какой силой или комбинацией сил работать лучше удастся.

— Ты же увлекался артефакторикой, Гу! — Сара на правах родственницы и хозяйки дома взяла беседу в свои руки.

— Чем одно мешает другому, дорогая? — Гунар погладил меня по плечу и вернулся в кресло, которое негласно закрепилось за ним, — но, видимо, стоит объяснить вам всем, кто я и зачем сюда явился.

Ваен поманил за собой Киру, дескать, на минуточку, и вышел. Вернулись они быстро. Кира несла стаканы из буфета в парадной столовой, а гостюшка — бочонок литра на четыре, в котором было вино, довольно крепкое, вроде портвейна. Это был красивый жест, я оценила. Наверно, он в своей пространственной сарайке небольшой винный погреб таскает.

— Ты, Сара, многого не знала о нашей семье, маленькая была. Я тоже был весьма юн, но хорошо его помню.

— Кого? — Сара всем своим видом изображала готовность слушать.

— Визитера с изнанки. Он был моим предком. Точнее, предком был тот, в кого вселился его дух.

— А сколько вам лет, уважаемый Гунар? — неприлично такое

спрашивать, но для меня это важно.

— Так вы гулеец, мастер? — этот вопрос волновал Ваена.

— Я чуть старше Сары, мне сто восемьдесят шесть, и да, я отчасти гулеец, предки моей матери оттуда. Там, в Гулее, и состоялось знакомство с Нордом Павишем. Он умер через три года после нашей встречи, мне было уже около четырнадцати, я хорошо его помню. Предок Павиш был нелюдим, но детей любил и привечал. Со стариком было интересно. Я думаю, Нина, что он был твоим соотечественником.

— Почему?

— Потому что ты пела ту же мелодию, которую часто мурлыкал мой предок. — Гунар напел первые такты.

По позвоночнику пробежался холодок. Чуть искаженная, исполненная в непривычном темпе, мелодия была узнаваемой и такой родной. «Землянка». Если бы не вино, я бы впала в очередной приступ истерики.

Гунар хорошо подготовился. Он принес с собой тоненькую тетрадь, дневник своего пра-, написанных корявым почерком человека, не привыкшего к этому занятию и пишущего для себя, а потому, не озабоченного ни плавностью речи и красотами оборотов. Чего мне стоило оторваться от этих драгоценных страниц! Но это успеется, а вот разговор прерывать нельзя.

— И как он провел остаток жизни после переноса в этот мир? — Вот это мне, действительно, важно. Почти так же важно, как выяснить, кому я так крупно задолжала.

— Он прожил хорошую жизнь, Нина. Я застал его уже в очень почтенном возрасте. С момента переноса прошло чуть больше двухсот пятидесяти лет.

Итак, мой соотечественник пробыл в этом мире лет семьдесят. Есть основания предполагать, что и мне отмеряно не меньше. Радует это меня? Огорчает? Поживем, увидим. Стара я, чтобы делать прогнозы, жизнь научила осмотрительности.

— А зачем вы искали Нину, мастер Гунар? — Ваен был напряжен, слишком напряжен для человека, который оказался просто случайным свидетелем чужой драмы.

— Затем, что магические обязательства, данные предками переходят на потомков, вам ли это не знать?

Вот, опять это саднящее ощущение, что Ваен не тот, за кого

пытался себя выдавать. Узнавать, кто он на самом деле решительно не хотелось, своих проблем выше крыши.

— В роду матери, — продолжил рассказ Гунар, — магов было немного. Я, как самый сильный из живущих, принял на себя это обязательство старого Норда. То, что долг остается долгом, я чувствовал всегда. Едва ощутимое неудобство, на которое было легко не обращать внимания. Две недели назад дискомфорт перешел в тревогу и потребность действовать. Норд был таким же магом, как и ты, Нина, и умел выделять сырую силу, щедро разлитую в его крови.

На столе появилась фигурка из стекла. Красная пятиконечная звезда, а внутри силуэт ангела с полураскрытыми крыльями, молитвенно сложенными руками и просветленным ликом. Я даже не могу представить себе, как это можно сделать человеческими руками. Искуснейшая работа удерживала взгляд, погружая в транс любования, вытесняя сумбурные мысли, растворяя ненужные страхи.

— Кровавый хрусталь! — Восхищенный ужас Ваньки вырвал меня из прострации. Вот чего его надирает? Но статуэтка уже не так притягивала, это радует.

— Не пугайтесь, Ваен, — Гунар проказливо ухмыльнулся, — артефакт довольно старый, тогда еще не было запрета на магию крови.

Артефакт, это хорошо, это мне, как инженеру, наиболее близко в магии. По крайней мере, так было, когда я зачитывалась фэнтези, но, кровь? А я хочу знать подробности? Ап, Нина! Не хочется, а придется. Надо постараться поскорее разобраться с этим дерьмом, если я не хочу, чтобы оно влияло на остаток моей жизни.

— Нина, детка, — обратился ко мне старый маг, — выпусти свою силу ненадолго.

Да легко.

Глубокий багрянец стекла сменился размытым ультрамарином. Или этот цвет называется электрик? А-щщ! Нашла о чем печалиться, газовая конфорка, она и есть газовая конфорка!

— Вот так я и узнал, что в мире вновь появился гость с изнанки, — Гунар довольно щурился, — а найти тебя особого труда не составило. — На стол легла цепочка с пулеобразной подвеской, — поисковик указал место на карте. Организация путешествия заняла времени больше, чем, собственно, сама дорога. И вот я здесь.

— А те, кто на вас напал? Они связаны как-то с э-э... целью вашего

путешествия? — Это Кира, наконец, подала голос, охранника из себя быстро не вытравишь. А ведь верно, я непростительно беспечно позволила себе отмахнуться от этого эпизода.

— Хочется верить, — задумчиво сказал Гунар, — что это просто случайность. И Кира верно угадала, что мужчины затеяли недозволенный поединок в заброшенном тупичке, но для простых бретеров они слишком слаженно действовали. Мне в этом королевстве не рады многие. Можно назвать полдюжины имен известных людей, которых может обеспокоить мое появление и люди эти в состоянии не допустить своевременной регистрации.

— То есть, вы хотите сказать, что эти нападавшие «программу минимум» выполнили, пусть не убили, но магически вымотали и недозволенное использование магией спровоцировали. Всплеск был зафиксирован и вас начали искать.

— Странно, что не нашли, — Ваен немного захмелел, пьем-то без закуски, зачем забивать божественный шоколадный привкус?

— Нина, детка, — обратился ко мне старый маг, — выпусти свою силу ненадолго.

Да легко.

Глубокий багрянец стекла сменился размытым ультрамарином. Или этот цвет называется электрик? А-щщ! Нашла о чем печалиться, газовая конфорка, она и есть газовая конфорка!

— Вот так я и узнал, что в мире вновь появился гость с изнанки, — Гунар довольно щурился, — а найти тебя особого труда не составило. — На стол легла цепочка с пулеобразной подвеской, — поисковик указал место на карте. Организация путешествия заняла времени больше, чем, собственно, сама дорога. И вот я здесь.

— А те, кто на вас напал? Они связаны как-то с э-э... целью вашего путешествия? — Это Кира, наконец, подала голос, охранника из себя быстро не вытравишь. А ведь верно, я непростительно беспечно позволила себе отмахнуться от этого эпизода.

— Хочется верить, — задумчиво сказал Гунар, — что это просто случайность. И Кира верно угадала, что мужчины затеяли недозволенный поединок в заброшенном тупичке, но для простых бретеров они слишком слаженно действовали. Мне в этом королевстве не рады многие. Можно назвать полдюжины имен известных людей, которых может обеспокоить мое появление и люди эти в состоянии не

допустить своевременной регистрации.

— То есть, вы хотите сказать, что эти нападавшие «программу минимум» выполнили, пусть не убили, но магически вымотали и недозволенное использование магией спровоцировали. Всплеск был зафиксирован и вас начали искать.

— Странно, что не нашли, — Ваен немного захмелел, пьем-то без закуски, зачем забивать божественный шоколадный привкус?

— Наверное, репутация особняка Фукеш оправдывает утрату рвения, — ох ты ж, он же не знает, что я поспособствовала восстановлению резерва старого мага, но ведь догадаться-то совсем несложно. Хорошо, что клятва уже дана, непонятно только почему так легко. Такое доверие к Гунару, или у Ванечки свой интерес? И это точно не мужской интерес к стервозной замухрышке. А вот дом Сары Фукеш в качестве тайного убежища — вполне. Пусть и с неприятным приложением в виде вздорной меня.

— А скажите уважаемый Гунар, мой предшественник...

— Да что ты заладила, уважаемый Гунар, уважаемый Гунар, — зови дедушкой. Мне понравилось, как ты называла меня там, в переулке.

— Скорее уж дядюшкой, — так, похоже, меня все-таки развезло даже сквозь весь этот адреналин, поющий в крови до сих пор, — мне ведь на момент смерти там, дома, было пятьдесят пять без одного месяца. Три четверти жизни позади.

— Да? С этой точки зрения, мы почти сверстники, но я уже привык думать о тебе, как о молодой особе. Пусть будет дядюшка. И для тебя Кира, детка, тоже. А то ты на меня глаза поднять боишься.

— Вот это будет нашим вами... то есть, нашим с тобой, дядя Гу, следующим разговором. Но это — после храма.

Сара веселилась, выражение «дядя Гу» ее насмешило, ну хоть кто-то радуется. Для меня, битой жизнью тетки, вот так запросто принять в «дядюшки» незнакомого и явно обремененного врагами мужчину было абсурдно. А как отказаться? В этой ситуации — просто невысказанно глупо. Такими предложениями не разбрасываются. М-да, Нина, ждет тебя большая работа над собой. Чтоб зачесалось, у того, кто меня украл, найду — почешу!

— Разговор о чем, детка?

— Это потом, дядюшка, — обращение вырвалось легко, даже без

внутреннего стеба, — а сейчас, хотя бы в двух словах, о моем предшественнике. Как он жил? Вы упоминали водопровод.

— Да-да. Водопровод и гладкие зеркала, это придумал предок Павиш. Эти вещи составили основу благосостояния семьи моей матери. Еще он занимался с целителями, но больше в качестве знахаря, хорошо в ранах разбирался. Под конец жизни подружился с горными людьми, но об этом мало что известно.

— А как к нему относилась семья? Что-что, а замена личности не могла не удивить.

Норд отстранился от семьи сразу. Переселение ведь произошло в тело взрослого мужчины, имеющего жену и детей. О жене мне мало что известно, новый Норд ей не нравился. А о детях он хорошо заботился настолько, насколько мог. Это все, что я, будучи мальчишкой, запомнил. Когда мы познакомились, предок Павиш уже жил один, в маленьком, но очень удобном домике, который сам и построил.

Похоже, все главные слова на сегодня сказаны. Хотелось остаться одной, а лучше, в компании стакана этого забористого портвейна.

Плов на плите, Кира справится. Сара напилась. Вполне могу себе позволить слинять, прихватив записки моего предшественника.

Пятиконечная фигурка на столе вновь притянула мой взгляд. Психоделическое сочетание двух символов, христианского и красноармейского, бредило душу неразрешимым конфликтом.

Моего предшественника звали Николай Арёфьев. Простой мастеровой дядька, слесарь на стекольном заводике.

Он погиб под Смоленском, ему, как и мне, было за пятьдесят.

Рядовой санитарного взвода, приписанный к прифронтовому госпиталю. Он не таскал раненых с передовой, он ухаживал за ними подальше от линии фронта. За два года боев научился бинтовать, промывать, накладывать шины и тому подобное, а главное, был ценен хирургами, как умелый и уравновешенный ассистент. Ровно держать фонарь, если вдруг отключат свет, придержать пациента, когда вся анестезия — стакан спирта, ну, и мужицкая сила, когда тяжелораненые идут потоком. Юнкеры буквально висели над Днепром выцеливая речные суда, воинские эшелоны и госпитали, которые отлично опознавались по развешанным на просушку выстиранным бинтам и простыням. Так он и умер, закрыв собой во время очередного налета оперирующего хирурга. А в тылу остались жена, две дочки и мать.

Очнулся в странной келье, на пропитанном кровью сенном тюфяке. Над ним горестно вздыхали тетки в нелепых колпаках и мужик, одетый не по форме, во что-то коричневое, но на фрица непохож. Тетки причитали на непонятном языке, но не по-немецки. Когда он открыл глаза, с визгом убежали. Мужчина, как потом выяснилось, лекарь поводил руками и что-то сказал совсем непонятное.

Описаний, как Николай приживался на новом месте не было. Из чего можно сделать вывод, что приживался трудно. Магия, чтоб ее, пугала, особенно чужая. Своя-то, синенькая, была бесполезна. Причем, магия у Норда Павиша появилась лишь в посмертии, хотя он происходил из рода, в котором рождались одаренные. Особенно трудно давалось четырехбожие, которому приходилось следовать, точнее, убедительно делать вид. Ему, крещеному христианину, красноармейцу и советскому человеку было глубоко чуждо местное «язычество», об этом упоминалось несколько раз. Последнее упоминание, пронизанное сожалением, относилось к тому, что он, Николай Арефьев перенесен в этот мир «божественной силой» и божество это, так и не названное, ждало от спасенного некого содействия. Николай люто ругал себя за твердолобую приверженность старой вере. Мог помочь и не помог. Это мучило моего земляка до самой кончины. Из этих мук и родилась хрустальная звезда. Чутье, или тот, кто нас спас, подсказало, что этот образ будет понятен следующему призванному. А то, что таковой непременно случится, Николай не сомневался. Маги помогли сделать артефакт на крови, оповещающий артефакт. Даже время почти угадал и повесил долг на потомков. Это стало еще одной причиной для мук совести, но иначе было нельзя, Николай знал это твердо.

Ну что ж, портвейн выпит, записки прочитаны, слезы выплаканы. Пора возвращаться в насущное.

Часть 19

Организм, понесший невосполнимые потери нервных клеток, требовал еды. Кухня была пуста, о нашем тяжелом разговоре не напоминало ничего, кроме, пожалуй, бумаг Ваена, так и оставшихся лежать на моем столике для рукоделия. Внутренние часы говорили, что сейчас ближе к полуночи, а сна — ни в одном глазу.

Имевшие место откровения что-то изменили в моем отношении к происходящему со мной и вокруг меня. И с этим стоило обстоятельно разобраться.

Автопилот протрезвел и вполне удачно руководил не в меру задумчивой хозяйкой. В следующий раз я осознала себя, обжѣвшись разогретой кашей. За сервированным по полной программе столом, на минуточку. Вот это я нырнула вглубь себя, однако. Ничего не запомнила, что и как делала. Зато точно знала, что приняла решение. Точнее, несколько взаимосвязанных решений.

Первое, и самое важное, снять долг с Гунара и выполнить предназначение Николая Арефьева, которого отныне стану считать своим предком. Затем следует досконально разобраться с проблемами Киры, и в этом стоит положиться на помощь Ваена, следовательно, взамен или в качестве предоплаты он получит от меня всю поддержку, на которую только окажусь способна.

Да, Ваен, точнее, несоответствия в его поведении очень смущают, но причин, объективных причин для придинок, кроме долбоклюистой аристократической спеси, у меня нет. Все его поступки более чем достойны. В серьезный бой влез? Влез! По собственной инициативе, между прочим, не ожидая просьб и не выставляя условий. Клятву дал? Дал! Очень серьезную клятву для этого мира. А потому, Нина Николавна, смирись с тем, что мечта твоя о спокойной жизни только для себя любимой больше несостоятельна. Может, лет через пятьдесят, если повезет, ты опять к ней вернешься. А пока, за работу.

В следующий раз я очнулась от постороннего звука. Оказывается, это настойчиво окликал Гунар. Эх я опять задумалась.

— Нина, детка, как ты себя чувствуешь?

Прислушалась к ощущениям. Спать не хотелось, голова ясная,

усталости особой нет.

— Неплохо, спасибо дядюшка. А вы почему не спите? Ведь поздно уже. — Гунар сидел в кресле и явно наблюдал за мной некоторое время.

— Не так уж и поздно, чуть за полночь.

Да ладно! Доверять своим внутренним часам не рискну, но мясо на завтрашнюю похлебку варится и пена с бульона снята; лук-морковка спассерованы в промышленных количествах, я так привыкла дома делать, сразу на две — три готовки; овсяная крупа томится на еще горячей печи, а сама я перебираю гречку на завтрак и уже, по ходу, заканчиваю. Это, что я все переделала за каких-то тридцать — сорок минут? Серьезно? И покушала еще...

На лице Гунара блуждала лукавая улыбка, наверное, ход моих метущихся мыслей от него не укрылся.

— Я смешная?

— Ты чудесная. И, да, немного забавная. Ты ведь не поняла, да?

А я, действительно, не поняла. Что не так-то?

— Время, Нина. Ты немного изменила ход времени. Разве ты раньше не замечала, как много успеваешь сделать, если сосредоточишься или задумаешься?

Пожалуй, замечала, одно вязание скоростное чего стоит. Но я полагала, что мне просто такое тело досталось, ну, с повышенной моторикой, про таких говорят в руках все горит. А вот поди ж ты.

— Так это что получается я время ускоряю? Или, наоборот, замедляю? — Гунар только хитро усмехнулся.

Никак не соображу, как это может сочетаться. Ведь, минут сорок прошло, как я из своей комнаты выползла. Чтоб столько лука пожарить много времени надо, и перемешивать постоянно не отходя. А у меня дел переделано, как минимум на два часа. Все непонятнее, однако.

А, без разницы, есть инструмент, значит, нужно научиться им пользоваться. Ну, не знала я, как работает деталька под названием «оперативная память», но это не мешало мне пользоваться компьютером.

— Даже не знаю, что тебе ответить, детка, позже сама разберешься. Ты себя как чувствуешь? Уставшей?

— Да нет, можно еще в бумагах Ваена поковыряться. Все равно надо подождать, мясу еще долго вариться.

Пока расчерчивала новые таблички, пересказала Гунару, что

вычитала в записках Николая, то есть, Норда. Дядюшка совершенно сник, когда до него дошло, что его предок был мучительно несчастлив.

— Мне очень горько, что такой исключительный человек страдал среди нас, — старый маг действительно огорчен.

— Не совсем так, дядюшка, — и не было в этот момент ничего естественнее, чем отложить карандаш и погладить старика по руке, — он страдал больше оттого, что не смог принять действительность и приспособиться. Николаю казалось, что принимать новую жизнь, когда уже отдал ее, это предательство по отношению к исконному прошлому.

— А ты? Ты так не считаешь?

— Не считаю, — Гунар обрадовался, а меня просто распирало словами, — но я, дядюшка, все равно никак не могу примириться и злюсь, очень, очень злюсь. У меня была налаженная жизнь, я многого добилась и была вполне собой довольна. Впереди было около десяти, а то и больше, лет достаточно комфортной жизни. Без печек, лазанья по горам, примитивных мастерских и скудной еды, которую надо добывать прикладывая прорву непривычных усилий. Без непонятной магии и совершенно дикой морали.

— Но ведь у тебя впереди гораздо более долгая жизнь и молодое тело, чем же ты недовольна?

И что мне сказать этому весьма пожилому человеку, который долгих сто семьдесят лет ждал моего появления, чтобы выполнить обет, взятый на себя в юношеском порыве?

Как объяснить, что меня бесит и вымораживает эта ситуация, в которой я полностью лишена выбора? Что молодость, это, вроде как хорошо, но я уже пережила одну, не особо легкую, долгую и не слишком счастливую судьбу, от которой изрядно устала. А теперь придется начинать все сначала, да еще в абсолютно незнакомой реальности, а моральных сил прибавилось не слишком. Что я чувствую себя загнанной в угол, оказавшись без средств к существованию, зато с обязательствами божественного масштаба?

Но Гунар, кажется, понял невысказанное и отвел глаза. Самое правильное — свернуть с этой скользкой темы, тем более что есть еще одно обстоятельство, которое потревожило целостность моего мировоззрения.

— Дядя Гу, объясните мне про звезду. Ваен сказал, что это кровавый хрусталь. Почему кровавый? Потому что красный?

— Это не горный хрусталь в прямом смысле. Это красное стекло. Его научился делать Норд, когда подружился с горным народом. А кровавый, потому что для распознавания родственной магии была использована кровь моего предка.

Ага, понятно, Николай, работавший на стекольном заводе, припомнил, как делают рубиновое стекло и смог воспроизвести рецепт. Почему рубиновое, а не скажем, синее, тоже понятно, красноармейская символика требует, с магией крови маловразумительно, но неважно, а вот...

— А как вы нашли дом Сары? Он есть на вашей карте? — Не Яндекс-карта же у него, в самом деле, которая с переменным масштабированием. — Тем более что я в тот момент была в отъезде.

— А поисковик настроен не лично на тебя, а на место, где было выделено максимальное количество сырой силы. Он не только с картой взаимодействует, может просто направление указать.

Ну да, в этом есть логика, если эта пулька-указатель тоже на крови предка замешана. Гу ласково на меня посматривал, всем своим видом поощряя к дальнейшим расспросам. Интересно, почему Сара еще не объявилась, она не упустила бы такой занимательный разговор, наверное, деликатничает и не становится видимой, чтобы не нарушать наше уединение со старым магом. Пожалуй, это хорошо, подустала я от постоянного внимания. Иногда мучительно хотелось побыть одной, но по нынешним временам — это роскошь.

— Чего мне ждать от посещения храма, дядя Гу? Это может быть опасным?

— Даже не знаю, что тебе ответить, детка, давно не выбирался из Гулей, мне там гораздо удобнее. Порядки в королевстве Хариг изменились за последние четверть века.

А-щц! А почему бы просто не рассказать мне все как есть? Я же как несмышленный ребенок! Но, политинформацию, действительно, лучше отложить на потом. На завтра, точнее, уже на сегодня у меня две архиважных задачи: проба моего бизнеса и посещение храма.

Прав был предок Николай, есть что-то языческое в местной религии, в храм, оказывается, надо идти с дарами всем четырем божествам, пусть символическими, но все же. А где мне взять что-то подходящее, когда моим аборигенам кажется, что и так все понятно и объяснений не требует? Зато я, наконец, выяснила, как тут величают

местное солнышко. Раштит. Мда, вот и еще одно доказательство параллельности этой и той, родной, реальности. Опять знаменитое Ра в именах богов-светил. Подарки для солнца и луны придумались с ходу, а вот что преподнести воде и земле?

Гунар еще некоторое время обучал меня сакральным жестам. Про луну все понято, контур горизонтально расположенного месяца, если рожками кверху, то символ прощения; если рожками вниз, а вверх — выпуклым пузиком, то знак благодарности. Та же логика у символа земли — треугольника. Острие вверх — благодарность, острие вниз — просьба. Вода тонкостями не замораживается, волнистая линия и все. Хоть наискосок изображай. Сакральным смыслом знак наполняет сам человек. У солнца, как водится — круг. Только местное светило никто ни о чем не просит, ибо не в почете. Вот, чую высшим образованием, что это и есть мой клиент. Осталось только разобраться, почему Раштит в таком глухом игноре, и, похоже, уже давно, раз даже для Сары и Гунара так было всегда.

Деда я вопросами измотала. Пора отпустить его отдыхать, да и самой надо поспать, завтра ведь не придется. Может, попробовать личное время... э-ээ... скрутить, чтоб выспаться и встать раньше всех. Правильно, Нина, не можешь разрешить проблему, постебайся над ней, этот принцип всегда помогал мне жить.

Самое прикольное, что у меня получилось. Я прекрасно выпалась, спроворила утренние дела, отправила Киру в мастерскую и опять взялась за гроссбух Ваена, что-то не давало мне в нем покоя помимо арифметической наглости того, кто его сочинял. Вот оно!

— Ваен, ты говорил, что у тебя два рыболовных судна? Речных? Морских?

Наш настырный гость... нет, наш друг, Нина, наш друг, привыкай думать только так, посмотрел на меня с привычным сарказмом, но, видимо, одернул себя, вспомнив, что эта странная особь не местная.

— Это без разницы, посадка высокая, есть и парус и весла.

— Просто я вдруг поняла, что на нашем рынке не торгуют рыбой, а озеро — вот оно, и море, говорят, недалеко.

— Сейчас не сезон, рыбы мало. А ту, что есть, скупают на нужды знати.

— Что, прям до последней рыбешки? Жаль, я бы с удовольствием рыбки отведала. Ну что ж, подождем, когда будет сезон.

— Можешь и не дожидаться. В теплый сезон рыбу по суше везти накладно, на чарах сохранности разоришься.

— А вверх по реке?

— А по реке опасно. Кочевники.

Что делают эти кочевники с судами на реке, сегодня узнать мне не довелось, мы увлеклись заполнением таблиц. Я диктовала, а дорогой друг писал. Заодно сочинили некое подобие справочного прайса. Договорились, что Ваен соберет сведения о действующих ценах и мы продолжим.

Наши отношения основательно изменились, гость перестал высокомерно кривиться, вел себя как с равной. Но я видела, что без привычной маски ему не по себе.

Первый день похлебочного бизнеса принес разочарование, правда, парни считали, что все нормально, а та треть нераспроданного супа очень их порадует на ужин. Убойный аргумент, да. Впрочем, уже после второго покупателя я сообразила, что такая форма обслуживания просто неудобна. Люди приходили со своими посудинами, но без ложек. Значит завтра будет крем-суп, такой, чтобы было можно пить и лепешка для сытости. Я ведь уже видела эту проблему у медника, только за тревожностями вчерашнего вечера забыла. Значит, будем улучшать.

Теперь пора озаботиться дарами в храм.

Да что же это за мир такой! Приличной свечки не купишь. Да и не нужны они здесь. Магические светильники недороги и служат долго. Пришлось быстренько сочинять лампадку, Кира мне в помощь.

На подступах к храму уже многолюдно. Опять я сглупила, надо было днем сюда наведаться, чтобы оглядеться. А сейчас, в сумерках, рассмотреть это уникальное строение не получалось никак. Снаружи храм был похож на римский Колизей, только конусообразный и закрученный улиткой. Между изящными резными пилястрами просматривались эффектно стилизованные знаки стихий, и так по восходящей спирали, пока не вливались в исчезающий в сумеречном небе шпиль. Света первой звезды было недостаточно, чтобы рассмотреть получше, а ночного светила сегодня не было. Новолуние.

Ну вот я и вошла в святилище местных богов. Красиво. Но, не грандиозно. Наш Исаакий покруче будет. Интересно, это мне телевизорным цинизмом удивлялку отшибло, или я уже не способна воспринимать реальность? Ишь, не грандиозно ей. Внутренний зал имел

форму шестигранника. Две грани — вход и выход, а четыре другие, кажется, в церквях это называется притвор, собственно божественные обитатели, отделенные от проходного пространства завесами.

Толпа делилась на потоки, образуя три, почти равных по плотности, очереди. В сектор, над которым парил узнаваемый солнечный круг, желающих не было. Вот из-за завесы появилась грустная бабушка и засеменила, спеша пристроиться к следующей очереди. Все-таки, солнышко не совсем игнорят, интересно, много ли даров ему оставлено?

Кира попросилась пройти к Раштиту первой, да я и не против, хотелось осмотреться. А завеса-то непростая. Дымно-черная с оранжево-малиновыми просверками, имитирующими солнечные лучи. И не ткань вовсе, а какая-то силовая субстанция вроде моей синенькой, только уж очень инородная.

Вот это да Нина, ты внезапно стала чувствительной к природе энергий! Ну-ну.

За энергетическую черту я заходила с уже зажженной лампадкой, это Кира взглядом зажгла.

Часть 20

За барьером было неожиданно светло. На заднем фоне жизнерадостная, всех тонов золота мозаика, как слепящая рябь на воде. Перед трехметровой бронзовой статуей кудрявого юноши, одетого в подобие халата китайского мандарина, стояла низкая широкая лавка, а на ней полотняный пёстренько расшитый мешочек с крупой, горка орешков на медном блюдечке, несколько ярких камешков, наделенных неизвестным мне смыслом и Кирино творение из железа, стилизованный солнечный круг, который она сделала исключительно сама, истратив почти всю магию. Насилу уговорила ее на миниатюру, она было замахнулась на надвратный щит. Негусто подношений, даже если считать один предмет — один человек, то я десятая. А к другим богам очереди, ой, как нехорошо.

Чтобы присоединить к дарам свою лампадку, пришлось согнуться в три погибели, так вот почему так низко, хочешь, не хочешь, а поклон отобьешь.

Перед лавкой такая интересная штукавина, чтоб на коленях молиться, с подушечкой. Пришлось на себя прикрикнуть и напомнить, что уже не хромая старуха, не переломлюсь на коленки стать, не на пол же. К богу пришла, а не в районную библиотеку.

Говорить вслух не хотелось, раз бог молитвы слышит, то и мой монолог мимо ушей не пропустит. Поздоровалась, пожаловалась на долю свою попаданскую, ну не то чтоб с жалобами, а так, мол и так, приволочь приволокли, спасибо, конечно, большое, что от чистилища избавили, но, столько усилий потрачено и ноль внимания на бедную жертву. Сколько времени я несла про себя эту дикую смесь претензий и благодарностей, хоть бы огонек в лампадке колыхнулся. Ну, была бы честь предложена. Пора, коленки устали, а мне еще к трем богам...

— Я не тебя хотел, — тихий голос застал у самой завесы, да так неожиданно, что я чуть не села, нелепо взмахнув свободной от корзинки с дарами рукой и с перепугу выпустив синее свечение. Сырая сила охотно отделилась от кожи, бесформенной медузой полетела куда-то за спину и шустренько втянулась в статую.

Он что, голодный? Ох! Меня ошпарило острой бабской

жалостливостью, только рачительная вредина внутри скулила, что нечего силу разбазаривать, нам еще Сару кормить. Стоп, не меня хотел?

— Не тебя, я пытался ухватить душу мужчины, который сидел рядом, но он оказался живучим. Ты успела отойти первой, а силок был уже активирован.

Куда отойти? А, понятно, душа от тела отделилась. И кем же был тот сотоварищ по несчастью, которого я, получается, подсидела. Ну, или как-то так. Помню мужика, жутко пропахшего дешевым табачищем.

— Он военный. Бывший.

— А зачем военный? Что, у нас война назревает?

Ой, мама, а как к богу-то обращаться? Не по имени же?

— Да как хочешь, так и обращайся. Чего уж теперь, нынче мое имя силой не обладает.

— Так, погоди, Солнце, давай проясним. Зачем ты людей с Земли таскаешь? С Николаем тоже ошибся? И почему с Земли?

— Ошибся, я другого хотел, военного.

Опять военного. Наверное, того раненого, которого оперировали, должно быть, офицера.

— Ну, думал, вдруг посоветует чего, — и такая обреченность в голосе, что у меня слезы подступили.

Дальнейшее общение с богом свелось к мешанине образов. Такой мощный поток информации разом и прямо в мозг я совершенно неспособна переработать. Но, черт подери, удобно, не надо слова подбирать. Из того, что удалось осмыслить, бесспорно было следующее: Солнышко местное со своими коллегами в ссоре и они его как-то умудрились задвинуть. Теперь это чудо, отрезано от реальной подпитки, то есть от молитвенных восхвалений верующих и перебивается разовыми обращениями.

С Земли людей таскал, потому что это ближайшая параллель и Солнце там правильное. Угу, здесь-то, точно — неправильное. Военных выбирал, потому что они, после магов, самые образованные, ведь магов на земле нет. А про ученых Солнышку не ведомо. Вот ведь!

Логика — супер. Если ему конфликт в коллективе разруливать надо, то военные — не лучший выбор. Сил, за двести лет накопленных, хватало только-только на поиск и на силок для души. Про психологов местный бог слыхом не слыхивал, недосуг ему было поинтересоваться

достижениями параллельной цивилизации, ага. А из меня психолог, как из шайтана нянька.

На вопрос, чем же Раштит так коллег достал, ответа внятного получить не удалось. По ощущениям, Солнышко и сам не понимает, он же просто шутил, чтоб весело было. Что-то мне в этой фразе мучительно напоминает рассказы моей крестницы про шизоидные шуточки ее однокашников. В моменты пубертатных обострений.

Очнулась, только когда глаза заслезились. Солнечная мозаика не отпускала взгляд, а проблемы бога, почему-то он виделся молоденьким юношей, не отпускали разум. Мне нужно несколько дней, чтобы подумать, слишком уж все оказалось глобальным.

— Если ты не возражаешь, мне пора. К тебе первому зашла...

— Еще придешь?

Приду, куда ж я денусь. Вот только с мыслями соберусь.

— Хорошо. Песенку эту про «Луч солнца золотого...» споешь. И почесать обещала.

— Стань человеком и подходи, почешу, не статую же мне бронзовую чухать?

Этот вопрос остался без ответа. Появилось понимание, что все, разговор окончен.

За завесой, в общем зале, после яркости солнечной мозаики, было сумрачно и по-прежнему суетливо. Кира топталась где-то в середине очереди к богу земли. А в гости к Раштити желающих не наблюдалось. Наверное, я опять со временем что-то учудила.

Визиты к богам земли и воды были почти одинаковы. Зато антураж их приделов различался кардинально. В камень пещеры вкраплены кристаллы-светильники в таком умопомрачительном порядке, что несколько секунд я глазела, открыв рот. Красиво, но очень подавляет. Абсолютная иллюзия миллионов тонн твердой породы над головой. В темной глубине пещеры просматривалась статуя. Песчаник, что ли?

Я ожидала, что бог земли будет приземистым и мощным, но нет. Разве что руки чуть длиннее привычных пропорций и ноги коротковаты. Одет просто и удобно, никаких тебе халатов с широкими рукавами. Не качок и впечатления особо физически сильного не производит. Зато выносливый и жилистый, это да.

Водный бог устроил все так, что шагнув за силовую завесу

оказываешься в центре голубого светящегося водоворота. И скамья с дарами, и эта штука для коленопреклонения, и статуя рослого парня. Материал изваяния я не опознала, но золотистый и плотный, как мрамор. И этот бог не оправдал моих ожиданий. Ни тебе хвоста русалочьего, ни перепонки. Нормальный спортивный парень, с проработанным телом, как и положено пловцу. Некрупный и похож на корейского актера Со Джи Сола.

Скамьи для даров обоих божественных коллег завалены всякой всячиной, в том числе и живые растения имелись. Выращенные в аккуратных нарядных площадках. Я опознала мяту и что-то, очень похожее на столетник. Уф, прямо камень с печени свалился. Потому что обоим богам, и земному Рушату, и водяному Гоху, я преподнесла по одному-единственному клубеньку картофеля. Ценность, для меня лично, невероятная.

Моя молитва сводилась к мечтам, как я эту картошечку выращу, да какой урожай, с божественной помощью, соберу, да какие блюда приготовлю, да как вкусно их съем, да сколько новый продукт пользы людям принесет. Заранее поблагодарила за будущую помощь и не вставая с колен, попросила немножко ослабить режим содержания для Раштита, люди страдают без солнечного света. Неужели боги-хранители не могут коллегу к порядку призвать, не мучая паству?

Вышла с убеждением, что выслушали меня со всем вниманием.

Перед завесой в предел луноликой Сиштиры случилась легкая паника. Ну не нравится она мне! Один этот ветер, который «лунное дыхание», чего стоит.

Древние греки считали, что все в теле женщины связано с луной, так почему богиня-хранительница так сурова к своим дочерям и их детям?

В чертоге луны все было узнаваемо. Отображение обители Солнышка. Та же мозаика-панно, только зеленовато-серая и с проблесками лимонного золота, которое слегка оживляло блеклую мертвенность, та же статуя, только из белого металла. Крепенькая, даже чуть пухленькая девица, со множеством косиц на голове. Одета как индианка, только в сари не замотана. Наряд оголяет животик с пирсингом в пупке. Она единственная, кто стоит чуть отвернув лицо от входящего. Позы ее коллег выражали приветливое внимание.

Как и предполагала амазонка, среди подношений было много

украшений, предметы рукоделия и овощи. Кто бы догадался Луну капустой одарить, только не условно верующий земной инженер. Кира преподнесла Сиштире ложки с месяцем на кончике черенка. А от меня — ручное зеркальце в легкой ковanej оправке, которую Дук сделал по моему, любовно нарисованному эскизу. О чем я и сообщила богине с удовольствием. Растет парень!

Мой же подарок, который лично мой — зеркало, был на грани корректности. Это в первый момент все очевидно, пусть красивая женщина собой полюбуется. Но я-то знала, что у подарка есть второй смысл. Отражение. Тонкий намек, что луна светит отраженным солнечным светом. Молила-просила задуматься, что если солнца будет больше, то и луна станет ярче. И сама поразилась, насколько мой дар созвучен беседе с Раштитом. Вышла из предела Луны быстро, и почему-то в слезах. Бессильных слезах обиженной женщины.

Кира подавленной не была. Наверно, ее общение с богами прошло более, позитивно. В любом случае, домой я возвращалась с чувством хорошо сделанной работы.

Часть 21

Эмоциональное истощение не покинуло и с утра, хотя и выпалась неплохо. Ну, да мне не привыкать. Отработала же я как-то тридцать три года на заводе. Не можешь улучшить свою жизнь, сделай ее вкусной.

Гунар иждивенцем гостить не пожелал, всучил тугой мешочек цалей. На общую сумму в три больших золотых. Я не сопротивлялась. Зачем?

Цаль — не самая мелкая монетка, отнюдь. Но и не крупная. Удобная. Трех-четырёх хватит на дневные расходы. На всех. Так что я решила на еде для своих не экономить. Только ассортимент продуктов кулинарное разнообразие не предполагал.

Пока Кира с помощью магии и мускульной силы превращала сегодняшний бизнес-суп в пюре мы с Ваеном уже почти привычно сидели над бумагами. Мой вердикт был прост и кровожаден. Тому, кто это писал повыдергивать то, чем держат карандаш. Лучше на обеих руках, чтоб и ложку держать было нечем. Выразить мое отношение к масштабу воровства не хватит всего репертуара родной слесарки.

Ваен сидел понурый и тихий.

— Неужели у тебя нет ни одного доверенного лица в твоём хозяйстве?

— Только начальник моей личной охраны...

Что? А есть еще и не личная? Это ж какие владения у моего гостя? Да ему штат полностью менять нужно! Под магическую клятву!

— Не могу. Не властен.

Сказано это было таким тоном, что инстинкт самосохранения включил все проблесковые маячки, призывая меня заткнуться.

Гунар деликатно привлек внимание Ваена просьбой подыскать ему, Гунару, местечко, где можно прикупить необходимое для магических исследований. Идея артефакта-визора для Сары захватила старого мага. Помимо вполне понятного желания облегчить существование очаровательному духу, дядюшкой овладел азарт исследователя. Просто отлично, весьма замотивированная Сара и сама была не последним магом, интересная задачка куда лучше, чем тупое наблюдение за домашними.

То, во что превратился мой аппетитный суп усилиями Киры было сущим, провальным кошмаром. Серая тюремная баланда! Какая разница, что вкусно и обалденно пахнет? И ни одной мысли, как спасти продукт, хоть головой об стол бейся. Ни зелени в достатке и белого хлеба, чтоб сухариков наделать. Ну, зелени, я куплю, это поправимо, а вот...Сара привлекла мое внимание и поманила в кладовку. А там указала на мешочек с чем-то вроде кунжута.

— Спасибо, дорогая, очень удачная идея.

Кунжут — это вкусно, полезно и красиво выглядит, пожалуй, стоит сделать его своим личным, фирменным, знаком. А зелень пора выращивать самой. Маги мне в помощь.

Сегодня, кроме торговли, у меня было запланировано подкатить к лавочницам на предмет разжиться семенами хоть какой-нибудь зелени. Но, не случилось.

Расторговалась достаточно быстро. Главное, чтобы предполагаемый едок не увидел серую бурду до того, как возьмет ее в рот. А потому я щедро засыпала густой суп рубленой зеленью и золотисто поджаренным кунжутом. Но, все-таки, это не выход. Дорого. Срочно нужен картофель и какая-либо не серая крупа.

Завтра быть промоутером выпало Дуку. А сегодня рядом стоял Бад и с наслаждением потягивал душистую еду из своей кружки, третьей по счету. Да и не жалко, растущий организм должен получать калории. Смотрю, а он выливает свой суп в посудинку какой-то молодой изнуренной женщины. Женщина не кидается на еду, а бережно прижимая плошку к себе, торопливо отходит от нашей лавки и теряется сутолоке.

— Ба-ад? — Интонация инквизитора у меня отработана давно, пацан среагировал, как положено, но потом упрямо набычится.

— Это наша соседка, Нитта. У нее дочка болеет. Давно. Они голодают, потому что Нитта работать не может подолгу. А мужа у нее нет, вдовая она.

Твое ж волшебное число «пи»! Это невыносимо, знать, что кто-то рядом голодает! Бабушка с малолетней дочкой, моей матерью, в войну набедовались и меня воспитали соответственно, накормить — это святое.

А всей посуды под руками только кружка Бада.

Мастерские, работающие по металлу, образовывали своеобразную

границу рынка. Обычно, с торговой стороны лавка и мастерская, а с внешней, городской — жилая часть. Зимой весьма удобно, жильё частично прогревается от мастерской. Это был единственный обогрев дома Нитты, одна стена крошечной комнатки примыкала к горячей мастерской братьев. Бад провел меня сквозь все строение, прямо к «хоромам».

Я успела продать еще несколько порций, но с остатком расстаться не смогла, перед глазами стояла несчастная Нитта.

Малышка лет семи, бледненькая настолько, что луна позавидует, выскребала щербатой ложкой похлебку со дна убогой посудинки. Мать смотрела на нее умиленно, похоже, даже не замечая слез. Откуда же слезы в эдаком скелете, господи! Пособие для изучения истощения и авитаминоза. Девочка, похоже, даже местного солнца не видит, откуда витамину Д, а с ним и жизненным сокам взяться?

Мое появление спровоцировало у женщины едва ли не паническую атаку, но сейчас не до нее. Пусть ее Бад успокаивает, а у меня другая задача. Накормить и не вдариться в жалостливые сопли. Быстро нашла тарелку, ополоснула из ковша, откуда тут быть водопроводу, налила суп для Нитты, подбавила немного в плошку девочки. Слила остатки из своего бидона в ковш и вышла, потому что сдерживать скулеж сил уже не было.

На счастье, в мастерскую пришел Гунар. Дядюшка мое состояние оценил с полувзгляда. Ткнул пальцем в лоб, творя успокоительное заклинание, а потом обнял и прошептал, что хуже истерики, только молчаливая истерика, это он, как целитель заявляет.

— Всех не накормишь, детка, ты ведь понимаешь? Посиди, пойду-ка, гляну, чтобы они там от переедания не загнулись.

Вот я балда! Дважды балда! И трижды идиотка! Нельзя голодным людям сразу наедаться, известный же факт! И кормить этих двоих мне не по карману. Пора прекращать ныть, Нина и начать думать.

На четвертый день моей торговли супа всем желающим не хватило, а я, как честный человек заплатила свою первую торговую пошлину. Мытарь имел конторку прямо здесь на базаре, очень удобно. Рыночек этот не основной в столице, но очень хорошо у спланированный. Можно подумать об организации второй точки, а эту доверить Нитте. При поддержке парней она справится.

Нитта же оказалась мастерицей шить. Я бы предпочла что-то более

актуальное на данный момент, например, садоводство, но, придется работать с тем, что есть. Из сундука Сары при прямом ее поощрении было извлечено старинное нелепое платье из расчудесной шерсти, которое я не рискнула переделывать сама. Подлеченная усилиями Гунара малышка Аниза уже не требовала такого внимания и важно присматривала за стендом с товаром, выкликая парней, если появлялись покупатели. Я научила ее песенке Львенка про солнышко. На русском. Вольный перевод ребенку понравился. Убедить Анизу в том, что это солнышко, сам Раштит, помог им с мамой, послав доброго мага-целителя, ничего не стоило. Нитта не возражала, она приняла бы от меня любую ересь, ведь я заказала ей теплый стеганный жакет и вариацию на тему чепчика. За деньги. Уж очень плащ неудобен, а скоро весна. Жакет привычнее. Остатки ткани разрешила использовать по своему усмотрению.

Знакомство с Ниттой немного заполнило мой информационный вакуум, по крайней мере, в хозяйственных вопросах. Она почему-то решила, что я осталась без поддержки богатой семьи, потому многого не знаю о простой жизни и с удовольствием меня просвещала. Ее версию о моем происхождении подтвердил скандал, учиненный небедной с виду горожанкой. Я вернулась к лавке братьев с покупками, чтобы оставить. Кира принесет все домой, используя свой пространственный карман. Только я поставила тяжеленную корзину, как меня резко дернули за плащ, не успела оглянуться, как получила увесистую оплеуху.

Дородная тетка в расшитом шелком чепце заносила руку для второго удара и вопила:

— Ниана, мерзавка, как ты посмела исчезнуть!

Часть 22

Увернуться от второй оплеухи удалось довольно легко, я еще в первый день, когда усаживала амазонку, взбесившуюся под влиянием Сары, заметила, что у тела Нианы весьма специфические рефлексy, заточенные на предмет удрасть.

А вот третьего удара уклониться удалось бы едва ли, тетка орудовала обеими руками. Но эта ее попытка принесла неожиданные результаты. Пухлая длань злющей рослой тетки, занесенная для удара с замахом, двигалась тягуче — медленно, как через упругое желе. Блеклые глазки вытаращены, толстые щеки распирают чепчик, рот разzyвлен в гневном крике. Звукy, вроде, вырывались, но как-то дробно и басовито, с длинными интервалами, будто по буквам или по долгим нотам, как гудки локомотива вдали. Аж забылось, что меня тут немножко бьют, уникальное зрелище. Догадка пришла через пару мгновений — опять со временем начудесатила.

Жутко хотелось наkostenять мерзкой бабе, пользуясь моментом, но этот праведный порыв пришлось задавить в зародыше. Если бы я, работая на заводе, лупила всех, на кого руки чесались... На это есть специально обученные люди, облеченные властью. Извлекать административную выгоду из любой ситуации, подавляя робин-удовские порывы, я давно научилась, но это было долго и трудно.

А ну-ка, Нина, быстро, быстро, быстро. Вынуть надкусанную сладкую лепешку из пальчиков замершей Анизы, впихнуть ее в открытый рот тетке, устроится на минимальном расстоянии, но так, чтобы опять по уху не прилетело...и, а как мне время растормозить?... Пуск!

— Стража! Грабят! Спасите! Стража! — орать Нианиной луженой глоткой одно удовольствие, душевно получилось, мда.

Пока бабища плевалась и давилась печенькой, на мой истощный крик высыпали соседи-торговцы. А ряды-то оружейные. Продышавшаяся тетка вдруг обнаружила себя в кольце недружелюбных, обнаживших клинки мужчин, раздраженных тем, что их от дела оторвали, а разогретый металл невнимания не любит. То ли она от вящей наглости себя в безопасности чувствовала, то ли быстро

перестроится не сумела, но обрывать меня мерзавкой не перестала.

— Неправда, — взвилась возмущенная Аниза, — барыня тетю Нину ударила! По уху!

Меня в рядах уже хорошо знали. Уважали за смекалку и за то, что Нитте исхитрилась помочь, да и братья всегда подчеркивали — я и Кира с ними, значит, свои, а потому мужики мрачнели все сильнее.

Стража объявилась неожиданно. Для меня. Хорошо здесь рынок организован, однако. И способы оповещения у стражи хорошие, а потому и появились они достаточно быстро, что немало обрадовало мою обидчицу.

— Привет, Нина, — поздоровался старшина, мы познакомились, когда я узнавала насчет торговли на разнос.

Тестовую стряпню служивые оценили. Горячая вкусная похлебка, да еще за умеренную денежку и с доставкой, почему нет? Я опасалась вымогательства, но пронесло, стража вроде как королевская, а надбавку ребята получают от Совета Гильдий и терять ее не хотят. Не то, чтобы я надеяться на их лояльность, отнюдь, с чего бы, но на справедливость могла рассчитывать вполне. Оружейники, это сила, с которой стоит считаться.

— Господин стражник, господин стражник, — вопила агрессорша, — хватайте, хватайте эту мерзавку, она долги не отработала и сбежала.

— Как ваше имя госпожа? И извольте не кричать, а не то в городском департаменте стражи разбираться будем.

— Я Фафина Корреш, — тетка произнесла это так самоуверенно, как будто все должны были ее знать. Опаньки, родственница Нианиного благоверного. — Эта дрянь у нас в доме долг за мужа отработывала и сбежала.

— Долг за мужа Ниана выплатила, — вступила в разговор Кириарнисса, которую я удерживала от активных действий суровым взглядом, тоже ведь с мечом наголо выскочила.

— Врешь, полукровка кочевничья, — Фафина перешла на такой визг, что звук циркулярки в пять тысяч оборотов в минуту казался симфонией, — откуда ж такие деньжищи брать, если она три года у меня угол снимала и за это весь дом убирала? Ведите ее в департамент! Воровка! Откуда у нее такой дорогуший плащ взялся? Украла она!

— Нина, ты знаешь эту женщину? — Глава стражников был

смущен.

— Да не желаю я ее знать, старшина Пирт! — уж надменные рожи у меня получаются эффектно, — долг выплачен! Бумага есть. Минуточку. — С помощью Киры на свет появилась казначейская расписка, которую я так и носила в любимившемся поясе-корсете. — Но если госпожа желает выплатить недоимку за уборку дома в течение трех лет, то я готова пройти в департамент. И за побои с оскорблениями не худо бы ответить!

На это мое заявление публика одобрительно зашумела. Визит в департамент — дело рискованное, это да. Ориентируюсь в административных реалиях я еще плохо, но если удастся стрелить с бабы-бабарихи пару монет, проставлюсь. Хотя, проставляться надо в любом случае.

Документ был тщательно изучен, с помощью жестких вопросов выяснилось, что эта Фафина замужем за старшим братом супруга Нианы, который оставил младшенького наедине с денежной проблемой, и Фафина, таким образом, заимела дармовой клининг силами невестки, чем была чрезвычайно довольна и расставаться с халявой не желала. А потому неосмотрительно продолжала бузить.

Старшина Пирт был настроен решительно, скандалы на вверенной территории ему были не нужны, а потому, уже через пять минут я и Фафина тряслись в крытом казенном возке. Местный воронок был без решеток, видимо располагал другими средствами сдерживания, не иначе как магическими. Мне было все равно, а вот Фафина неприятно впечатлилась, видимо, для местных оказаться в подобном экипаже считалось позорным. Стражники, отряженные нам в сопровождение старшиной Пиртом, были мне незнакомы, но основным объектом служебного рвения явно считали пришлую госпожу Корреш. А я что, я ничего, я тихая и спокойная, в скандалах не замечена, сижу, в окошко видами любуюсь, благо решетки отсутствуют. Вот когда бы я еще в центр выбралась со своей окраин? Поход в храм не считается, это было впотьмах.

Часть 23

Департамент, мда. Огромное помещение очень напоминало вокзал, кишасший народом, часть из которого была одета в форменные сюртуки цвета киновари. Судейские гусарить изволят, мелькнула неуместная мысль, уж больно цвет был узнаваем, только галунов и аксельбантов не хватало.

Наши стражники, надо полагать, были проинструктированы, потому что двинулись мы сразу на второй ярус. Если первый этаж по периметру был испещрен перегородками по типу офисных, то над ними располагалась круговая галерея-балкон, на которую выходили многочисленные добротные двери темного дерева. И лестница была в очень хорошем состоянии, даже не лишена изящества, кокетничая точеными балясинами. Видимо, сохранная магия, иначе деревянные ступени были бы истерты до потери формы, не то что лака, ибо народу по ним сновала уйма.

В одну из таких дверей, надо заметить, довольно удаленную от лестницы, и постучался наш сопровождающий. Я только успела рассмотреть имя на табличке, кто-то там Лудрат.

— Полной луны вам, господин судья, — стражник был почтителен, но без подобострастия, далее последовало безэмоциональное изложение сути конфликта.

Покупательница напала на работницу рынка. Базарчик наш, оказывается, носил название «Предгорный», а я и не знала. Суть обвинений — задолженность по обязательствам. Встречные обвинения — необоснованное нападение с рукоприкладством и лжеобвинение в воровстве.

А судья Лудрат-то непрост, на плече красного кителя знакомая брошь-фибула, как у Гунара, только металл не такой белый. Маг. А теперь, Нина, шуточки кончились, не врать, не ерничать и не болтать лишнего. Кто знает, какие у него личные возможности и артефакты служебные имеются. Хотя, про ментальную магию я еще ни разу не слыхала.

Фафина, едва увидев судью, включила свою циркулярку, чем и подписала себе приговор.

— Обвиняемая, вы действительно имеете обязательства перед присутствующей здесь госпожой Фафиной Корреш? — Лудрат смотрел на меня пронизывающим взглядом.

— Нет, не имею. — И пусть хоть пять артефактов правды, если такие существуют, докажут обратное. Нет у иномирянки долгов перед местной мещанкой и быть не может.

Мое заявление вызвало очередной виток волей, дескать, вдовая невестка-нищевродка из милости в доме проживала, за постой расплачивалась уборкой, а потом вдруг исчезла, оставив несчастную родственницу в грязи зарастать, и вот сейчас только нашлась. В дорогой одежде, не иначе как украла, и наглой стала, дрянь такая, до невозможности.

— Госпожа Ниана Корреш, плащ надетый на вас, вами украден?

— Нет, уважаемый судья.

Служитель закона моим кратким ответом остался доволен. Как и десятком следующих. В итоге Фафине Корреш пришлось выложить за учиненный скандал целый золотой кергон, четверть от которого, после выплаты всех вычетов, досталась лично мне, а не казначейству. Я была чрезвычайно довольна. Стражники тоже. Скандалистка, нарушившая ход их приятной спокойной службы наказана, а новая знакомая не пожалела по паре цалей за хлопоты. Даже подвести назад, к рынку предложили. И что, отказаться? Зачем? Мне служебный возок самомнение не натирает, да и гулять два часа в гору совсем не хотелось. А на экскурсию я обязательно выберусь, вот только потеплеет.

Неспешная поездка вверх тоже была познавательной. Пусть местная реальность и воспринималась как средневековое, но отличия, по крайней мере в архитектуре, были. Первое, что бросалось в глаза — впечатляющая ширина улиц. Несколько минут раздумий и я поняла, почему улицы именно такие. Солнце. Опять солнце, точнее, его нехватка заставили людей строить просторно, а не кучно, как у нас в старой Европе. Хотя, в горах это непросто. И окна. Часто встречались очень широкие застекленные проемы, что, опять же, противоречило моим знаниям. Ведь такие окна понижают обороноспособность строения и затрудняют сохранение тепла. Наверное, здесь опять вступает в игру магия.

Пора, ох пора мне уже ликвидировать безграмотность в этом вопросе. Систематически, а не от случая к случаю. Потому что случаи

чаще всего бывают неприятные. То Кира файерболлами гоняет, то Гунар от истерики спасает, то сырая сила прет без удержа. Сегодня Сара меня хорошо подоила, что-то она там совершенствует в мыльне. Два раза ее напитывала. Чудо, что моя синяя магия никак себя не проявила во время скандала, ведь случалось уже при сильных эмоциях.

Недалеко от памятного фонтана, на парапете которого мы с Кирой сидели в первые часы моего попаданства, я заметила строение специфической улиткообразной формы. Маленький храм? Я же обещала Раштиту зайти! И зачем в дальний край таскались, спрашивается? Хотя знаю зачем, Кира объясняла, это типа короткого паломничества во славу местного пантеона. Какой резон богам в усталых ногах и сбитой обуви? Сия сакральность простому инженеру недоступна, увы, увы.

Попросила новых знакомцев меня высадить, дескать, в храм хочу зайти, чем снискала их неожиданное одобрение.

— Правильно молодка, за удачу поблагодарить, это хорошо. На вот тебе, — охранник, который постарше, вывалил в подставленные ладони горсть орехов, — негоже в святилище без подношения, а у тебя с собой и нет ничего.

Храм встретил меня магическим освещением и гулкой пустотой. Интересно, у них тут самообслуживание или какие-то работники все же есть? Те же четыре завесы. Начнем, пожалуй, с Луны. Ну что сказать, небогато. Статуя поменьше, постамент пониже, лавка для подношений покороче. Подушечки под колени нет. И это в приделе самой Луноликой. Честно отсчитала четверть орешков, поблагодарила и отправилась дальше. Понимаю, что посещение получилось формальным, но я пришла к Раштиту, а к остальным — просто вежливость.

Предел солнцеликого был особенно скуден. Статуя пыльная, моленная скамейка перекошенная, солнечной мозаики лишь узкая полоска. Ой, как нехорошо. У других пыли не наблюдалось.

— Да что ж ты такой неопрятный? — Внезапно я обнаружила себя у самой статуи, на лавке для подношений, протирающей бронзовые кудри носовым платочком. — Ты же бог, магией прибраться не можешь? Чему тебя родители учили?

— Сил мало, при чем тут мама и папа? — от божественного бухтения мозаика пошла правильной рябью.

— А? — Опять он меня напугал, вот ведь. — Ну, на тебе силы,

только приберись тут. Самому не противно? И спасибо за сегодня, это ведь ты мне помог?

— А споешь? Обещала! — Синенькое охотно впиталось в бронзу. — Нет, не я помог, Рушат, ты ему какой-то еды новой обещала. Пой, не болтай.

— А что петь-то.

— А что сама хочешь, главное, что для меня.

— И необязательно про солнце? — песен про солнце в памяти было до обидного мало, а как пригодились бы.

Уселась на протертую лавку, не стоя же петь. Пробило на хи-хи, из меня — материалистки то еще подношение, ага. Затянула свою любимую «Арго». С детства души не чаю в этой вещи. Хотя, там о воде и звездах в основном. И немножко про луну.

— Красиво поешь, — раздался задумчивый глас, не принадлежащий, Раштиту, — только мужчины у тебя в голове поют лучше.

Надо думать, профи из ансамбля “Орера” поют куда лучше, меня — горлопанки.

Гох? Это бог воды заглянул в гости к опальному огненному коллеге? Ох, что-то мне нехорошо, пойду я.

— Приходи еще, — по голосу, это Раштит.

— А приходить обязательно? Ты ведь везде меня слышишь? — Какая разница, где песни петь, мне так кажется.

— Слышу. Только там ты занята, а мне скучно.

— Неужели заняться нечем? Разве люди не просят о помощи, скучать некогда.

— Люди всегда чего-нибудь просят, ну их, — в голове на секунду мелькнула какофония просьб и горькой мольбы. — Приходи.

— Сам приходи, — внезапно обозлилась я на божонка, — стань человеком и приходи. Узнаешь, почему люди богам молятся.

Часть 24

Домой неслась на всех парах, аж плащ пришлось придерживать — распахивался от быстрой ходьбы, почти бега. Это организм так пытался нейтрализовать гневный адреналиновый всплеск. Такое настроение испортил, гаденыш! Уже и победа над мерзкой Фафиной не радовала, хотя за мытарства Нианы ей еще мало досталось. Ой, ворона! Опять забыла у бога про Нинану спросить! Где же душенька этой бедолажки сейчас?

— Где-где, — возникло в голове знакомое бухтение, — на перерождение ушла. Я для тебя не это тело присмотрел. Там еще наемница была, пьяная до полусмерти, я ее выбрал, а не эту немочь. Только у наемницы душа сильная оказалась, не захотела сразу тело покинуть...

— Все у тебя через одно место, — и представила в красках, через какое, хорошо, что говорить на ходу не надо, а воображение у меня тренированное.

— Ты злая сегодня.

— А ты малолетка безмо...неумная! Подумал бы секунду, что мне, такой мирной и необученной делать в теле воительницы?

Стоп! В теле Киры была, это да, даже подралась маленько. До сих пор в стыд бросает, как вспомню свои ээ-э, методы. Потом удар по голове и очнулась в теле Нианы. А если бы она, Ниана, в тот момент не пострадала, куда бы я делась?

— Куда-куда, на перерождение бы ушла, и тогда все зря, — глаз кольнуло солнечным лучиком, это мне так подмигнули, что ли? — Но ведь неплохо вышло, правда?

— А как я в Ниану попала?

— Она сама пригласила, поманила тебя и ушла, я даже удивился. Как твой дух из тела наемницы вышибло, вы и встретились. — Раштит гнусенько хихикнул, — смешно было, три души и два тела, еще живых. Наемница сразу за свое зацепилась, а вы две...

От моего безмолвного вопля дрогнули горы. Молодая женщина от самой жизни отказалась, а этому мажору небесному весело. Аа-ащщщ!

— Почему она жить не захотела?

— Да я не вникал, вроде как, по мужу тосковала.

Угу, или от борьбы за выживание так устала, что как только достигла цели — выплатила долг, продолжать влачить существование сил в себе не нашла. А этот ... хлюст не вникал, видите ли. Твое ж волшебное число «пи»!

— Чего опять ругаешься, встретятся они с мужем.

— Ты посодействовал?

— Куда мне. Просто женщина эта и ее муж, как же это объяснить, — возникло четкое ощущение, что бог, в раздумье чешет свою макушку, — короче, неразлучники они. Так что Ниана твоя правильно сделала. Все равно от тоски бы загнулась.

Вот это да...Ну хоть, так, а то устала уже терзаться мыслью, что я чью-то жизнь отняла. С души камень упал. Надо же, сама пригласила! Интересно, как здесь усопших поминают?

— А зачем? У кого привязанность сильная была, тот и так не забудет. А ушедшего надо отпускать и не мешать ему двигаться к перерождению.

Вот это разница в идеологии! А еще параллельный мир. Но, может, это к лучшему? С местными богами есть хоть какая-то обратная связь, может и договориться удастся. Ой, Нина, о чем ты думаешь, а?! Бог, это бог хоть и местный, а не новый инспектор по пожарной безопасности, к которому подход найти надо.

— Что задумалась? Пой лучше!

— Да сдались тебе эти песни, сам пой.

— Не-ет! Когда ты поешь, сила так и шарашит.

Хм, шарашит, из родимого лексикона словечко. В моей голове толпы посторонних! Дома Сара проходу не дает со своим «Ты грустишь. Почему?», теперь боги в мыслях, как секунд-хенде роются. Пой ему, паразиту энергетическому!

— Не хочу. С чего мне на улице петь?

— В голове пой, это похуже, но тоже подпитывает.

В мыслях говоришь? Нн-на тебе Рамштайн! Цвай, драй, фир...По крайней мере, то немного, что я помню из весьма экспрессивного проигрыша. Крестница просветила. Хорошо зарядило? Надо еще вспомнить что-нибудь такое же какофоническое! Чтоб прям торкнуло! А-щц!

Ощущение чужого присутствия в голове исчезло. Не понравилось

или деликатность прорезалась? Подумала и сама над собой посмеялась, ага, деликатность, как же.

Ну вот, уже дошла, за мысленной перепалкой с богом двадцать минут пути пролетели жужжащей осой.

А дома взволнованный Гунар, растерянная Кира и совсем прозраченькая Сара. Тревожатся и ждут моего возвращения. Или невозвращения. Пока успокаивала перенервничавших близких, раз за разом пересказывала события в департаменте, хвасталась монетками и всячески старалась разрядить обстановку, пришло время ужина, а я еще даже не обедала. К ужину, как водится, появился Ваен из своих ежедневных таинственных отлучек и опять разговор вернулся к происшествию с Фафиной. Похоже, сегодня мне с этой темы не соскочить.

— Как думаете, уместно ли угостить соседей в благодарность за заступничество?

И Кира, и мужчины идею одобрили, хотя я подозревала, что не совсем бескорыстно. Радовало, что им так нравится моя стряпня, эх мне бы муки белой да дрожжей, я бы развернулась. Но на “Предгорном” этого продукта не наблюдалось, а про другие рынки даже думать недосуг, не то что исследовать ассортимент.

— Ты грустишь! Почему? — это не Сара, это индикатор моего дурного настроения!

Пришлось рассказывать о пирогах и блинах.

Остаток вечера поглотили хлопоты, день-то прогуляла. Как укладывалась спать, от усталости и не запомнила.

Снились мне грустная Дашка, сидящая за моим ноутом и отвечающая на мою почту, недовольная мама и заветная подруга Нинушка. Она одна не грустила и ободрительно вскинула руку в жесте «но пасаран». Нина всегда и во всем меня поддерживала. А потом, весь остаток ночи, снилась сдоба, румяная пушисто-воздушная, с ванилью. Проснулась в слезах и с мыслью: хлеба, простого черного хлеба из детства, чтоб откусить уголок от еще теплой зажаристой прямоугольной буханки. Ну, здравствуй, ностальгия. Поставить себе этот диагноз нетрудно, потому что мне страшно хочется на родную кухню к утреннему кофе и телевизору, пульт от которого всегда прятался в ворохе газет и кроссвордов. Пустота эта сосущая в голове не от недостатка забот, а от информационного голода, от отсутствия плотного

потока информации, нужной и ненужной, к которому приучено мое сознание и которого не хватает, как сигареты курильщику. Очередной слезопоток мне удалось перехватить на подступах, но разве от Сары скроешься?

Она высунулась из стены и поманила за собой.

— Пойдем. Покажу важное.

Что может быть важным в мыльне? Усовершенствованный с помощью Гунара бассейн она мне вчера показывала. Эти улучшения не для меня, просто в одном месте бассейн углубили так, что рослой Кире и мужчинам стало по шею. Лучше бы ширму какую сочинили, чтоб и девочки, и мальчики могли помыться, не дожидаясь своей очереди. Упахивались мы с Кирой на совесть, она с металлом горячим, я около печи целый день практически, но Ваен этого не замечал. Недавно вспылила и не пустила его в мыльню первым, так он та-ак удивился, но смолчал, и то хлеб.

Сара загадочно колыхалась около дальней стены пещеры и на мое настроение сейчас внимания не обращала, а я не в духе! И мне очень хотелось донести это до всего белого света. И ведь понимаю, что вредничаю совершенно не по делу, близкие все равно помочь не смогут, а взять себя в руки ну никак не могу, раздражение распирает.

Где это мы? Ага, естественная полуколонна породы выступала, образуя скрытый от глаз альков, в него-то меня и приманили.

— Руку протяни! — Потребовала моя эфемерная подружка, когда я практически уперлась лбом в каменный массив. — Трогай, трогай, — Сара была настойчива.

Под пальцем, вместо ожидаемого ледяного камня пустота, вот уже вся кисть скрылась в каменной толще и никакого холода, и никакой тверди, и вообще ничего.

— Шагай, — казалось, Сара готова меня в спину подтолкнуть, только бы я вела себя поактивнее.

Да куда тут шагать? В гранит? Лишь запустив руку в обманчивую стену по локоть, и убедившись, что путь там есть, сделала неуверенный шагжок, на всякий случай набрав воздуха как для ныряния. Впрочем, не понадобилось, стоило пересечь иллюзорную преграду, как оказалась в тоннеле, или как называются эти узкие коридорчики в теле горы. Освещения не требовалось, тускло светилась сама порода, на стену не налетишь. Тридцать метров довольно крутого, плавно изгибающегося

пандуса и вот оно, небо. Расчищенный уступ размером с мою хрущевку.

За спиной гора, над головой бледное утреннее небо с остатками ночного светила, а впереди водный простор Лунного озера, даже вытекающая из него река Мирува просматривается. Вот это высотыща! Пара тихих минут и вода, а за нею и светлосерые камни окружающих гор начинают нежно золотиться, это встает солнышко.

Кругом такая умиротворенная красота, что к глазам опять подступают слезы, но на этот раз в них нет едкой горечи. Мне жалко плакать, это мешает впитывать окружающую гармонию, и совсем нестрашно стоять на самом краю обрыва, потому что я точно знаю, что не упаду. «Упасть в небо», вспомнилась забытая фраза, которая когда-то раздражала бессмысленной красотой. Теперь я точно знала, что имел в виду ее неизвестный автор. Теперь я была совершенно уверена — люди когда-то летали.

Два очень острых чувства пришли одновременно: я продрогла и захлебнулась благодарностью Саре, которая, наверное, всю ночь караулила мои страдания и сжалась, открыв еще одну великую тайну своего дома. Такое доверие дорогого стоит!

Но, пора возвращаться в жизнь.

Часть 25

Нитта вполне ловко управлялась с распродажей супа, высвобождая так необходимое мне время, которое сегодня было использовано для эксплуатации Бада и Дука.

Братья с интересом гадали, зачем могут понадобились жаровни на таких высоких ножках и еще складные решетки с ручками. Слово «барбекю» их очень насмешило, а я никак не могла подобрать аналог на местном языке. Как и слову уксус. Как братья себе объясняли мои странности, в том числе и языковые, не знаю, но вопросов не задавали, чему оставалось только тихо радоваться, уж очень врать им не хотелось.

С некоторых пор с металлическими изделиями у меня проблем не было, а вот для того, чтобы замариновать мясо, очень много мяса, пришлось похлопотать. Выручил Гунар, сходявший со мной в лавку местного алхимика-аптекаря. Определить по запаху нужное вещество не составило труда, Гунар проверил его на предмет пригодности в пищу... и все, одного флакончика кисленькой водички мне недостаточно. Пришлось разориться на винище. Это помимо бочонка крепкого. Местная кислятина подошла как нельзя лучше, но нанесла мне финансово-психологическую травму, ну да ладно, переживу. Бедлам с маринадом я развела на кухне братьев, все равно они ею почти не пользуются. Зачем продукты туда-сюда таскать, правда же?

Соседи благодарственному порыву удивились, ведь они искренне защищали своих, но в пиршество влились охотно и мой первый тост за великих мужей и чудесных соседей приняли благосклонно. Зато потом меня быстренько отстранили, разобравшись в нехитром процессе жарки мяса. А еще, эти сильные, работающие мужчины пели, отстукивая ритм на всех доступных поверхностях. У каждого четвертого в кармане завалилась трубочка-свистулька. Их музыка чем-то похожа на музыку перуанских индейцев. В ней была ширь неба над водой и перестук мелких камешков, мощь гор и звон металла, посвист ветра и бесконечное благоговение.

— Это потрясающе красиво! — дядька Тулак, который, в свое время вдохновил меня на суповой бизнес, блаженно жмурился — такое и богам посвятить не зазорно. Вот это я понимаю, подношение.

Тулак хитро на меня посмотрел и выкрикнул:

— В честь нашего покровителя, бога огня! — И они запели...

Вот так неожиданно для себя я порадела за Раштита хоть еще изрядно сердилась, а и ладно, сегодня мне было хорошо.

Но недолго.

К нашей компании приближались кочевники. Трое очень рослых мужчин в ярких бурнусах из валяной шерсти. Они были светловолосы, скуласты и очень похожи на мою Киру. Шевелюры они не прятали в отличие от всех местных, лишь украшенные кисточками капюшоны защищали от ветра. Старик, юноша и зрелый мужчина, отец юноши, если судить по внешнему сходству.

Оружейники прекратили пение и занервничали. С чего бы? Кочевников я видела уже не раз, никакой агрессии они не проявляли.

— Радости вашему пиру и полной луны над вашими домами. — Вполне себе мирное приветствие. В ответ понеслись нейтральные вежливые фразы.

Не знаю, уместно ли приглашать пришлых к нашей компании, но за меня решили мужчины. Просьбу присоединиться к пиру кочевники приняли с достоинством. От вина отказались, но мясу и капустному салату отдали должное. Ели и кого-то высматривали.

Тревожно было за Киру, которая постаралась раствориться в толпе, не любила она соплеменников хотя причины объяснить не могла, а я ведь пыталась расспрашивать.

— Мы не хотели портить вашего пира, но завтра мы уходим. Среди вас живет наша сестра, — заговорил взрослый, — мы пришли ради нее. Где она?

Понятно, что речь идет о моей девочке.

— Прошу прощения, если нарушу какие-либо правила вежливости, — встряла ничуть не переживая об этой ерунде, — но я хочу знать, что вам нужно от Киры.

— Разве так имя?

Старик заговорил неожиданно, хриплым голосом, как будто долго молчал. Его спутники, похоже, изрядно удивились, но это лишь угадывалось по исходящим от них эмоциям.

Среди гостей и наших произошла некоторая ротация и я оказалась рядом со стариком. Лихо они это провернули, ненавязчиво.

— Как имя твоей дочери, — нацелился в меня коричневый

закорузлый палец.

Моя дочь? Кто моя дочь?

— Ты считаешь ее дочерью, хоть еще молода. Она чтит тебя как мать. Я вижу. Как имя правильно есть? — Ничего себе спич, но хоть что-то прояснилось.

— Кириарнисса.

Старик немного поморщился, юнец откровенно скривился.

— Думаю, ее зовут Киран-ир-насса. Мы пришли забрать ее.

Да щас!

— Кира сама решает, что ей делать.

— Нет.

— А давайте, мы обсудим это позже и не будем мешать людям отдыхать. Вы не против?

— Ты права женщина, тут много ушей. — Старик взмахнул рукавом бурнуса и мир затих. Что? Очередная порция магии на мою голову? Глушилка?

— Тебе не страшно. — Старик не спрашивал, утверждал. — Ты смелая и достойна зваться матерью.

Угу, понятно, чьей матерью.

— Зачем вам моя дочь? Ей сейчас хорошо! Она свободна и сама решит, что ей делать.

— Нет, не свободна! На ней поводок. Я не могу разглядеть, в чьих руках другой конец. Но поводок есть. Давний.

Ой, что-то мне нехорошо.

— Не пугайся, женщина, старший шаман снимет заклятье. Поэтому девушка идет с нами.

— Насколько это опасно?

— Что?

Да все! Чем опасен поводок? Чем опасна Кира? Чем опасны для Киры эти новоявленные соплеменники? Пока не разберусь, никуда не пущу! У меня два мага дома прохлаждаются, бездельники!

— Как скоро может возникнуть проблема? И какая?

— Ты правильно задаешь вопросы, женщина. Заклятье подчинения ставят рабам. Тем, кого определили в жертву. Твоя дочь одета как воин, значит, ее готовили как убийцу...

Бедная девочка, тот, кого Кира почитала как спасителя, сделал из нее оружие одноразового использования. Из кривых пояснений старика,

который тоже шаман, как оказалось, я уяснила, что есть слово — активатор, лишаящее Киру воли, и слово — стартер, вроде команды «фас». Старик Халах думает, что бывший хозяин Киры слово — активатор произнес, но не влил силу в заклятие. Этим можно с натяжкой объяснить странную покладистость моей амазонки. А вот знает ли кто-нибудь второе слово, которое «фас», это неизвестно никому. Значит, поводок надо снимать как можно быстрее.

Но отпускать девку к кочевникам, которые неизвестно как ее примут? Не-не-не. А вдруг у них женщин за скот держат? Вернут ли они мне названную дочь? Здоровую и вменяемую.

И Гильдия. Новый Кирин начальник недаром ее вытурил, знал про поводок и опасался. Мог и убить, это даже надежнее, но, скорее всего, он пожадничал уничтожать такой ресурс и сейчас активно ищет способ взять Киру под контроль. Черт, тогда получается, что гильдия охранников подрабатывает еще и заказными убийствами? И моя амазонка в этом по уши. Что же делать? Даже помолиться некому...

Шаман не мешал мне думать. Похоже, что суть моих измышлений не была для него тайной, но сейчас важно не это.

— Уважаемый Халах. Я признательна за щедрое предложение и очень его ценю. Но сегодня я не отпущу дочь с вами. Прошу простить, но я, как и Кира, мало знаю о ваших обычаях и боюсь ненароком обидеть. Это страшное бесчестье, обидеть протянувших руку помощи. Вы мудрый человек и все понимаете, а другие соплеменники будут ли столь великодушными?

— Ты права в своем недоверии, женщина. Как знаешь. Через две недели мы вернемся с новой партией мяса на продажу. Тогда я спрошу еще раз. — И снял глушилку, давая понять, что тема закрыта.

— Спасибо. Угощайтесь, уважаемый, не стесняйтесь. Еще раз спасибо. Мы попробуем обратиться к нашим магам. — Шаман презрительно засопел, вгрызаясь в мясо, наколотое на небольшой кинжал.

Мясо? Мясо на продажу? Похоже, что мне есть о чем потолковать с этими скифами-переростками. Где эти двое?

Часть 26

Обнаружить кочевников было несложно, они выделялись яркими бурнусами среди традиционно тускло одетых оружейников, а вот пробраться к ним...Развеселившиеся мужики то и дело останавливали, благодарили за вкусное, радовались неожиданному отдыху, предлагали помощь, если что. Это очень ценно, подобное отношение чаркой крепкого не купишь. Пожалуй, стоит поставить себе плюсик, местные меня приняли такую, как есть, странноватую.

Незваных гостей удалось настичь не где-нибудь, а около стенда с мелким товаром, принадлежащего братьям. Они заинтересованно разглядывали разделочные ножи, а еще их развесила наша новинка, кулинарные щипцы, которыми так удобно доставать горячие куски мяса или переворачивать все, что жарится. Пришлось дарить. Железок не жалко, парням я заплачу, а вот для зачина нужного мне разговора повод подходящий.

— Примите в дар, уважаемый, не назвавший своего имени, — почему-то казалось, что завернуть подношение в ткань за неимением другой упаковки, а не просто совать в руки, будет правильно. Пришлось извиниться и быстренько метнуться в комнату, где шила Нитта, чтобы прихватить подходящий лоскут. Мясо было забыто, потому что мною завладела свежая идея. На бегу прихватила Анизины новые носочки в качестве наглядного пособия. На ее ножку — полчаса реального времени.

Чужаки ждали с непроницаемым видом, но ждали же и терпели, значит, им любопытно. Старший принял дар с достоинством, юнец был менее сдержан и позволил угадать, что они чрезвычайно довольны. А всего и делов, половник, забавные щипчики и два ножа, ножи, правда, особенные, прошедшие магическую закалку Киры. О чем я им с гордостью сообщила.

Старшего мужчину звали Фарх-ар, а парня — Дораш-ар-пасса. Естественно, после кучи витиеватых извинений, я поинтересовалась, а что означают все эти нассы-пассы. Частица ар — это знак принадлежности к семье воинов, ир — все остальные свободные соплеменники. Насса или пасса означает, что носитель этой частицы

достоин продолжать род, то есть жених или невеста. У семейных частица откидывается за ненадобностью.

— Тогда Кире положена приставка — ар, она обученный воин, — не к месту разыграл непрощенный феминизм. Женишок насмешливо фыркнул, дескать, еще посмотреть надо, чему она там обучена, его отец более осторожен, а может, просто боится меня обидеть. Все-таки, что-то в этих дикарских реверансах есть, дисциплинирует и заставляет думать о политкорректности каждую секунду.

— А почему у шамана никаких приставок нет?

— Потому что шаман, зачем ему?

Действительно, зачем?

Оказывается, именно цвет бурнуса и информирует окружающих о шаманском статусе носителя, даже если прочие регалии в виде амулетов, спрятаны. Понятно, значит, терракотовый однотонный выпадает из сферы моих интересов. Но тема бурнусов затронута и у меня появился повод заговорить о шерсти, похвалив превосходное качество их одеяний и красочность цветов. У старшего густо-зеленый с бежевым, а у сына — аналогичный, но с цветом индиго в качестве основного. У нас на родине этакую двух-трех-цветную пряжу называли меланж. А войлок такой мягкий и плотный, и совершенно уверена, совсем-совсем не кусучий. Мужчины, то-то самцы первобытные, приосанились, как будто я их личное оперение похвалила.

— А можно ли, заказать ниток из этой замечательной яркой шерсти, потому что у меня вот... — носочки Анизы получились полосатыми до ряби в глазах, но, грубоватыми, это да, нитки гобеленовые, они такие.

— Зачем ребенку мягкий сапог?

— Это не сапог, это в сапог, для тепла. Можно в них спать. Не страшно на стылый пол ступить, не холодно и красиво. А из мягкой шерсти можно много красивой теплой одежды сделать, не только на ноги. Для такой одежды нитка должна быть тонкая и крученая, — кисточки, украшающие капюшоны как раз из такой пряжи, потому я истово надеялась, что меня поймут.

Фарх-ар осторожно потянул из моих рук грубоватое творение, повертел, помял, посмотрел на свет, нахмурился в раздражении.

— Не пойму как. Как сделала? — ух, как я не люблю, когда на меня давят, да плевать на твои два десяти роста, разрычался тут!

Сзади рыкнуло в ответ, это Кира, хорошая моя, решилась подойти к соплеменникам ради того, чтобы безбашенную приемную мать подстраховать. Знает, что за мной не заржавеет, а вокруг пьяные оружейники. Поднимут гостей на клинки только так.

Мда, молодец, Нина! Успокоительное пей, Нина, не стесняйся, и почаще, почаще.

— Привози правильной шерсти, уважаемый, научу, — примирительный тон удался не вполне, но гость уже сосредоточился на Кире.

— Киран-ир-насса, ты приглашена к шаману племени Пятнистого кота — Фарх-ар победоносно на меня взглянул, — тебе сказали? Мы выходим завтра.

За спиной подавилась воздухом Кира. Все-таки басурманин попытался ее сманить, даже повелительные интонации использовал, гад, знал же о Кириной проблеме. Этот воин не слышал, о чем мы договорились с шаманом Халахом, глушилка ведь была, и, видимо, действовал по старому плану. Или на свой страх и риск. Зачем же им понадобилась моя девочка? В самаритянство я что-то не очень верю, слишком степняки настойчивы, но ссорится не след, вдруг с заклятым поводком не управятся ни Гунар, ни Ваен?

— Кира остается дома, уважаемый, так мы решили с вашим шаманом, — и чтобы не расслаблялся, добавила, — посоветуйте, уважаемый, какой подарок уместен для почтенного Халаха?

Ну, конечно, нашел способ отыгаться, гад, ткнул пальцем в запасную жаровню с парой барбекюшных решеток. Что, думал дрогну? Ха!

— Кира, девочка, позови Дука, он ведь доделал ту, круглую, со складными ножками?

— Сама принесу, — буркнула моя амазонка, — и скрылась в недрах мастерской.

— Я вижу, вам понравилось наше угощение. А скажите, уважаемый, нельзя ли привезти мяса для нас, минуя ваших скупщиков. Мы бы заплатили не меньше...

Дальше пошел отчаянный торг, с которым я бы ни за что не справилась, если бы не сообразительная Нитта. Она прислала мне в помощь дядьку Тулака, и торг пошел уже не между мною и Фархом, а между оружейниками и кочевниками. Дядька Тулак ткнул меня в плечо,

чуть ключицу не погнул, и мотнул головой, иди, дескать, все что могла, ты на благо друзей-оружейников сделала.

А я что, я ничего, я только рада. Чуйка подсказывала, что парочка местных законов торговли таки была нарушена.

Шаман Халах сидел там же, где я его оставила, терпеливо дожидаясь своих соплеменников. Подначиваемая мною, Кира, робко преподнесла ему походную жаровню. Шаман был мудр и сумел как-то успокоить мою амазонку, вынудив ее объяснять, как складываются эти хитрые ножи, позволяющие использовать эту штуку и на воле и, допустим, в шатре. Хорошо! Кира перестанет паниковать без причины, а Халах присмотрится к ее поведению поближе. А у меня дела, оружейники начали рассасываться, пора за уборку.

Как уходили кочевники, как Кира чистила мангалы магией, как парни и Нитта убирали остатки мяса, я не видела, потому что застыла обтекшим сталагмитом над собственной чашкой. Она была полна монеток не самого низкого достоинства. А я и забыла, Дук же объяснял: брать еду у вдовы настоящему мужчине неуместно. Странное это было чувство, двойственное, и деньгам рада, и заступников благодарила искренне. Потом плюнула, нечего со своим уставом да в иной мир. Кто я такая, чтобы обременять этих честных сильных людей ненужной им благодарностью?

И вообще, пир — это уже прошлое, а мне предстоял трудный разговор с Кирой и магами, не мешало бы подготовиться и хотя бы первые три вопроса сформулировать.

Семейный совет начался раньше, чем я предполагала. Мы с амазонкой были сыты, мужчины охотно ели разогретое мясо, Кира, умничка, сообразила и отбила изрядную порцию у нахальных, вечно голодных братьев. Капустный салат настрогать не штука, вот и пригодилась кисленькая водичка из аптеки, Гунар удивился, но наворачивал салатик охотно.

— Нина растеряна и зла. Кира боится. — Спасибо Сара, всех сдала, ничего не утаила. Раздражение пенилось в крови едкой отравой. Так как я молчала, думая страшную, неожиданно накрывшую не хуже пресловутого медного таза, мысль, рассказ о кочевниках начала сама амазонка.

Я не слушала, я приходила в себя от осознания, что все мои нервные всплески, это не просто накопленная усталость, ведь если

считать свернутое время, то рабочий день у меня часов пятнадцать в сутки, которые, кстати, тут около двадцати двух часов.

Страшная догадка опалила нервы жгучим перцем. Чтоб врагу рода человеческого сделали депиляцию, везде и одновременно, это, слов приличных у меня нет, пмс. Как я запомнила об этой стороне молодости? Напрочь, ведь забыла. Ниана, видать, голодала долго, вот меня ничего и не беспокоило, а стоило чуток отъесться, как организм не преминул вспомнить, что он — женщина. В себя пришла от Сариной энергетической ласки, спасибо родная, теперь, когда проблема обозначена, справлюсь. А сейчас, главное — Кира.

— Я никакого повода не вижу, — в сомнение Гунара хотелось завернуться, как в шаль. — Ментальное поле несколько искажено, но такие искажения могут давать сильные клятвы. А Кира, как охранник, дала их немало, ведь так, девочка моя? Как целитель могу сказать одно, когда мы только встретились, эмоциональное поле Киры выглядело, как у человека с застарелым уродством. Сейчас стало лучше.

— Да, это так. — Сара колыхнула одежками, что почти всегда означает возбуждение интереса, — И мне не видно никакого инородного вмешательства, когда мы только познакомились и я хотела ее запугать, она сопротивлялась. Но я списала это на то, что рядом была Нина.

Гунар понимающе кивал, Кира и затихарившийся Ваен тоже признаков непонимания не проявляли, одна я тут магически тупая.

— И что это может означать?

— Это означает, что на тот момент Кира уже выбрала тебя в качестве ориентира. — Гунар посматривал на Ваена, он один еще не высказался.

— Я вижу наложение чужой воли, — тихо и раздумчиво заговорил второй маг, — это стыдно, но внимания я не обращал, Сара и Нина интересовали меня куда больше.

— Как и меня, — поддержал его дядюшка, — как и меня. А ведь ты, Нина, просила присмотреться. Простите, девочки, плохой из меня опекун.

Кидаться к Гунару с успокаивающими обаяниями не стала, не нужно ему этого сейчас, нельзя сбивать рабочий настрой. А Ваен-то каков! Видит больше Гунара, и старик его мнению доверяет!

— Погодите, это сейчас неважно. Надо ли понимать так, что снять

поводок или даже отчетливо выделить его вы не можете? — Я не обвиняла, я рассуждала вслух, — а кочевники увидели. Означает ли это, что их магия имеет иную природу и что вам об этом известно?

Молчание.

— Тогда другой вопрос, что им могло понадобиться от Киры? — И тоже без ответа.

Это мучило меня все сильнее. Кочевники появляются на нашем «Предгорном» через каждые две недели, сам Фарх-ар говорил. Примерно месяц или чуть больше, назад, там появилась Кира и мы точно видели кочевников в наш самый первый день на рынке.

Элементарно. Углядели Киру, она их заинтересовала, доложили. Через две недели пришли еще раз — присмотрелись. Еще через две недели пожаловал шаман с интересным предложением.

— Я иду отдыхать! — Получилось резковато, но извиняться не стану, силы как-то разом закончились. — А завтра рано утром я пойду провожать кочевников и задам этот вопрос шаману, раз другого варианта нет.

— Я иду с тобой! — Дядюшка был решителен.

— И я! А Кира пусть посидит дома. — Ваен в упор смотрел на вскинувшуюся амазонку, но добавил мягко. — Тебя могут попытаться украсть, не будем рисковать, хорошо?

Часть 27

Разбудили меня, по ощущениям, часа через четыре. Это Ваен расстарался, сказал, что если планы в силе, то надо поспешать.

Заставить двигаться усталое тело, которое даже на ощупь казалось опухшим, удалось исключительно после двадцать пятого понукания и образа растерзанной Киры перед глазами. Только благодаря этому аутотренингу надпочечники сообразовали впрыснуть кровь толику адреналина. День начался.

День-то начался, а мозг еще не очнулся, потому на Ваена я обратила внимание не сразу. Оппа, с какого перепугу он такой нарядный? Вместо привычной черной одежды нежно-лазоревого шелк кружевной, вот как есть гипюровой, рубашки и светло-серый идеального кроя, расшитый лазоревыми же галунами, камзол. Пошла и молча переоделась в бархат и новенький жакет, чтобы соответствовать Ваену и своему дорожному плащу. Заодно стереотипы потрепанные подкорректировала, совсем за собой следить перестала, что Кира с вечера магией почистит, то и натягивала не глядя. Нарядиться, это правильно! Кочевники, это же так очевидно, ценят яркое. Выводов два: я к встрече не готова и здоровье мое требует внимания.

Зато мужчины, похоже, готовы вполне. Гунар бодр, Ваен азартен, а я, мать-самозванка, пытаюсь скрыть абсолютное отсутствие конструктивизма в мыслях. Сара, озабоченно трепеща одежками, что-то шепнула Гунару и тот влил в меня какое-то зелье. Пофиг. Зелье умеренно горькое, освежающее, а если Гунару не доверять, то как жить?

До рассвета еще часа три, если верить внутреннему хронометру. Рань несусветная и бессмысленная, на мой взгляд! Но мужчины, они местные, могут о нравах кочевников знать больше.

И верно, малый обоз из четырех кибиток, крытых все тем же войлоком, уже готов был тронуться, но почему-то стоял, и, похоже, стоял давно, даже запряженные лошадки, крепенькие и мохнатые, откровенно дремали. Что-то наших знакомцев задержало, только поэтому мы их и застали.

— Яркой луны, — поприветствовал Гунар выскочивших нам навстречу незнакомых парней. Бурнусы распахнуты, капюшоны

откинута, изогнутые клинки наголо, жуть.

— Я Нина Корреш, пришла проводить шамана Халаха. — Пока топали, я выпала из мыслительного каматоза, зелье у Гунара классное, да.

— Он занят, горожанка.

Горожанка, это я, да? А что, логично, раз они для нас — кочевники.

— А уважаемый Фарх-ар не согласится с нами поговорить? Хотелось бы увидеть и его.

— Занят!

— А Дораш-ар-пасса?

Незнакомый кочевник зашипел что-то обвинительно-ругательное.

— Он болен? — А ведь для Ваена эта фырчаще-шипящая какофония имела какой-то смысл. — Среди нас имеется целитель, мы можем помочь.

— Помогли вчера, наверно вы и есть те, кто отравил Дораша?

Та-ак. Парень, похоже, животом мается, а тут в воздухе витает мысль, об отравлении, и отравили именно мы, потому как ел он вчера у нас на пиру. И неважно, что Халах и Фарх здоровы, а Дораш где угодно, чем угодно травануться мог, если только это не... Ой, мама...

— Фарх-ар, Нина здесь! — Хорошо, что голос попридержала в последний момент, вспомнив о предрассветной тишине, но и этого хватило, чтобы вдали забрехали собаки, а лошадки вскинули головы испуганно всхрапывая.

Дальняя кибитка качнулась, приоткрылся полог, плеснуло неярким светом. Из темноты материализовался мой знакомец. Без бурнуса он выглядел не таким огромным, распущенные волосы всклокочены, скулы каменеют, как мегалиты Стоунхенджа, глаза злые, прищуренные. Ой! Да не было бы рядом со мной двух представительных спутников, молча бы скрутил мою хлипкую шейку, руки вон так и подергиваются в нетерпении...

— Опять ты? Какое горе ты еще принесла, гюрза блеклая...

— Что с парнем? Живо говори, а лучше покажи, болван, с нами целитель! — Про гюрзу лепечешь? Бери выше, кобра я, кобра, а что блеклая, так на правду не обижаются.

Из интересующей меня кибитки раздалась гортанная команда, Фарх взметнул руки в досаде. В ладонях моих мужчин засияло. Правильно, фаербол против меча, это убедительно.

— Пойдемте. Шаман зовет. — Убитый тревогой, отчаявшийся отец делает мучительно трудный шаг в сторону, так ему не хочется нас пускать.

Дораш лежал скрючившись от боли, поджав ноги к животу, на пожелтевшем виске блестел жирной пленкой пот. Халах делал над ним какие-то пассы. Едва мы с Гунаром вошли, оставив Ваена снаружи, как он бессильно уронил руки уступил удобное местечко целителю.

Уговорить парня повернуться на спину стоило некоторых усилий. Старый целитель комментировал все, что улавливали его чуткие пальцы-локаторы. Тошнота несильная. Резь в области пупка, и правее.

Только не аппендикс, только не аппендикс. Но подсознание уже знало, что да, он треклятый.

— Жар есть? — Гунар кивнул и поднял на меня глаза. Ткнула пальцем повыше паха, в то место, где по моим непросвещенным прикидкам может быть этот гадостный отросток кишки. — Воспаление есть?

Пальцы целителя затрепетали в указанном месте. А я молилась, чтобы тутошнее целительство имело власть над этой проблемой, потому как антибиотиков нет, о хирургическом вмешательстве и речи не идет, разве что хилерство получило шанс на развитие в этом так похожем на родной, мире.

О воспалении аппендикса и его признаках я знала многое, так же как и о накладывании жгутов, фиксации переломов, обработке химических и иных ожогов. С людьми работала, на опасном производстве, за технику безопасности отвечала. Много чего знала по верхам из оказания первой помощи. Однажды кубометр опилок руками перетрясла в поисках оторванного станком пальца. Обрубок этот промышленной вытяжкой утянуло в бункер выгрузки. Успела, пока скорая ехала. Спасли мужику конечность.

Меж тем, Дораш под руками Гунара немного расслабился, надо полагать, что целитель не только диагностикой занимался, но и обезболивал по-тихому.

— Есть воспаление. Сильное. Вот такое. — Гунар показал пальцами овал сантиметра в четыре. Он был деловит и спокоен. — Мне часа три понадобится, чтобы его остановить.

За три часа эти психи первобытные нас тут в капусту порубают, стоит пацану застонать погромче. И сил на три часа Гунару, наверняка

не хватит.

— А если вот так, — моя синенькая послушной перчаткой облепила ладонь. Ткани же восстанавливает и гематомы сгоняет только так, у Киры на руках я все шрамчики вывела, а она с огнем работает.

— Давай попробуем.

Так мы и действовали. Точнее, работал Гунар. Велел мне излучать только из одного пальца и водил моей рукой туда-сюда, по своему усмотрению. В мою задачу входило не дергаться, дышать в такт с дядюшкой и забыть про отсиженные коленки. Ваен закинул в кибитку еще пару светляков и стало видно, что парнишка уже не в забытьи, он просто крепко спит. Еще бледноват, зато уже без лихорадочного цветения на скулах. Через некоторое время к нам присоединил свои силы отдохнувший Халах. Пришлось пожертвовать другую руку. Он, наверняка, как и Гунар, знает, что делать с этой энергией.

Шаман знал. Их невербальное общение с лекарем меня удивляло даже сквозь боль в затекающей спине. Старики переглядывались и единым движением смещали свои руки. А в их руках зажаты мои, лишь указательные пальцы торчат, а на кончиках синенькие наперстки силы. Синхронисты чертовы.

Общие представления о принципах физиотерапии и смутные — об энергетических потоках, позволяли предположить, что эти два товарища лечат своей магией, а моей только лишь усиливают воздействие, но усиливают, видать, здорово, потому как шаман уже и не прячет радостного удивления. Что они там видят, чародеи хреновы? Надеюсь, что-то о-очень хорошее, потому как сил уже нету сидеть в этой пыточной позе. На коленках, с откляченным приподнятым задом и вытянутыми вперед руками. Между ног беззаботно спящего парня сижу, на минуточку, и мне это не прибавляет комфорта, потому как шея устает держать голову приподнятой и ее, мою бедовую, приходится опускать почти что к паху юнца, а оттуда, извините, потягивает не французским парфюмом. А дышать и так трудно.

Часть 28

Наверное, я впала в ступор, а сейчас вот очнулась от боли и холодного воздуха. Это мою тушку уже вынесли из кибитки и устроили на войлоке, брошенном прямо на землю. Ваен растирал мою спину и шею, в Гунар — ноги, заодно пытаюсь их выпрямить.

— Прости, девочка моя, прости, я не подозревал, что тебе было так плохо. Так увлекся, старый дурак!

— А что со мной? — кроме боли в затекшем теле и слабенького головокружения ничего больше не чувствую особенного.

— Ты сомлела в этой позе. — А, ну понятно, пока сидела, рулеткой скрученная, кровообращение ухудшилось, мозгам крови не хватало, вот и заснула.

Небо уже засветлело. Это около двух часов уже прошло?

— Сколько я пробыла в отключке?

— Несколько минут. Мы на тебя обратили внимание только когда синяя энергия угасла. Прости болвана, увлекся, как студия!

— Как мальчик? — Все, можно попробовать встать, хоть и на войлоке, а холодно. Ваен без слов ухватил, как дитя, подмышки и без видимых усилий поднял на ноги, но на произвол ленивому вестибюрю не бросил, дал возможность словить робкое равновесие и утвердиться на своих двоих.

— Мой внук будет жить. Он спит.

— Уважаемый Халах, вы же не думаете, что мы виноваты в его болезни, ведь правда же? — А вдруг они не захотят про Киру рассказывать, кто их знает, у наших киргизов с калмыками те еще взгляды на жизнь были, европейцу в абсолютно непонятные.

— Прости мужа моей дочери, горе помutilо его разум. Нет, мы так не считаем.

— А мальчику не холодно в кибитке? Его можно перевозить, что скажешь, Гунар?

— Думаю, что пока лучше воздержаться.

— Мой сын силен, он выдержит. Нам надо ехать. Не поднимай пыль, горожанка.

— Твой сын чуть не умер, воин, потому что боялся тебе

пожаловаться на боль. — Ваен все еще внимательно следил за моим состоянием, чего это он, вроде, крепко стою?

Ну да, если бы пацан не боялся дурня-отца с его самцовыми принципами и обратился к целителю, или, хотя бы к деду, все было бы намного менее болезненно. И ведь повезут же, ур-роды, по трясским дорогам, и кормить будут жирным мясом, а ему бы хоть денечек легонького и протертого. И покоя, желательно, поближе к теплomu туалету. Это я и высказала Гунару. Фарх-ар принялся было кричать, но и слушать не стала.

— Твой сын, тебе и решать, как его угробить понадежнее. А я пришла поговорить о своей дочери. И не с тобой!

Хорошо хамить задвухметровому самцу, когда рядом маг уровня Ваена.

Шаман что-то приказал, и его зятек заткнулся, недоверчиво на меня вытаращившись. Плевать.

— Уважаемый Халах, скажите честно, что действительно вам нужно от моей Киры?

Похоже, с прямолинейностью я переборщила, реверансить церемонии никогда не умела, а сейчас еще от стресса не отошла. Я ведь до мозжечковых конвульсий испугалась, что в болезни парня обвинят нас, а потом испугалась за самого парня, когда увидела, как ему плохо.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — Гунар, что издевается?

— Устала и начинаю замерзать, — ответила на автомате.

— Я имею в виду что-то особенное тебя беспокоит?

— Дядюшка, а давай мы дома это обсудим. — Вот, с чего, спрашивается, ядом плююсь? Но ничего не могу с собой поделаться, хочу домой, к Саре, а лучше — на Землю.

— Он тебе не родственник, — Халах вышел из созерцательного транса и развлекался спектаклем, который я тут устроила, психичка недолеченная. Но порефлексирую я позже, долго и с удовольствием. А пока...

Гунар успел перехватить инициативу.

— Я сам себя назначил ее родственником, и как старший родственник, требую от тебя Халах, клятвы.

— Не говори пустых слов, маг! Этой девочке мы должны за жизнь внука! И клятву я принёс, когда брал ее силу. Не тебе клятву, и не себе, Миру.

Фарх-ар бросил тестю что-то шипяще-курлыкающее, но тот даже не глянул, знал, что муж дочери подчинится.

— Я благодарна и очень огорчена несчастьем с вашим внуком, уважаемый. Но меня беспокоит моя дочь. Почему она вызвала ваш интерес? Не считите мою настойчивость за грубость. Ведь, как я понимаю заклатье, которое вы заметили, только повод.

— Умная, — шаман причмокнул, демонстрируя удовольствие, — правильно догадались. Не бойся, теперь уже не бойся. — Старик, до сих пор сидевший в кибитке по-турецки легко соскочил наземь, вот что значит привычка, у него, поди, ничего не затекло.

— Нина, — Гунар всем видом показывал, что ему неловко, — мальчика нельзя везти, сама же сказала. — И заткнулся, манипулятор противный, предоставляя мне опять все решать самой, а вот фигушки.

— Сара? — маг понял, что я имела в виду.

— Сара не возразит.

Эх, а так хотелось отдохнуть в кругу семьи, день-то не базарный нынче. Но не подвергать же ребенка опасности. Тем более, столько вытерпела ради него.

— Уважаемый Фарх-ар, почтенный Халах, я приглашаю Дораша-ар-пасса погостить в нашем доме. Он сможет спокойно поправиться и дождаться вашего возвращения.

Ваен хмыкнул и быстренько слинял, сославшись на неотложное. Почуял, хитрюга, что рискует быть припаханным к транспортировке болящего. Довольный Гунар с не менее довольным Халахом что-то там бухтели уже из кибитки, прикидываясь мудрыми, а Фарх орал, сначала на меня, как на зачинщицу противного его сердцу безобразия, а после втыка от тестя, на соплеменников, командуя разворачивать кибитку со спящим сыном, стариками и мною. Ох бедное мое тельце, то скрючивают, то ребра мнут подсаживая.

И чем дело кончилось? А тем, что в соседнюю с моей, сиречь, Кирину светелку, заселился немытый степняк, сородичи его затоптали нам с Сарой все полы, недовольные предоставленными апартаментами для драгоценного внука самого шамана. А кибитка лучше, ага. Сара не появлялась, пришлось взывать к совести Халаха, убеждать, что это — самая теплая и самая удобная комната из возможных. Кормить гостей не стала исключительно из вредности, так обидно было, а ведь понимала, что бесцеремонность эта мною самой и спровоцирована.

Интеллигентность у степняков не в почете, слабость это, а не достоинство. Зато Гунару все высказала, не стесняясь гостей, и за то, что втравил меня в лишние хлопоты, и за то, что самоустранился, предпочитая общение с шаманом. Тут встрял сам шаман, сволочь.

— Приглашаю твою дочь, Кирин-ир-нассу, и почтенного мага Гунара погостить в моем шатре!

Твое ж волшебное число «пи». В квадрате!

Сговорились, старики-разбойники, скорешились за эти часы! Но Кира-то! И Сары с ее эмпатией не надо, чтобы понять — ей страшно хочется поехать, да что там, она за кибиткой пешком бежать готова. А все для походов необходимое у нее есть и ждет своего часа в пространственной кладовке. Что уж про престарелого юната-естествоиспытателя говорить, если Кира, которая вообще не любит выпускать меня из поля зрения больше чем на три часа, так возбудилась.

А я? Как же я? С Гунаром же поговорить хотела о своем здоровье, речь с анамнезом репетировала.

Чую, без невидимой Сары тут не обошлось, потому как дядюшка посерьезнел и поманил меня в свою, удаленную от густонаселенной кухни, комнату. Речь моя и пригодилась, однако.

Вообще-то, могла и сама догадаться, что неконтролируемое сворачивание личного времени для здоровья не полезно.

Вот тут-то я и подставилась второй раз за это бесконечно длинное утро. Гунар всю душу из меня расспросами вынул, но беспокоили его не столько мои жалобы на усталость, сколько то, что магичила я сегодня необычайно интенсивно. И в парня энергии вбухано, и старички мои укомплектованы силой под завязку, а ведь тоже не бездельничали.

— Да не понимаю я, дядюшка, что ты хочешь услышать. — Всплескивание руками на мага впечатления не произвело. — Устала сильно, это да, то ли оттого, что силу из меня цедили, то ли от ситуации этой дурацкой. Но со мной что-то не так. Нервная, я стала.

Гунар локаторами своими поводил и вынес вердикт.

— Переутомление. У тебя состояние, как у воина, просидевшего месяц в жёсткой осаде. Недосып страшный. Отсюда и нервность твоя непомерная. И задержка женская.

Задержка? Ох, не люблю я это слово. Но про беременность Гунар молчит, а потому и я переспрашивать не стану.

— Ну понятно, дневные гормоны я, продлевая день свернутым временем, выжигала до последнего, а ночные не успевали вырабатываться, потому что спать было некогда. — Слово гормоны произнесла, разумеется, по-русски. Дедусь, само собой, заинтересовался. От нудного пересказа скудных знаний об эндокринной системе спас клич Халаха, пора было выдвигаться. Уже на пути к кибитке Гунар так спросил, как я о воспалении догадалась, да еще в таком укромном месте человеческого тела расположенное, про которое не всякому в голову придет. Ответить постаралась тихонько.

— В прошлой жизни сталкивалась, — почти не соврала, да.

Халах, даром, что очень пожилой, фразу расслышал.

— Так я думал! Ты с изнанки! — надо отдать должное опытному старцу, говорил он совсем не громко, но эманировал таким любопытством, что у меня волосы на руках встали, от страха, а вдруг остаться захочет? Но нет.

— Я знаком с одним мастером из горных людей, этот горец дружил с таким, как ты. Рассказывал про синюю силу. Дозволь, я поведаю ему о тебе.

Конечно, позволяю! А вдруг, этот горец знал моего предшественника, Николая Арефьева?

— А не Нордом ли звали этого человека с изнанки? Если так, то я хотела бы познакомиться с этим горцем, — старый Гунар аж пошатнулся от чувств, так его впечатлили новые открывшиеся перспективы. Надо думать, человек сто семьдесят лет жил этой историей. Жил и терпеливо ждал.

Подошла попрощаться смущенная Кира. Привычно погладила по плечу, пряча глаза, потом истово, но осторожно обняла.

— Не волнуйся, я обязательно к тебе вернусь, — и хихикнула, — мамочка.

Вот козявка, сбила-таки на сентиментальную слезу.

Застоявшаяся лошадка бодро тронулась, оставив перед нашей элегантной калиткой пару душистых подарочков.

А мне теперь ждать. Ждать, Ваена, чтобы накостылять ему, за то, что смылся, ждать долгих две недели возвращения близких, ждать, что принесет мне общение с заносчивым юным степняком. Оставалось надеяться, что дед как следует промыл ему мозги.

Часть 29

Дораш дремал, я не стала его беспокоить. Самой бы прилечь, но хотелось есть. Нервы мои сегодня вытрепали на совесть, и это еще не конец. Значит, надо идти готовить. Я бы ограничилась пряным мясом и салатиком, Ваену тоже нравилось так ужинать, но моему гостю ничего подобного есть нельзя. Легкое, протертое, нежирное. Значит, опять все тоже. Тоскливо хотелось привычной еды, борщичка, пельмешек, драничков, надоели бесконечные крупы. Ладно, придется еще потерпеть, а потом ...

Вот сейчас мясо варить поставлю, чайку с лепешкой перехвачу, да пойду отдыхать и болтать с Сарой, пока мясо варится. Завтра опять рабочий день, который я намерена провести куда осмотрительней.

— Так и сказал? — Трепетала многослойностью Сара.

— Ага, он почти точно уверен, что знает чья Кира родственница. — Сара завертелась волчком, я тоже так извивалась в душе, когда Халах объяснял, что ему надо от Киры. Это когда мы в кибитке ехали. Не договаривал, подлец, зачем бы ему столько хлопот городить, можно подумать, шаманы всегда рутинные торговые миссии сопровождают, ага. Не иначе как нужен ему этот теоретический родственник, а Кире опять отведена роль куклы. А-аащц!

Лежать среди бела дня было так непривычно и даже неприятно, что приходилось себя одергивать, чтобы не вскочить и не рвануть в хлопоты, даже вязание себе запретила.

— А еще сказал, что главный шаман определит это наверняка.

— Ро-одс-ственница. Зачем? Опас-сно? — За эти недели интонации Сары стали более живыми. Сейчас она переживала за наших, а потому опять вернулась к этой манере строить фразы, которую я про себя называла механической.

— Халах заверил, что нет, не опасно, раз она гостя. И что он не посмеет причинить мне вред, а значит Кира неприкосновенна. И Гунар, тоже ведь спаситель внука. И все наши близкие.

Гунар, предатель, проникся доверительной симпатией к шаману и соблазнился новыми знаниями. Что уж там эти старики друг про друга осознали и приняли, когда были связаны единым порывом спасти

пацана, мне неведомо. Но я Гунара понимала. Такие перспективы! Ведь заклятье на Кире — вызов ему, как магу и целителю, и он не упустит шанса с этим разобраться. Это помимо благородной миссии сопровождения Киры в неизведанные дали в качестве старшего родственника.

— Ваен?

— Ваен ко мне в родню не просился, — я хихикнула, мысль о нищеводке в многовековых рядах родни Ваена была более чем забавной. Сара поняла и к веселью присоединилась. Ее собственная аристократическая спесь, которую госпожа Фукеш демонстрировала в первый день знакомства рассосалась под натиском впечатлений и перспективы сытого не одиночества.

Не знаю, за каким лядом Ваену приспичило жить с нами, но я была твердо уверена в двух вещах: ему с нами хорошо и мне лучше не знать о его проблемах. Чую высшим образованием, что там все глобально.

Если объективно разобраться, то Ваен, несмотря на огромную мою благодарность — обуза, но он разбавляет жизнь Гунара мужским обществом, и за это я готова потерпеть его еще немножко. А вот об оплате пропитания намерена поговорить при первом удобном случае. Благодарность благодарностью, а в прислуги я не нанималась и намерена облегчить себе жизнь, здоровье дороже этики. Я старая, больная, трепаная российским здравоохранением тетка, второй раз по пути разбазаривания здоровья на ненужные трудовые подвиги и потакание низменным желаниям не пойду.

Сара не мешала мне думать мои думки и я даже немного задремала. Проснулась от грохота за стенкой, на кухне. Неужто новый постоялец нашел в себе силы подняться. А почему бы и нет? Не полостная же операция...

Источником шума был предмет недавних меркантильных планов. Ваен зачем-то рылся в моих эксклюзивно-заказных тазах. Рановато он что-то сегодня.

В нос ударил запах. Одновременно остро неприятный и неожиданно чарующий, почти совсем забытый запах свежей морской рыбы. Большого количества рыбы! Никогда не сталкивалась ни с чем подобным на прилавках наших супермаркетов. Никогда! А дух такой невыносимо правильный, что кружило голову. Еще бы, Ваен, надо думать, отраву в дом не понесет. Боже милосердный и все четыре

местных небожителя, благодарю вас, как же я вас благодарю!

Так! Вот это плоскодонное, похожее на палтус, отложим для экспериментов, на потом, когда уляжется первый истерический аппетит. Вот это, ковырнула ножом у хвоста, большое и беломясое, приготовлю прямо сейчас, вот эту мелочевочку, похожую на крупненькую плотву, отложим на супчик. Ну а это — без сомнения, селедка, только размером с дельфиненка. Это солить! А в мешке, который Ваен пристроил в таз, еще не кончилось, какое счастье, будет чем встретить названных родственников.

Пока я сладострастно распределяла внезапное богатство, напрочь отрешилась от действительности. А в кухне произошли изменения.

В дверном проеме замер Дорах. Как стоп-кадр дурной комедии, замер, скованный удивлением и ужасом. Перед ним, руки в боки, колыхалась Сара с самым что ни на есть, возмущенным видом.

Из дверей со стороны двора мизансцену обзревала Ваен. Я даже не поняла своим, раздербаненным счастьем, умишком, что с ним не так. А когда поняла, прыснула. Ваен был все в том же шикарном расшитом камзоле, лазоревом шелке и с увесистым мешком чего-то на плече. И это что-то покрывало его тонким слоем белой пыли, нет, пудры, нет... мука? Мука? Настоящая мука? Неужели пшеничная?

Не помереть бы от предынфарктной радости! Я воевала с завязкой полотняной тары объемом ведра на два, стремясь убедиться в своей догадке, и ни на что не обращала внимания, тем временем Сара окончательно вышла из себя.

— Нельс-ся. Нельс-ся! — Шипела она нервно. А вот это я не люблю! Не люблю, когда моя призрачная подруга так расплескивает драгоценную энергию. Пришлось оставить вожденный мешок и вникать.

— Что не так, дорогая? Дорах? Отомри! Это Сара, она живет здесь, с нами, не надо бояться, просто не раздражай ее, хорошо? — Бледный парень лишь хлопал девичьими ресницами. Это он от болезни такой бесцветный или от впечатлений? Мда, Сара умеет быть эффектной, особенно для зашуганных местных.

Суть конфликта была проста. Дораша разбудили естественные потребности и он было приготовился справить нужду по привычке, на воле, хотя ему и рассказывали про наши удобства, где чистота поддерживалась магически. Сара, естественно, не обрадовалась

предстоящему вандализму и приняла меры не пущать, ну, как смогла: предстала во всей своей полупрозрачной красе, да еще и заговорила. Готова спорить, что у Дораша «потребности» резко возросли от такого явления, а ему это не полезно. Надо спасать. Ваен откровенно и неаристократично ржал, видно, хорошо понимал проблемы гостя.

— Пойдем, — демонстративно прошла прямо сквозь Сару, попутно скормив ей немного силы, — разок тебе покажу. На улице гадить не смей, заставлю все убирать.

На оскаленные зубки этого товарища даже внимания не обратила, у меня Ваен за спиной, если уж ему дед-шаман не указ. И вообще, я тоже смехом давлюсь, только вбитые в подкорку законы гостеприимства не позволяли присоединиться к веселью друга. Паренька, конечно, жаль, но уж больно настроение у меня сейчас приподнятое, отдых и новые продуктивные перспективы сотворили чудеса с моим самочувствием.

— Вот, — указала вернувшемуся Дорашу на высокую миску и горку лепешек вчерашней выпечки, — перекуси и пойдем, покажу, где у нас моются.

Гостя при виде угощения перекошило. Глаза его заматались в поисках еды посущественнее, но я-то не готовила, у меня только бульон, который Ваен с аппетитом прихлебывал из кружки, он опять притащил какие-то бумаги и устроился на другом конце обширного стола.

— Я попозже тебе рыбки дам. — Жалкая попытка примирить парня с действительностью, понимаю, но ему нельзя тяжелой пищи, хотя бы до вечера. И пусть пациент мне не очень верит, но я не постеснялась напомнить ему о наказе деда. Уверена, что ему велели быть скромным.

— Как ты себя чувствуешь, Нин? — Ваен с чего-то решил быть внимательным. Снова калькулятор понадобился? Ну что ж, он сам подставился.

— Спасибо, неплохо. Что за цифирь ты опять принес?

— Счета. Есть у меня подозрение, что по некоторым по два раза казну списали. Поможешь?

— Так рыбу ты принес, чтоб меня простимулировать? — Глазам своим не поверила, но дружок мой смутился.

— Не то чтобы, — замялся он, — Гунар сказал, твое здоровье требует, а у тебя нет времени ехать на рыбный привоз. — Еще б я знала, что такое, вообще, существует.

— А про муку ты недавно мечтала.

Дораш тихонько печалился, попивая свой бульон прямо из миски, игнорируя ложку. Его кислый вид не мог поколебать моего приподнятого рыбой и мукой настроения, его портила необходимость проследить за помывкой этого сына степей, тут мне мерещились всякие ужасы начиная с неравного боя на кулаках, заканчивая сольным выступлением Сары, после которого я парня отцу вменяемым не верну.

— Дораш, ты почему такой смурной, болит что-нибудь? — лохматая белобрысая голова вяло изобразила отрицание.

— А ты вправду деду помогала меня лечить? Дед сказал, что это ты догадалась, где болезнь засела, он меня неправильно лечил, думал — отравление. Я помню, что ты там была.

— И я, и Ваен, и мой названный дядюшка Гунар.

Вот чего угодно ожидала, но только не того, что этот товарищ отставит недопитый бульончик, встанет и отвесит поклон в пояс. Мне. Ваен удостоился сдержанного наклона торса и удара кулачищем в грудь. Аж гукнуло.

Часть 30

После такого пафосного проявления признательности начать скандалить из-за мытья было неуместно и Дораш обреченно поплелся за мной в мыльню, подозреваю, что узкий проход под скалой сыну степей неприятен до клаустрофобии, но ничего, путь совсем недлинный.

— Да я мылся недавно, — бубнил он мне в макушку, потому как двигаться старался едва ли не вжимаясь в мою спину.

— Ага, на улице, холодной водой из тазика, неделю назад, — похоже, угадала. Хотела было отвлечь парня рассказом, почему нужна диета, но не успела, мы пришли.

Я уже корила себя, что не попросила Ваена об услуге, гордыню тешила, сам ведь не предложил. Не то, чтобы я опасалась или даже стеснялась. В мужском коллективе работала. Да и неинтересна я этому парнише, старая потрепанная женщина. Пацану ведь не двадцать, как я думала — поменьше, он еще растет. Этот вывод напрашивался сам собой даже при беглом взгляде на коротковатые рукава не такой уж новой рубахи. Дораш повыше Киры, но явно мельче отца и в росте и в кости. Точно растет, значит, ему лет шестнадцать — семнадцать. Терпеть не могу этот возраст. Каждый год у меня было две недели пыток, когда профильное ПТУ, гордо заявлявшее, что оно колледж, присылало десятков юных бабуинов на практику. Мне всегда казалось, что это смески обезьян с тараканами, а в голове у них сопли пополам с гормонами. И если практика проходила без острого конфликта, я считала сезон удачным. Самым злополучным был год, когда пэтэушники не только меня достали, но и мужиков. Мало того, что они прятались от работы, как тараканы, лезли в опасные станки, как обдолбьши, хамили и прочая, прочая... Ой, лучше не вспоминать!

А Дораш как увидал пещеру с бассейном так и замер. Еле его к воде подманила да уговорила сапоги стянуть. Он все не верил, что столько воды и она горячая. Не верил и потрогать не соглашался. Пришлось толкать. А потом спасать, сиганув в бассейн следом, прямо в юбке. Только самошитые тапки и скинула. Чуть оба не утонули. Пацан все никак не мог нащупать близкое дно, метался, вскрикивал, хлебал воду и цеплялся за меня. Вот в этот драматический момент и

нарисовался покатывающий со смеху Ваен, уже переодетый в домашнее. На Дораша обидный хохот подействовал отрезвляюще, он, наконец, сообразил, что может спокойно стоять. Он-то может, ему по пояс. А я в этом месте — не могу, хотя вода только до подмышек, но юбка, зараза, всплывает пузырем, приподнимает и норовит утянуть к сливу. И теперь уже я, под регот Ванюхи, цепляюсь за парня, а он меня стряхивает, как пиявку и ярится на насмешника.

— Нин, — Ваен, наконец, взял себя в руки, — ты иди, рыбой займись, а то опять до полуночи провозишься. Гунар записку оставил, велено следить за твоим отдыхом. Давай я познакомлю нашего юного гостя с условиями, а то еще обварится ненароком, заодно и сам освежусь.

Я всем своим видом демонстрировала вселенскую разобиженную надутость, а в душе хихикала, представляя, сколько муки Ваен притащил в волосах.

— Слушай, — мужики, один мокрый, другой возмутительно сухой, терпеливо ждали, когда с меня стечет достаточно, чтобы не устраивать потоп на кухне, — а почему ты не в кармане своем пространственном продукты нес, ведь тяжело же.

— Хочешь, чтобы у меня и там рыбой провоняло и мукой пропылилось? Жестокая! В пространственном кармане бытовая магия не действует, чтоб ты знала. Иди уже, раз не даешь мне тебя магией сушить, мне не терпится окунуться.

Ах тыж! Нна-а тебе! Ваен, конечно, три раза воин, но я ведь такая мокрая и маленькая, такая безобидная, а Дораш такой понятливый...

— Заодно и вещички прополощешь, Кира, вот, не жалуется, — это я мстительно намекнула, что доченька безропотно носит продукты с рынка в своей кладовке подмышечной. На всех замечу, таскает.

На мою тираду Ваен отфыркивается, лыбится и машет, уходи, мол.

Смех смехом, а я осознала еще одну проблему, которую придется решать уже завтра. Продукты таскать сейчас некому. Но я знаю, как это поправить. Красота.

Рыбка, рыбка,
вот моя улыбка, полная задора и огня,
самая вкуснящая на свете рыбка,
жарится, жарится, радуя меня... ча-ча-ча.

Ничто, абсолютно ничто, даже потрошение рыбы, не могло

испортить моего настроения. И уж точно, не малолетний сын степей, барабнящий в нетерпении по столу. Парень вполне оправился, если полагаться на диагностику Ваена, который уверял, что сытная еда и спокойный комфортный сон возвратят ему прежнее здоровье уже к утру.

Кстати, об утре, пока возилась, определилась с планом на завтра и ближайшие дни.

— Дораш, — парень неохотно отвлекся от созерцания шкворчащей рыбы, — я заметила, что ты никак ко мне не обращаешься, не стесняйся, зови Ниной.

Парень порозовел, неужели нарушила какое-нибудь непреложное правило вежливости?

— А можно я буду называть тебя вама?

— Вама, это обращение к девушке постарше, по смыслу похоже на понятие «старшая сестра», — нет, этот Ваен точно знает о степняках больше, чем рассказывает. Ну и пусть его, мне сегодня хорошо.

— Можно, если тебе так удобно. А я, тогда, как должна отвечать?

— Шуни, — Дорашу было некогда, война с рыбными костями давалась ему нелегко.

— Шуни, вы редко едите рыбу, да? — подпихнула ему влажную тряпицу, пальцы вытирать. Так он удивился, но сообразил на Ваена посмотреть, для примера.

— Зимой совсем никогда, летом — бывает.

Приятный вечер получился. Мы так и скоротали его вчетвером. Сара деликатно отмалчивалась, она была готова спрятаться ради душевного спокойствия гостя, но я не позволила. Еще чего!

На пару с Ваеном мы вытянули из парня, что у его отца три жены, его, Дороша, мать — старшая. Есть еще, ни много ни мало девять сестер, и он единственный сын, третий по счету ребенок.

Что племя Пятнистого кота считается небольшим, но сильным своими шаманами. Оно не кочует, живет с посредничества между степью и нашим королевством. Только его представителям разрешено появляться в столице и привозить мясо на продажу. А скотину гонят со всей степи.

Эти аспекты больше занимали Ваена, а меня интересовало, не обидят ли там нашу Киру, многоженство же. Мой шуни заверил, что нет, ей ничего не грозит, как и любой горожанке, принявшей

гостеприимство шамана. Сильнее деда Халаха только старший шаман, только он не старший, а совсем молодой, просто дар у него больше. И вот тут расслабленный едой пацан проболтался: у шаманов и магов совершенно разные методы работы с энергией. А Кира, как подозревает Халах, несет в себе кровь шаманов и она маг. Редчайшее сочетание, единственное из известных на данный момент. И на ней поводок, который в любой час может погубить этот уникальный выверт природы...

Опа, так моя девочка генетически ценный материал? А Гунар знает? Так, я подумаю об этом позже, а сегодня у меня хорошее настроение, пожалуй, впервые за все время моего попадания.

С этой мыслью я отправилась к себе, надеясь проспать полноценную ночь. Сегодняшний день удалось прожить без сворачивания времени, или это сворачивание получилось совсем кратковременным. Просто отлично!

Ваен очень ответственно подошел к вопросу охранения Нины от самой Нины. Он не исчез, как обычно, а потащился вместе со мной на рынок, неся мои припасы к бизнес-супу. Дораш, естественно, увязался за нами. И то верно, что ему дома делать. Мальчик так трепетал перед Сарой. Утреннее питание моей призрачной подруги поразило его даже больше, чем завтрак.

Еще со времен памятной поездки за продуктами в холодной кладовой лежали притыренными две драгоценности — кругляш замороженного молока и шарик замороженной же сметаны. Я даже про них забыла, и здорово, что вспомнила, пропали бы при первой же оттепели, а оттепель Сара предсказывала вот-вот. Блины. Самые настоящие, приготовленные по всем канонам! Очень удачные, кстати, получились, тоненькие и хрустяво-румяные. Стопка сантиметров в двадцать пять испарилась быстрее, чем исчез румянец с моих щек, которым я обзавелась, разогревшись у плиты.

И вот теперь, с волшебным завтраком в животах, мы отправились на рынок.

Часть 31

Ваен натянул на себя маску безвинно страдающего труженика, но мы с Дорашем его просто игнорировали. Дораш, кстати, без поклажи тоже не остался, но возражать не посмел, тащил узелок с лепешками. Маг все же рискнул своим пространственным карманом, лишь бы не тащить бидон с бульоном в руках. Большую тару с плотной крышкой-непроливайкой недавно изготовил мне знакомый медник, как и почти всю остальную посуду. Пара моделей ковшей, сделанные по новому эскизу нашла спрос, теперь я могу рассчитывать на некоторую скидку, но мне почти ничего не нужно. Даже подарки дарить некому. Но вот сегодня, его услуги точно потребуются.

Пока спускались к рынку Дораш активно крутил головой, подивился виду на озеро, пофыркал на реку. Меня это заинтересовало. Оказывается, Мирува, которая не совсем река, а скорее канал, сотворенный магами в скальной породе, имеет очень сильное течение и переправа возможна только в одном месте, в низовьях. Я с удивлением узнала, что река и есть граница между степью и, так сказать, цивилизацией. Единственная переправа контролируется племенем Пятнистого кота, с одной стороны, соплеменники Дораша играют роль пограничников на прикорме у короля нашего Кергона, правящего королевством Хариг уже добрые полста лет, с другой — оседлые посредники, осуществляющие торгово-дипломатическую функцию с кочевниками. Господи, как сложно.

По описаниям я так и не поняла, что там за переправа, но, надо полагать, не маленькая, если вся страна ест мясо из степи. Мой новоявленный братец-шуни довольно бегло изъяснялся на языке королевства, очень любопытно, что же заставило его учить? Оказывается, этот навык присущ практически всем в племени, все, начиная со взрослых, чуть ли не билингвы, а иначе как торговать, если не знать двух языков? Старики говорят похуже. Ваен добавил, что наш язык универсален, потому как страна была большой и единой, и только лет триста назад распалось на отдельные независимые образования. Колевству Хариг повезло меньше всего, оно зажато между степью и остальными собратями. Но именно это и спасает его от завоевания.

Отчасти. Никто из, так сказать, добрых соседей не хочет лишаться буфера безопасности. Степь она всегда степь, во всех мирах.

Дораш посмурнел.

— Можно подумать, там легко живется! — бурчал он на ходу, но слава богам, незлобиво. — Если нас сомнут, Степь хлынет в ваши горы, и никакие молитвы не остановят реки крови.

— Шуни, а какие у вас боги? — Мне, в принципе, все равно, но говорить о политике не хотелось. Парень аж притормозил в удивлении.

— Боги у всех одни...

Мама! Так что, степь молится этому же квартету бездельников? Ужас! Но это хоть как-то объясняет напряженное, но мирное сосуществование. Ох, как я не хочу вникать в политику! Но в такой маленькой стране, наверное, придется. Но мы дошли, можно пока об этом не думать.

Сдала Дораша Дуку и Баду с наказом не обижать, работать не заставлять, разве что сам захочет. Парни нашли о чем поговорить для затравки отношений, у степняка был нож с собой. Нормальный такой тесачок, явный прообраз десантного универсального.

А я двинулась к Нитте со своими припасами. Мой ранний приход ее удивил, обычно-то являюсь к обеду, она даже испугалась было.

— Нитта, хочу предложить тебе перенять мой суповой промысел, если ты согласна, — ой, прям благотельницей заделалась, аж стыдно смотреть в эти, преисполненные надеждой, глаза, — ну и хорошо, давай займемся готовкой, буду тебя учить.

К обеду мы успели. Я поняла, что Нитта — идеальная преемница, но ее комнатуха не подходит для этого промысла. Она ведь еще и шьет. Она ведь еще и мать! Голова пухла от задач и вариантов их решений. Проблемой наипервейшей было помещение. Вообще-то, неплохо сделать не просто еду на вынос, а полноценную едальню, но оружейники, как целевая аудитория, малочисленны, а перебивать бизнес у действующих конкурентов я пока не готова. И едва ли буду готова когда-нибудь.

Эти выматывающие недели, помимо усталости, принесли еще и понимание: так жить я не желаю. Я не желаю вкалывать физически денно и ночно, получая за это лишь бесперспективную возможность прожить еще один день в непосильных трудах, и еще один, и еще... Если бы мне хотя бы нравилось заниматься этим всерьез, но карьера

«стряпухи» не прельщала нисколько.

У меня магия не опознанная, мир такой неизведанный, у меня свежие молодые мозги, а узнавать новое я всегда любила. Обучение и самосовершенствование, это роскошь, которую нищие не могут себе позволить. А на супчике никогда не заработать на местное образование. Ни себе, ни Кире. Зарабатывать можно либо, скажем себе правду, эксплуатируя других, либо быть искусником экстракласса, широко известным мастером. Типа Фаберже. Можно, конечно, принять помощь от кого бы то ни было, но это не для меня, не одалживаюсь и в беспроцентные кредиты не верю.

Значит, пора менять алгоритм существования.

После благополучного завершения сегодняшней торговли Нитта приуныла. Она не глупая и тоже поняла, что в ее комнатенке, которая и спальня, и кухня и швейная мастерская, этому бизнесу тесно. На кухне у братьев? Я на ее месте тоже бы не захотела. У них своя жизнь и в ней в любой момент может появиться женщина.

— Вот бы напарницу тебе, Нитта, со своим местом. — Пустопорожнее замечание, сама понимаю, но Нитта обрадовалась.

— Мать мужниного друга! Тетка Варная! Пойдем скорее!

Госпожа Варная приняла нас с удивлением. Понятно, рассказы об анекдотичной, но везучей молодке до нее уже докатились. Но Нитте обрадовалась. Все это ерунда! У нее была лавка! Лавка мелочей, и как водится, на этом рыночке, с примыкающим жильем, а значит и кухней. Варная не бедствовала, но жила очень скромно, по средствам.

— Много ли нужно одинокой вдове? Дочка далеко, в удачном супружестве и в достатке. А сын сгинул вместе с мужем Нитты. Горы беспощадны, особенно к солдатам. Одна радость — на Анизу посмотреть. — Пожилая женщина перевела взгляд на мою наперсницу. — Я тебя, голубка, давно звала ко мне жить, но ты самостоятельная да гордая.

И правильно, мысленно похвалила я Нитту, в приживалки всегда успеешь, ладно одна, а ведь есть еще ребенок! Не-не-не. Мы Анизу и так вырастим, не одалживаясь.

Все сладилось, все очень довольны! Женщины при деле и при доходе, у меня куча времени высвободится и монетка будет капать без моего участия. Дня за три мы все наладим и в моем присутствии и надобность отпадет. Купить пару печь-камней, заказать утвари и

тележку, чтобы тяжести не на себе таскать, это не штука. Потом заключим договор честь по чести. У Нитты еще и время на шитье останется. Наличие лавки расширяет перспективы и я их не упущу. Только бы шерсти привезли, только бы привезли!

В мастерской братьев уже поджидали счастливый Дораш и надутый Ваен. Ага, конвой в сборе. Ну пойдете, голубчики.

— Нина, ворота там, — Ваен тянул за плащ.

Бедненький, совсем с нами, плебеями, замучился.

— Ага, — согласилась я, — но нам в овощные ряды нужно.

До зеленщиков так и не дошли, по пути случилась лавка травника, а в лавке, кроме мяты я прикупила еще этой местной меленькой картошечки. Много! Почти ведро! Ваен пробовал возражать, яд, дескать.

— А проверь, маг ты или не маг, только по-тихому. — Шептала на ухо скрытничая.

А дома селедочка уже должна просолиться! Мм-м...

Часть 32

Травник же и надоумил, где раздобыть плодородный грунт. У него что-то зеленело на окошке, вот и спросила. На берегу озера, где же еще, могла бы и сама сообразить. Но сейчас еще холодно. В доме не найдется помещения, достаточно освещенного и теплого, чтобы затевать посадку да хоть того же укропа, семена-то есть и я их использую, как приправу. Пока.

Ваен, помотавшись со мной по зеленщикам, взвыл.

— А я все думал, зачем Гунар велел за отдыхом твоим присматривать! Это ж надо, тренированного воина умотать! — Этот бубнеж не прекращался все пятнадцать минут, которые мы ехали на извозчике до дома. Ехали! Ножками нам долго и лениво. А я что, я ничего. Кто бы спорил.

Потерпи, родной, скоро ужин.

Жаль, что тут не снимают видео! Как Ваен пробовал картошку, которую я ему очистила от мундира! Осторожно, с недоверчивым прищуром, с беспощадной угрозой в темных глазах, он рискнул только после того, как Дораш, распробовал отварные целички с малосольной рыбкой и с энтузиазмом опустошал свою тарелку, посматривая на порцию сотрапезника. А вдруг откажется? Не отказался. Ха!

Расслабленный Ваен — такая душка. Даже принял участие в планировании моего мини-огородика, до хрипоты споря с Сарой о характеристиках какого-то там купола Фебрана, который вполне можно использовать, как защитный, хоть сейчас. Сара уверяла, что у нее была оранжерея под таким магическим сооружением и никакого стекла! Мда? А как же мороз и когда обещанная оттепель?

Место бывшей оранжереи весьма удачное, там нашлось прилично так грунта, хватит для экспериментов, но и свеженького я, ни жить, ни быть, добуду. Совершенно безумная идея свербила в затылке и никак не могла пробиться к рабочей зоне мозга, зудела, как комариный укус и мешала жить дальше.

— Нина придумала! Не знает как сказать, — объявила Сара.

— Это точно — не знаю, я ведь даже вашей терминологией не владею. А вот эскизик нарисовать смогу. А вы, господа маги,

подумайте.

Ваен уже не рисковал демонстрировать пренебрежение, лишь следил за хаотическим полетом карандаша. Идея была проста и попахивала инженерным идиотизмом. Я хотела этому куполу придать такую форму, чтобы он работал как увеличительное стекло и скудное солнце нагревало бы каменную кладку. То есть, я хотела не банальную полусферу, а сегмент, примыкающий к стене, которой отводилась роль нагревательного элемента. Этакий гиперболоид инженера Гарина из магических плетений, но такой хитрый, чтобы растения не пожог. А уж тепло купол удержит и ночью, для того он был и создан.

Непроверенные счета были забыты, маги углубились в обсуждение задачи, которую поначалу объявили бредятиной, я шила Дорашу тапочки и скучала по родным. Мирный вечер в кругу близких. Потом тихонько начала петь. Про степь, разумеется, а про что же еще? Дораш невыразимо удивился, что не понимает слов. Пришлось что-то приврать про древние песни и переводить. Подстрочно и без рифмы, а как иначе? Я ведь не стихотворец — импровизатор, я просто жалкий рифмоплет на русском. Была. Зато Дораш оказался поэтом, вот из кого ямбы и хореи перли, как пивная пена из стакана. Мы переводили «Ой ты степь широкая...» Волгу исхитрились заменить на Мируву, а бурлака на степняка. У моего шуни отличная память, а читать-писать он, оказывается, не умеет. Ну я и записала. Песня Дораша про степь. Пусть прославится.

Вот тут-то меня и торкнуло стыдом, что давно не баловала Раштита, а еще огород разводить собралась. Надо исправлять.

Следующий день радовал незагруженностью. Мне реально было нечего делать после обеда! Мои новоявленные стряпухи с местными продуктами покруче некоторых самоуверенных иномирянков управлялись и важность учета понимали, так что свою миссию могу считать досрочно выполненной, а себя — свободной до самого ужина. И мы с Дорашем пойдем гулять! Ваен к моей инициативе отнесся скептически, но возражать не стал, лишь достал из закровов запасной плащ и заставил парня переодеться, чтобы мимикрировать под местных. А то бурнус у него очень уж яркий. Позже я оценила этот жест. Толерантностью в нижнем городе и не пахло. Даже совсем заурядные горожане были невозможно спесивы.

Просто кататься холодно и не очень интересно. Так хотелось

посмотреть королевский дворец, но Ваен, зараза, не пустил, выдумывая немыслимое количество причин. И далеко, и времени мало, и что он там не видел. Но мы-то с Дорашем не видели! Дораша, вообще, дальше базарчика не выпускали, нам все интересно. Задумывался ли парень о причинах моего любопытства, я же вроде как местная, не в курсе. Помалкивал, за что ему спасибо.

Ваен знал, чем меня отвлечь, привел в пекарню. Хлеб здесь все-таки пекут, но это дорогое лакомство. Надменный пекарь едва снизошел до беседы, но под натиском моего аристократа и закваской поделился, и рецептик накорябал. Даже черствого хлеба продал по дешевке. Пустяки, это я сумею реанимировать. Но настроение было испорчено.

Вот ведь! Зла на Раштита не хватает! Моя бабушка всегда говорила, что еда из муки — самая дешевая, только не ленись. Большой пирог с тем, что есть и семья сыта. А тут исходное сырье — роскошь. Если бы этот солнечный паршивец работал как положено...

Дома все сыпалось из рук, такая апатия навалилась. Ни вязать, ни готовить, ни отдыхать, ничего не хотелось, но Сара напомнила способ прийти в себя. Немного одиночества на утесе мне не помешает. Предвечерние горы не менее прекрасны, чем утренние. Но они пустынные и печальны в своей бесполезной мощи. Петь «Кручинушку» я себе не позволила, вот «Варяг» самое то. Маленько отпустило. Горы вытянули хандру, впитали ее вместе с песнями. Чуть качнулась, набирая полную грудь хрустального воздуха, и заметила островок зелени на противоположном склоне. Видно, сосенка притулилась на уступе. Она держится, и я смогу.

Стоило вернуться, как Ваен накинулся едва ли не с кулаками, потерял. Счета-то так и не проверены, а тут калькулятор смылся. Но, буду считать, что он просто волновался.

Подставы мы нашли быстро.

— Ваен! Почему ты позволяешь себя дурить?

Это я лишнегохватила, дружок мой только гневно зыркнул. Мог бы, наверное, предпринял бы что-то. Пришлось утешать. Бисквиты мне всегда хорошо удавались, без миксера, конечно, сложновато, но мы с Дорашем справились, с ручным жерновом он управлялся не хуже Киры, а сахарную пудру взбивать легче. Надо будет парням венчик заказать.

Так прошло еще два дня. В утренних хлопотах на рынке, экспериментах с закваской и обучении Дораша письму и чтению. Не

обошлось без трагикомедии. Приспичило мне лапшички сварить и послала я Дораша за курицей. Вот это я тупанула! Принес. Живую, в перьях и моргучую. А других тут не продают, извините. Глаза от страха черные, красными противными штуками трясет. Жуть. Клюв — что пассатижи!

Как этот степняк надо мной ржал! Просто пополам складывался, едва птицу не упустил. Да я живую рыбу никогда не покупала, так она холодная! А эта теплая! Шуни, называется, братик младшенький, ага! Выторговал у меня единоличный бисквит за то, что ошиплет это чудовище. Кто ж знал, что если подержать тушку в кипятке, то не так уж долго и трудно. Но ее же тушкой сделать надо, шею свернуть, а это точно не ко мне. Пока тесто месила да на полоски кроила, он справился. Лапшу ели весело. Как спагетти. Длинные макароны есть вообще очень забавно.

А на следующий день, на рынке, нас ждал сюрприз. Пришли кочевники с очередной партией мяса. Незнакомые мне, что не удивительно, но знакомые Дорашу. Естественно, парню предложили вернуться в племя с ними. Как я испугалась, что он согласится! Такая какофония чувств! Приятный же парень, он не доставлял хлопот, но пока был не свой. Как не хотелось, чтобы он уходил, там мои Кира и Гунар, пусть у меня будет Дораш, а?

— Вама, можно я останусь?

— Конечно, мы же договорились, ты гостишь две недели.

Очень надеюсь, что ликование удалось скрыть. Пришлые степняки смотрели на нас с немалым удивлением. Почтительность Дораша от них не укрылась. Их не посвятили в историю его спасения? Видимо, все-таки посвятили, потому что нам прибыла посылка: корзина отменных копченостей и плотненький тяжеленький тючок непонятно с чем.

Вау! Нет, урра! Я скакала по кухне пьяненьким козликом. Стоило надрезать стягивающие веревки, как тючок превратился в тюк, набитый цветной пряжей. Именно такой, как я хотела! Мягкой и скрученной. Это, конечно не фабричное качество, но уж точно не гобеленная. Пир для глаз! Праздник души! Синяя, зеленая, багряная, а вот эта, похоже, не крашенная, жемчужно-серая.

Пока делала рубленные котлеты распевала с таким упоением, что Ваен удрал. А я что, я ничего, я просто расчувствовалась и горланю от радости.

За эти дни наотдыхалась аж до тошноты, теперь вязать, вязать, вязать. И первую вещь, синий свитер — Ваену. Пусть рекламирует и вводит новую моду. Это будет оч-чень дорогой эксклюзив. Тресну, а создам бренд. Интересно, у них тут патенты уже изобрели?

На рынок теперь ни ногой, некогда. А Дораш ходил. Относил порцию бисквитов на продажу в лавку Варнае, а сам к парням, в мастерскую. Рослый и крупный, он легко принял главенство коренастого Дука, парни ладили и занимались своими важными мужскими делами. Дядька Тулак и Нитта за ними присматривали. Аниза при каждой возможности забиралась к степняку на руки, он не возражал, только смеялся. Шесть младших сестер у парня, навык есть. А я вязала пока пальцы держали спицы. Вязала и пела. Сара не возражала, я довольна, значит, и подружке моей прозрачной хорошо. А Ваен возобновил свои отлучки.

Красивый вышел свитерок. Толстый, в сложно перевитых косах, с любовно вывязанным горлом-стоечкой. Ваен смотрелся в нем отпадно. Брутально и одновременно уютно. Он с удовольствием рассматривал себя в большом зеркале. Красивый, чертяка.

А я в зеркале как была, так и осталась блеклой молью. Да еще и тонкокостная. Как Людмила Гурченко в юности, но далеко не такая хорошенькая. Только глаза повеселели, да скулы слегка прикрылись щечками, а так, все тот же носик уточкой да ротик гузочкой. Ну, Коко Шанель тоже классической красавицей не была, прямо скажем.

— Нина, там к тебе пришли! — Сара влетела растерянным вихрем, — Мальчик, он у ворот. Станный.

Вот ведь, полюбоваться на себя не дали. Ну, кто там? Посыльного с рынка прислали?

Да, странный мальчик, точнее, парнишка лет пятнадцати. В китайском желтом халате и простоволосый. Золотые длинные кудри трепал стылый предвечерний ветер. А еще, он был бос.

Вопрос «кто ты такой» так и не покинул моих губ, потому что мы встретились взглядом. Его глаза тоже были золотистыми, как и ресницы, и бледная россыпь веснушек, окропившая все лицо. Ой, мама!

— Раштит?

Часть 33

Посиневшие дрожащие губы шевельнулись без звука. Ох, ду-ура! Босой, в одном халате и явно не шерстяном, он же замерз!

Вопрос, почему бог мерзнет возник гораздо позже, а сейчас во мне истерила насадка, требуя немедленно обогреть, накормить, приласкать.

— Нина, отойди от него, — ревел за спиной Ваен, стоило мне только взяться за калитку, — он опасен.

— Ты тоже опасен, не мешай! — Как хорошо, что я не поленилась плащ накинуть, теперь вот пригодилось укутать гостя. Ваен, поняв, то со мной не сладить, просто подхватил страдальца на руки и помчался в дом, тоже умник, выскочил раздетый.

— Давай его сразу в мыльню, отогревать...

— Нельзя его в мыльню, — маг устроил, смешно сказать, бога в кресле и водил руками над трясущейся тушкой, — у него жар.

Раштит шмыгнул носом и в удивлении распахнул глаза. Шмыгнул еще, закашлялся, тяжело задышал ртом.

— Что это? — Парника с любопытством смотрел на свои пальцы, увлажненные тем, что из носа при простуде течет и, кажется, готовился это лизнуть.

Он, что бредит? Выглядит вроде ничего.

— Малыш, ты чего? — На протянутый носовой платок бог пялился так недоуменно, что я растерялась.

— Сопли вытри, — рявкнул рассерженный Ваен и добавил уже для меня, — простужен и сильно, но помочь ничем не могу, от него моя магия отскакивает.

— Что такое сопли? — Вопрос вгоняет в ступор всех, включая зависшую под потолком Сару. И как на него ответить не знает никто. То есть, я знаю, но кого сейчас интересует отек и воспаление гайморовых пазух?

Рой не оформившихся в конкретику догадок тревожно гудел в голове. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы начать действовать.

Вытерла хлюпающий нос, как бывало, вытирала крестнице Дашке, вложила платок обратно в руку, убедилась, что недоросль процесс

осознал. Потрогала лоб, горячий. Машинально погладила по голове.

— Ваен, друг мой, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, освежи мою постель, там будет спать мальчик. Дорош, милый, принеси тазик горячей воды. — Это я прокричала уже на пути в свою комнату. У меня найдется пара непроданных носков и полотенце чистое.

— Ты почему совсем раздетый, горюшко? — Вопрос остался без ответа, потому что Раштит с невыразимым удивлением пялился на свои ноги в тазике водой. Достанет одну, пошевелит пальцами, засунет обратно, потом вторую, тем же порядком, потом обе. Он так и развлекался бы, но закашлялся.

Ваен с некоторой жалостливой брезгливостью наблюдал, как я мою парню ноги, а затем надеваю носки. И это было только начало.

Думаю, мой друг не представляет себе, как глупо я себя чувствовала, обучая взрослого парня умываться и сморкаться. В золотистых глазах стоял неизбывный вопрос “зачем?”. Зачем умываться, зачем пересаживаться к столу, зачем это пить, а как это...

Впрочем, пить чай Раштиту понравилось, чай у меня вкусный и полезный, сама составляла, выковырнув из памяти бабушкину науку. Смотрела на него и думала, если моя догадка верна и боженок действительно стал человеком, причем впервые, а, скорее всего, так оно и есть, то он как новорожденный, для него все ощущения внове. Вот напьется он сейчас чаю, как ему объяснить про туалет?

Дораш, который считал, что глупо просто пить чай, если его можно пить со сладкой лепешкой, исправил это упущение. По-моему, степняк быстрее Ваена сообразил, какая проблема свалилась нам на голову. Все-таки пронаблюдал взросление сестричек и аналогию уловил. Налил себе чаю, подул, откусил от лепешки...Мда, личный пример в воспитании всегда был очень действенным.

Ну вот, хорошо. Теперь его надо переодеть и уложить, раз у него жар. Не тут-то было. Смысла в переодевании гость не видел и уходить с такой интересной кухни не желал. Он согрелся, подкрепился и жаждал общения. А у самого под халатом даже штанов не было.

Так начался мой персональный ад. Два битых часа Раштит подтверждал, что быть человеком совершенно не умеет. Мы перебрали все возможные тактильные ощущения. Опытным путем и по несколько раз. Горячо, больно, щекотно, холодно гладко, колется, чешется, щиплет, твердо, шершаво...

Ваен с Дорашем наблюдали бы этот цирк и дальше, но я уловила, когда боженок начал испытывать непонятный дискомфорт и рекрутировала степняка на спецкурс в туалете. Все-таки, Дораш необыкновенный мальчик. При знакомстве был прям полудикий, а сейчас проявляет чудеса цивилизованности. Редкий характер у парня.

— Нина, — Ваен был зол, но говорил нарочито спокойно, — кого ты опять к нам притащила?

Так и хотелось ему напомнить, как я его самого притащила, точнее, он сам притащился, самовольно!

— Это Раштит, разве ты не понял?

Даже сквозь усталое отупение я удивилась реакции моего друга. Он пошатнулся даже сидя. И слов на дальнейшие вопросы у него не было, это мне повезло, да. Потому что у меня не было ни сил, ни голоса отвечать еще и на его вопросы.

— Бог? Но как?! — На это крик души ответила проявившаяся Сара.

— Ос-стань от нее! Устала! Потом. Да. Бог. Только как человек.

Хорошая моя, что я без тебя делала.

— Вама, я есть хочу, — жалобно проныл Дораш, и добавил вредненько, — лепешки кончились.

Ага, а в кладовку сходить, копченого мяска отрезать было никак, тут ведь пляски с бубнами, нельзя пропустить ни мгновения.

— Что такое “есть хочу”?

И как ответить на этот вопрос?

— Это когда вот тут, — степняк ткнул себя в район желудка кулаком, — вот так: н-н-н-н-н-н-н, — заныл он, то возвышая, то понижая голос, — и больше ни о чем другом думать не можешь.

А ведь верно, обед мы пропустили, встречая гостя, а уже ужинать пора. Согреть горохового супа с копченостями и швырнуть на сковороду замаринованные с утра отбивные не проблема. Горох дорогий, но ведь копчености! И даже белые сухарики имеются! Такой супец получился!

— Вама, а он теперь с нами будет? — Дораш наяживал ложкой явно рассчитывая на добавку, но нашел в себе силы указать на золотоволосое чудо.

— Думаю да, некоторое время. — Надо бы представить, хм, человека, но уместно ли? — Его зовут Тит, — ну я даю, самовольно переименовала бога, Ваен, который внезапно стал очень сдержанным,

только бровь задрал.

А свежепереименованный бог и бровью не повел, он осваивал ложку и ему было нелегко. Тонкий длинный черенок выскальзывал из непривычной хватки. Жалко его стало, болеет ведь. Дала фарфоровую, местную, с короткой толстенькой ручкой, дело пошло. Тит ел, как заправский гурман, медленно, вдумчиво перекачивая на языке жидкое и инстинктивно жуя твердое. Ну, слава богу, хоть какие-то рефлексy воспитывать не надо. Не представляю, как бы я его учила жевать и глотать. Ой, а мне же его еще вкусом учить и запахам!

Вот тебе и “Баранкин, будь человеком!”

А зачем ложиться, а зачем одеяло, а почему менять на ночь одежду, а спать, это как? Ой, а почему рот открывается сам, а зачем это, зевать, не хочу кашель...

Язык уже заплетается, а вопросы не заканчиваются. Ваен принес мешочек с разогретой солью вместо грелки, отсыпьте ему боги удачи и здоровья.

— А зачем горячее, а почему на грудь, а... — не выдержала, прикрыла этот источник вопросов ладонью. Новые ощущения Титу понравились и он присмирел. Я бы спела колыбельную, да охрипла уже, поэтому просто тихонько гладила его по конопушкам. На постели засыпал почти взрослый парень, а я видела одинокого ребенка.

— Тит, Тишенька, — позвала еле слышно, — а ты сам себя полечить можешь?

— А люди могут? — последовал встречный совершенно нелогичный вопрос.

— Нет, не могут.

— Тогда и я не могу, я теперь человек, ты же сама просила.

Последние слова звучали совсем невнятно, кажется, заснул. Ох и перепутаются же у него волосы за ночь, он, небось, и причесываться то не умеет. А грива-то ниже лопаток и кудреватая. И такая нежность в душе расцветала, какой я даже к новорожденной Дашке не испытывала. Сидела и тихо любовалась золотой макушкой.

А у двери бдительным сфинксом застыл Ваен, и ему явно было что сказать. Пришлось вставать. Для верности, чтоб не сбежала в мыльную, он вцепился в мой локоть и поволок в свою комнату. А-ащ!

— Нинка, чудовище ты убогое, — зашипел он, — вот как ты умудряешься цеплять самых неординарных людей! Универсальная

наемница-убийца у нее в дочках, да не какая-нибудь а на поводке, один из самых сильных магов современности ей в дядья набивается, внук и наследник шамана, который держит в руках дипломатию всей степи у нее с рук ест и жизнью ей обязан, полуторавековой призрачный ужас чуть ли не на побегушках. Теперь бога с дурной репутацией умудрилась в дом притащить! Ты думаешь, что творишь?!

За Сару я обиделась и из последних, не таких уж и маленьких, как оказалось, сил пнула этого зануду ногой в голень. Это я в дорамах насмотрелась. Ага, сработало, скачет на одной ножке, прямо как в кино показывали.

И чего привязался. Устала я.

— По твоей логике ты сам должен быть аномально-особенным. Не хочешь поделиться, в чем твоя уникальность, а? — Маг демонстративно отвернулся, не желая отвечать. — Ну ладно тебе, Вань, не сердись, не нужны мне твои тайны. Ты добрый и надежный. И только совсем чуточку надменный засранец.

— Как ты меня назвала? Ну-ка повтори!

Ох, ты ж, с засранцем я переборщила, надо каяться.

— Как ты переделала мое имя? — ага, вроде, взял себя в руки.

Фух! Так он не из-за засранца?

— Ну, вот смотри, ты — Ваен, это очень созвучно одному популярному имени на моей родине. Иван. Ваня, если попроще, Ванюша, если ласково.

Вот ведь, нашел время для обнимашек! Но приятно. Сразу понятно, свой человек. И свитер так и не снял. Значит, удобно, значит, понравился.

— Ванюша, это хорошо звучит, странно, но действительно ласково. — Я и поплыла от этой задушевности. — Ты где спать собираешься, убогая.

От резкой перемены тона аж передернуло. Молча повернулась, чтобы уйти. У-у, чудовище винторогое, такое чувство растоптал.

— Да я просто помочь хотел, Нин. Дораш уже спать улегся.

Вот чего следом плетется?

Спать я планировала рядом с Раштитом, на полу. Вдруг гость проснется и запаникует. Сара указала на запасные тюфяки, лежанка получилась едва ли не удобнее, чем на кровати. Ваен, никакой он не Ванюша, старался угодить, помогая, понял, что гадость сказал. Но слова

уже вылетели и выводы сделаны.

— Я следилку на дверь повешу, — шептал он покаянно, — на случай если твой подопечный проснется, а ты нет.

Ладно, давай замнем, раз ты так стараешься, замнем, но не забудем. И будем держаться подальше. Не воевать же с недоумком-аристократом.

Проснулась позже обычного. На полу. Ох, завтрак же! Ох, Раштит же! А кровать-то пуста!

Подорвалась с места, как ракета земля-земля, чтобы обнаружить гостя в обществе Сары, которая объясняла этому почемучке назначение предметов обстановки. Святая женщина.

Утреннее питание Сары, которое я устроила прямо здесь, в неиспользуемой столовой, божонка очень заинтересовало, он смело сунул палец в мою синенькую, заметно огорчился, что ничего не произошло, с очевидной завистью пронаблюдал, как Сара аккуратно употребила все до последней крошки силы. Задумался, совершенно Дорашевым жестом потеревил макушку. А потом ткнул себя в живот и заныл:

— Н-н-Н-н-Н-н...

— Есть хочешь?

Ого, наш маугли уже кивки освоил, здорово. Я, наконец, обратила внимание на его одежду. Рубашка явно степняцкая, они не через голову одеваются, а запахиваются, как халат, на завязочки. Вместо штанов что-то подштаникообразное, но теплое и сильно велико, это Ваен поделился, не иначе. Все это великолепие удерживается желтым шелковым поясом от того одеяния, в чем Раштит притопал. На ногах все те же толстые носки, только перекрученные.

Присела на корточки, носки недотепе поправить и Тишку заинтересовали мои волосы тоже не чесанные, кстати.

“О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух”, да-да. Пробовали вытащить из теплой воды подростка, который никогда и ни в чем не знал отказа? Хотя бы по-тому, что просто ни в чем не нуждался? А тут такое разнообразие ощущений! Он, помоему, от познавательного азарта даже как-то изжил свою простуду.

А груминг? Ну, тут я немного лукавила в своем недовольстве, повозится с такими волосами, это кайф. Но за этот кайф пришлось расплатиться, потому что Дораш тут же возжелал креативную прическу

аж из трех французских кос. Тоже гривастый экземпляр.

А что такое в яйце? А почему оно на сковородке белеет, а...

Яичница с беконом несколько занятнее, чем просто вопросы задавать и мне тоже удалось поесть.

Судя по тому, что степняк называет нашего гостя полным именем, а не укороченным, Тит, как я его представила, Ваен счел нужным поделиться секретом. Оно и правильно. Это я не дотумкала и заигралась в конспирацию. А это, на минуточку, Бог. Кому ведома логика божественный деяний? Прогневается не пойми на что и все...

Дораш на рынок сегодня не пошел, видно решил меня с богом наедине не оставлять. Удивительный мальчик, не артачится, ведет себя без национальных заморочек, ко мне почтителен, но без пиетета, с Ваеном держит дистанцию, как и положено недопеску рядом с матерым зверем. Такое чувство, что он сразу два воспитания получил, национальное и, так сказать, цивилизованное. Непростой мальчик. Дед его в эмиссары готовит? Или, наоборот, в дипломатические представители?

А парни, меж тем убирали со стола. Тит явно и с удовольствием занял позицию ведомого при степняке, а тот всю эксплуатировал принцип “делай как я”. Дальше началось невообразимое, Дораш достал свои листочки, чтобы учиться писать. У Ваена каллиграфический почерк, аналог прописей делал он, а учебником служил гротеск, других книг не было, Тит немедленно потребовал себе такое же.

— Тит, а зачем...

— Нет! — Боженок даже привстал, — говори не Тит, по-другому.

— Раштит?

— Он хочет ласково, — пропела Сара, вот кто получал удовольствие от этого балагана и уже научился интерпретировать эмоции этого, э-э...разумного.

— Тишенька? — Воспоследовал надменный кивок и бесподобная мальчишеская улыбка, в которой засияли не только зубы, но и все золотистые конопушки. Ну как тут устоять? — Тишенька, солнышко, зачем тебе прописи, ты же говорил, что все языки понимаешь.

— Интересно. Сестра не умеет. — И сияет как рождественская реклама.

Потихоньку, полегоньку мы с Дорашем выяснили, что сестра, это Сиштира. Она старшая из близнецов и Тит ее не любит.

— Погоди, я не поняла. В храме статуи были, ты на свою похож. А Сиштира, она похожа? Явно ведь постарше.

— Как хочу, так и выгляжу. Статуя мне нравится.

Так вот почему он босой и раздетый был. Воспроизвел то, что было доступно. А под халатом из бронзы не видно, бос он или обут, в штанах, или нет. Так и шлепал от ближайшего храма, благо, не очень далеко. А материализоваться прямо в доме не догадался.

Так, мальчики заняты, пора браться за обед.

Учиться читать не так интересно, как висеть у меня за плечом, почемучкать, принюхиваться и совать пальцы под нож.

Я за своим рабочим инструментом слежу, моими ножами бриться можно. Всю жизнь с большими мастерами работала, они говорили: тупым инструментом только тупой работает. А ножи точить я специально училась, под свою руку и под свою силу. Какая разница, что резать, деревяшку или лук? И с кухонным ножом я управляюсь почти как профи, то есть быстро. Вот и не уследила. Тита разрывало от противоречивых желаний. И больно, пожалейте. И интересно, почему красная и соленая. И почему Нина злится... И...

Ох, оставалось только надеяться, что осторожности он научится так же быстро, как есть ложкой, иначе я опять стану седой.

Вот, не уследила и Тит притащился за мной в кладовку, ту которая не холодильник, но все равно прохладную и весьма. А там копчености, а там такие мешки интересные, а там кочан, который был уверенно им опознан, а там... под мои вопли о соплях и кашле Дорах вынес его из кладовой на плече, как кавказскую пленницу. Тапок-то у гостя нет. Кто ж знал, что пора гостевые заводить, вот ведь.

Воспоминания о нелепой размолвке с другом теребили остатки совести. Надо сгладить мой вчерашний усталый взбрык, хотя и спровоцировали меня знатно. Ваен, скорее всего просто не привык деликатничать, но с ним все труднее ладить. У мужика не хилые проблемы, это понятно, но сочувствовать ему, не зная сути, как-то не получалось. Трудно сосуществовать рядом с человеком, который то оттолкнет, то приманит добрым поступком. Просто знать, что Ваен не враг маловато для того уровня взаимного комфорта, который хочется иметь, раз уж так сложились наши соседско-дружеские отношения. Но помириться надо, хотя гордыня против. Впрочем, есть универсальный способ сделать это без слов, просто побаловать его вкусеньким.

Господи, как мало я ценила свободу прошлой жизни! Как хочется побыть одной хоть иногда. Как утомительно постоянное присутствие кого-то рядом, но такая роскошь теперь недостижима даже в мечтах. Особенно сейчас, когда в доме два непредсказуемых выюноша, каждый из которых мил и очарователен. А что будет, когда они окончательно скорешатся?

В медитацию над корзинкой с морковью ворвался вскрик и испуганно-раздраженный бубнеж Дораша.

Даже в кухню заглядывать не надо: Тишка добрался до лука. Естественно, ему приспичило схватить остро пахнущее нарезанное крошево с разделочной доски. И нюхнуть со всем юношеским энтузиазмом. Теперь Дораш убеждает его не тереть глаза руками, испачканными в едком соке.

Умыла, приласкала, объяснила, вручила каждому по очищенной морковке, шикарное угощение по нашим временам. Убедилась, что Тит забыл свое горе и вернулась к готовке, даже мурлыкать что-то начала, потом осознала — без слов напеваю «Беловежскую пуцу», откуда она взялась? Но красивая мелодия, да. И слова тоже.

— Что такое пуца, — неожиданный мысленный вопрос Тита разрушил очарованность мелодией.

— Это лес, огромный-огромный, древний, с толстыми деревьями. А ты что, опять меня слышать стал? — Вчера Раштит не подавал никаких признаков былой ментальной общительности, которую демонстрировал в храме.

— Ага, после бассейна, когда представила, как лупишь меня по голой попе. Было смешно.

— А должно было быть больно! Все, давай говорить вслух, не надо пугать Дораша.

— Давай, только ты тогда вслух пой, а то у того мужика, который у тебя в голове пел, голос противный.

«Песняры» ему не угодили, то же мне, эстет. Всегда полагала, что это песня для высокого голоса, но и с моим контральто хорошо получилось. Дораш аж рот открыл, при нем-то я в полную силу не пела. Естественно, с меня сразу потребовали перевод. Вот как объяснить сыну степных предгорий, что лес, это много-много больших деревьев, что их так много, аж на всю степь хватит? Но объяснять не пришлось.

Со стороны двора слышался шум и голоса. Кто-то командовал,

что-то с легким стуком падало. Причем Сара неудовольствия не проявляла. Я только и успела поймать за шкиряк Тита, который рванул во двор вслед за степняком. Дораш вернулся быстро и с новостями.

— Вама, там дрова привезли. Почтенный Ваен приказал разгружать, — Дораш старался сдерживаться, как и положено солидному кочевнику, но возбуждение прорывалось юношеским азартом, — никогда столько сразу поленьев не видел!

Надо же, дрова! Зачем? Я была почти уверена, что мы доживем до тепла на запасах Сары. А там и дрова подешевеют. Без топлива все равно никак, печь-камень подзаряжается в открытом огне и не режет, чем раз в три дня. Вот, опять этот Ваен самоуравнивает, а-ащц!

Так, Нина, не вздумай накидываться на человека, у него, наверняка были причины. Улыбнись поздоровайся, как взрослая, и вежливо спроси.

Ответ удивил.

— Ты больше не будешь больше ночевать на полу, натопим большую спальню и все. — Ваен впихнул мне в руки изрядный такой кожаный кофр, буркнул: займись, и смылся во двор, руководить дальше.

Вот что за человек? Не характер, а универсальный тренажер для моей выдержки!

В мягком чемодане была подростковая одежда, полный гардероб вещей, подходящих Титу по размеру. Какая радость, а то я хотела уже распатронить неприкосновенный кошелек Гунара на одежду для нашего солнышка. А солнышко, которое, в моих мыслях ориентировался лучше, чем я сама, просек, что это все для него и вознамерился приступить к примерке прямо на кухне. Мой ментальный вопль, «марш отсюда, ты же мальчик», был проигнорирован в лучших традициях всех практикантов-пэтэушников. Спасибо Дорашу, пресек бесчинство на корню, просто прихватил кофр и направился вглубь дома. Тишка потрусил за ним, как привязанный, а Сара величественно указывала путь к зеркалу. Вот интриганка, нашла способ подкормиться «радостной силой». Моя прозрачная подружка уже не удовлетворялась просто сырой энергией, от негативных эмоций нос воротила, как от мертвечины, а радость у нее котировалась, как десерт.

Так, суп варится, рагу томится, лепешки пекутся, я тоже хочу посмотреть на балаган с примеркой.

Ну, Дораш, ну психолог, ну умничка, дал сойти первому шквалу

Тишкиных впечатлений, да так просто и действенно: позволил нашему маугли натянуть на себя все без разбору. Я даже не пыталась сдерживаться, улыбалась во весь рот. Тит был похож на гламурное пугало, но такой очароваа-ательный. Ох, намучаюсь я с ним.

В глазах улыбающегося Дораша была еле заметная тоска.

Преимущество штанов божененок уже уяснил и одежкам радовался осознанно, а не просто впечатлялся по поводу и без. Попутно мы выспросили, как он незамеченным дошел.

— Сил подкопил и дошел. Помнишь, ты мужчин подбила мне песни петь, вот тогда — да-а, тогда прям хлынуло, а потом девчонка эта все время горланит «я на солнышке лежу». Выхожу из-за завесы, а там народ толпится, и все ноют, это не забыть попросить и это, и тому соседу чтоб все перетак... Я испугался, а вдруг узнают, а сил совсем чуток осталось. Кусок завесы оторвал, закутался и вышел незамеченным. И двинул к тебе. Я тебя всюду слышу и везде найду, даже если ты про меня не думаешь. Пока шел, покров подпитывал, а как остаток сил истратил он и рассеялся. Но уже дошел, только позвать тебя не мог, ослаб.

Пока учили Тита одеваться и носить принесенные вещи, включая сапоги и плащ, все было ничего. Но без скандала, как водится, не обошлось. Боженок категорически отказался примерять бурнус.

— Не буду! Ну и что, что все носят, не хотите — не носите.

— Так принято...

— Не буду! Нет такого закона, волосы прятать. — Тит полюбовался на свои облагороженные моим гребнем кудри, — это Сиштира, дура, чьей-то прическе позавидовала и внушила, что ей угодно, чтобы светило не касалось волос. Она забыла давно, а вы все мучаетесь.

— А в степи нет такого правила, — Дораш был удивлен не меньше, чем я, — мы волос не прячем, если не хотим.

Видно, прически степняков зависти не вызывали, или проводники божьей воли у них там поумнее. Кажется, я знаю, с чего начну свою тихую подрывную деятельность силами одного божественного недоросля.

От благодарностей за подарки Ваен просто отмахнулся, дескать, дрова, это мелочи, я ему больше денег сохранила, возясь с цифирью, а за одежду он не платил, это одежда его племянника, тот внезапно

возмужал и все это стало мало.

Темнит товарищ, но вещи, действительно, слегка ношенные. Тит на эту досадную подробность внимания не обратил, вот и хорошо.

До возвращения моих близких осталось пять дней, Сара нашептала, что Дораш грустит по этому поводу. Я из-за отъезда степняка тоже маленько паниковала, он так лихо управлялся с Раштитом, как у меня никогда бы не получилось. Тем более что поведение парней в пубертатном возрасте моему пониманию совершенно недоступно.

Как практиканты вспомнятся, так жалею, что я не Горгона-Медуза. Однажды чуть до суда не довели. Затеяли, сволочи, кататься на мостовом десятитонном кране. В наушниках. И призывов прекратить не слышали. Сняла я их оттуда легко, просто обесточила цех на десять минут, а потом отняла наушники и вдула полные уши комментариев об их умственных способностях и нравственной дефективности. И все бы ничего, осталось дотерпеть всего один день практики, но заводиле хватило ума на меня замахнуться, типа я права не имею его собственность цапать. От рукоприкладства тогда удержали рабочие, потому как я уже схватилась за дрын.

— Ты, Николавна, в заводоуправление собиралась, вот и сходи, пока дождя нет, а мы тут сами, ступай от греха, ступай...

Я его потом видела, пацана этого, с личиком, цветущим фингалами. Про своих знаю, что обоих укротителей кранов выдрали ремнем от клиноременной передачи. На верстаках разложили и выдрали. Благо, камеры слежения только на ночь включаются. Я считаю, что мужики были в своем праве, кому понравится, если станок вдруг заглохнет и заготовку, в которую уже прорва труда вложена, зажует? Вытаскивай ее потом, сбивай настройки.

Затем добавили одnogруппники, которые все не получили зачет по практике, а значит и стипендию. Я тоже была в своем праве, веселый безопасный нейтралитет — это удобно, а за удобство надо платить.

А с Дорашем оказалось все просто и грустно, степняк не хотел возвращаться. В племени он был камнем раздора между дедом и отцом, но тяги ни к шаманству, ни к воинскому делу не чувствовал. Как помочь парню, я не знала, могла только сделать его пребывание здесь максимально приятным.

Вот что в нашем житье-бытье приносило удовольствие, это вечера. Я усаживалась вязать, а парни подбивали петъ и переводить. Ваен тоже

оказался не чужд поэзии, они на пару со степняком адаптировали мои песни под местные реалии. «Степь да степь кругом», которая очень нравилась, как ни странно, Ваену, и «Белой акации гроздь душистые», ее прилюбил Дораш. В какой-то момент он замер с открытым ртом и расширенными остекленевшими глазами. А Тишка сидел с хитренькой самодовольной мордочкой. Похоже, что Дораш, заботами младшего товарища сейчас «видит» все те образы, которые плывут перед моим внутренним взором. Акации, это фишка и моего родного города, не только Одессы, как каштаны — Киева. Хоть и областной центр, а изрезан оврагами, все склоны которых, чтобы предотвратить оползни, засажены этими неказистыми, но очень цепкими деревьями. В период цветения город пьянел от маслянистого сладкого духа. Чумовой аромат будоражил, кому либидо, а кому воспоминания, но задевало всех.

Уложить Тита в хозяйской спальне одного стоило пятнадцати минут тактильных нежностей, на которые это существо было падким необычайно. Уж на что Дашка была ласковым ребенком, но даже под сказку она не выдерживала долго, начинала скучать.

Часть 34

На рынке и без меня все было неплохо, Нитта и Варная лишь попеняли, что исчезла без предупреждения да посетовали, мол спрос на бисквиты вырос, а они не умеют. Пусть белая мука, это дорого, но кусочек себе позволить могут многие. Пришлось учить. И думать, как облегчить процесс, хоть венчиков для них заказать, раз уж даже механический миксер сейчас недоступен. Нет, изобрести его, это на раз-два, а вот исполнение... Не в кузне же. Если только часовщик какой возьмется, иначе получится бетономешалка, а не миксер.

А Тит всюду развлекался, мешая парням работать. За те два часа, пока меня не было он пару раз обжегся, перекалил заготовку и едва не усвистал бродить по рынку, но бдительная Аниза не дала. Они оба усвистали, но выйти за пределы ряда оружейников не успели, нарвались на скандал.

Девочка попалась под горячую руку какому-то нервному покупателю и ее просто отшвырнули ногой. Я «услышала» ментальный зов Тита. Пока летела к месту происшествия, видела происходящее его глазами. А глаза были направлены на нож в руках злополучного клиента, Титу это казалось угрозой, хотя я пыталась ему внушить, что нож, скорее всего, предмет торга. Оружейник никак не решался принять чью либо сторону, клиент распалялся, напуганная Аниза ревела, прижимаясь к ноге нового друга, а Тит наливался злостью. Будь покупатель чуть сдержанней и не начини размахивать руками, в одной из которых было зажато весьма грозное оружие, все бы обошлось. Но не с моим везением. Добежать я успела, вмешаться — нет. Не знаю, и с чего мною вдруг овладело убеждение, что солнцеликий безопасен? Потому что он такой милый и ласковый? Скандалист неожиданно взвизгнул, выронил нож и затряс конечностью, как будто обжегся.

— Стража! Маг напал на простого человека! — На выкрик из толпы Раштит недоуменно обернулся. Народ отхлынул, едва не утянув меня с собой. Ох, ты ж! Его глаза были непросто золотыми, золото это кипело и пузырилось. Мне ощутимо припекло зрачки, едва я коснулась этого палева взглядом. Сразу вспомнилась электросварка. Да он сейчас половине народа роговицу сожжёт и хрусталики вскипятит! А вторая

половина «зайчиков» нахватает.

— Опусть глаза в землю, немедленно! Верь мне! — Еще два торопливых шага и моя ладонь прикрывает эти опасные глазницы. А-щц, жжётся! Тит ростом повыше, он охотно пригнулся и уткнул свое лицо мне в шею. Руку саднило, но это мелочи, потому что тело под моей ладонью дрожало от сдерживаемых эмоций. — Все хорошо, мой мальчик, все хорошо, уговаривала мысленно, зная, что меня слышат.

Краем сознания отметила, что девчонка уже на руках у кого-то знакомого и не плачет.

— Аниза в порядке, успокаивайся и прячь скорее свою силу, ни один артефакт не должен почуять в тебе мага.

— Почему?

Нашел время почемучкать!

— Потому что за применение магии во вред не магу ковен накажет. Идет стража, можешь внушить Анизе, что она испугалась и просила у бога огня защиты?

Знакомые и регулярно прикормленные вкусеньким стражи во главе со старшиной Пиртом двигались ходко, но без нарочитой торопливости. Скандалиста в оборот взяли жестко, не дав ему начать полноценно распалиться в жалобах.

Оружейник, который, можно сказать, тоже пострадавший, торговый день-то ему испортили, расклад сил понял правильно. Меня он знал, Нитту и ее дочь, тем более. Злосчастный ножик, ясное дело, никто уже не купит сегодня, а потому вредного клиента не жалко. Он не врал напрямую, этот знакомый только в лицо, оружейник, но акценты расставил правильно: посетитель попался несдержанный. Девочка его случайно толкнула, за что и пострадала, можно сказать, безвинно. И неважно, что оборванная? Богатый юный господин не погнушался вот заступиться!

Малышка не подкачала, она не только сообразила, что делать, но и абсолютно искренне поверила, что так оно и было. На руках У Тишки ведь совсем не страшно.

— Злющий дядька как толкнул, ка-ак заорал. Я испугалась, а солнышко мне в глазик кыль. Вот и попросила великого Раштита заступиться. Я люблю Солнышко!

Старшина только хмурился, разглядывая волдыри на обожженной ладони покупателя, который от такого внимания взбодрился и опять

затараторил, что на него напал маг огня, вот этот самый юнец.

— Это мой гость, старшина Пирт. Да какой маг! Спросите его сами. — Пирт лишь раздраженно крикнул, доставая служебный амулет.

— Следов магии нет, — возвестил он довольным баритоном после минуты манипуляций над рукой пострадавшего и над злосчастным ножом. — Юный господин имеет претензии к обидчику?

Ну, какие претензии могут быть? У стражников, оказывается, определитель магии есть! И на меня он, пока, только пока, не сработал. А я, на секундочку, магичка-инвалидка, даже оправдаться не смогу. Магия есть? Есть. А то, что годится она только истинных магов подпитывать, так это очень интересное качество. Вот и получается, что естественных врагов у меня приблизительно каждый сотый, или какой у них тут процент одаренных. Очень не хотелось бы оказаться на цепи в качестве аккумулятора для беспринципного мага.

— Не бойся, все хорошо с твоей магией, скоро заработает. Я есть хочу!

Так, Нина, сопли потом, у тебя дети.

— Тит, Аниза, возвращайтесь, скоро вас догоню, только с дядей поговорю.

Несчастный оружейник, видимо, ждал скандала. Но мне скандалы не надобны, мне нужны друзья.

— Меня Ниной зовут, а тебя?

— Суж.

Ну Суж, так Суж, хотя смешно.

— Уголек дай. Вот тут, — зачернила на злополучном ноже лишнее, — заточку заглуби, чтоб рубила, а не резала, дальше лезвие оставь как есть. Для баланса усиль крестовину. А лучше новый нож сделай. Бывай, Суж, не серчай. Эх вы, оружейники, хоть бы своему богу алтарчик махонький поставили, у зеленщиков поучиться.

Про то, как добрый Руштит ее защитил, Аниза неумоимо рассказывала всем желающим. Я немного смущалась этой невольной подтасовки фактов, но Тишка был доволен и купался в обожании своей маленькой подружки, хоть ей и не было известно, что она сидит на коленях у бога.

В недовольстве пребывала я. С собой. Медленно соображаю, да-да. Из этой ситуации можно было извлечь намного больше пользы. Надо обдумать разбор полетов.

Нитта и Барная Тита закармли, а заодно с ним братьев с Дорашем. Мама Анизы лучше, чем кто бы то ни было, понимала, что могло случиться с ребенком, которого швырнули под ноги толпе. Но поужасаться всласть я ей не дала. Упросила срочно, вот прямо сейчас походить со мной по лавкам, прикупить одежду для Дораша. Раз уж сэкономила на гардеробе для Тита, надо порадовать степняка. Видела вчера, что ему тоже хочется городских обнов, парень так помогает мне с неумным божененком, уж подарок он заслужил. Плащ Ваен дал, а пара рубах и куртка — мелочи.

Мы трое были очень колоритной компанией. Молодка в тюрбане, степняк в ярком бурнуса и золотогривый юный красавчик с непокрытой головой. Что ни человек, то вызов устоям. Естественно, все недоумение, а то и агрессию выплескивали на Дораша. Я уже примелькалась, юнец одет скромно, но настолько добротно, что иллюзий о цене его прикида не было ни у кого, богатей. Мне, выросшей во многонациональной стране, было обидно за степняка. Думаю, переодевшись, Дораш достаточно хорошо мимикрирует и оставшиеся дни мы проведем приятно и спокойно, воспитывая Тита.

Часть 35

Тит, впрочем, и сам охотно воспитывался. При всей его видимой обаятельной и детской непосредственности, он впитывал впечатления и знания, до которых мог дотянуться. Уж не ведаю, зачем ему это было надо, но таскал же он землян в расчете на помощь, значит хотел что-то изменить в своем существовании, а это было достойно уважения.

Именно поэтому я так легко относилась к тому, что боженёнок прочно обосновался в моей голове, не сомневаюсь — и у Дораша хозяйничает в открытую, а тот и не думает возражать. Надо признать, что это замечательно удобно: нет нужды тратить много слов. Можно сразу и инфу выдать и свое отношение к ней, экономит силы, знаете ли.

Приключение с психованным купцом сожрало кучу нервов, но и послужило ступенькой для перехода на некий качественный уровень. Тит, осознав, что его стихия просыпается, немного изменился. Это было видно уже по дороге домой, а ведь и прошло каких-то два часа. Изменилось его поведение, он уже не скакал радостным стрекозленком, он наблюдал. И если срывался в былую детскость, то очень быстро выправлялся, уловив недовольство своего ведущего. Несмотря на внезапно проснувшуюся силу, отношения к Дорашу Тит не поменял, признавал его старшим и всячески искал одобрения.

Домой возвращались на извозчике. Во-первых, мне подгадили братья, рассказав этому обжоре про барбекю, пришлось везти домой мангал и купленное специально мясо, надо же было потешить дитятко. Во-вторых, я опасалась провокаций со стороны того типа, в руке которого Тит случайно раскалил нож. Я была уверена, что именно случайно. Тишка вспылил, когда Аниза заплакала от боли, а что такое больно, он уже хорошо уяснил. Огненная природа, питаясь злостью, начала себя проявлять, выплескивая жар через глаза, а глаза следили за ножом. Тесак раскалился, купец обжегся. Осознанно вредить дядечке никто не и собирался, не повезло ему богу дорогу перейти.

— А сейчас ты как, много сил потратил? Ослаб? — Дораш задавал на редкость здравые вопросы. Я бы до них додумалась часа через два, когда перемусолила страхи на тему «а если бы он разозлился сильнее?»

Тишка не ослаб, напротив, пока мы шли сквозь наш ряд к воротам,

каждый из оружейников посчитал нужным выйти и похвалить моего гостя, за то, что их ребенка в обиду не дал. Дядька Тулак, который был у нас за старшего, обещал прочистить Сужу память на тему «свой чужой». Аниза — дочь оружейника, этим все сказано. Так вот за десять минут пути Раштит получил больше силы, чем за пять лет сидения в своем храмовом закутке. Это поразило его необыкновенно. Для божонка было откровением, что простая человеческая благодарность так питательна.

— Вама, — эта злобная золотинка подхватила обращение Дораша, — кажется, я немножко понял, почему ты на меня в храме сердилась.

— Прости, малыш, как-то само получается.

— А, сердись сколько хочешь, — легкомысленно заулыбалось золотистое чудо, да так, что солнышко ярче засветило, — это ты меня так любишь, я знаю.

Мда, щедрое предложение. Значит, заверяешь, что не спалишь меня на пике эмоций?

— Вама, ты глупая, если думаешь, что я совсем болван.

Ну вот, надулся как мышь на крупу. И неожиданно захохотал.

— Смешная картинка, усами шевелит.

О, божечки, что еще за картинка?

— Вот, — на внутренней стороне сетчатки отразился какой-то плоский розовый хомяк с раздутыми щеками, — что такое мультик?

Кажется, я попала, нет, я не просто попала, я конкретно влипла. Предвкушающее выражение на мордочке Раштита и очень заинтересованное — на лице Дораша просто-таки в дрожь вгоняли. Сколько экранного мусора хранится в моем сознании? Тонны. И все это доступно некоторым бессовестным небожителям. А небожитель не захочет наслаждаться один, одному неинтересно. Быть тебе, Нина, кинотеатром! И начни привыкать к этой мысли уже теперь. Осталось только помолиться, чтобы не прямо сейчас, и, вообще, потом, а лучше никогда.

Хм, из трубы нашего дома поднимался столб дыма. Ваен уже вернулся и затопил? Это хорошо. Вот сейчас расскажу ему про сегодняшний пердимонюкль, послушаю опытного человека и у самой все в голове уляжется. Надеюсь.

— Нина сердится, Тишенька доволен, Дораш грустит. Ваен устал,

волнуется и голодный. — Это не Сара, это рупор свободы слова!

Голодный! Интересно, почему он никогда не перекусывает в городе? Парное мясо мы привезли, а вот как делать правильные угли для мангала, я не помню...

— Дораш-ш с-снает, — Сара ласково пощекотала мне лицо своей энергией.

О-о, Ваен принес хлеб! Можно не возиться с лепешками, тогда быстренько соорудим ему сэндвич ветчиной и капустным листом вместо огурца и займемся стихийным барбекю.

Дораш ловко резал мясо пластинами идеально одинаковой толщины, я укладывала мариновать, параллельно рассказывая Саре и Ваену о сегодняшнем дне.

— Тиш, а сейчас твоя сила уменьшилась? — Сара была неподражаемо серьезна. Это Гунара нет, а то бы тут уже диспут полыхал.

— Не-а, зачем? Я же не тратил!

— А как ты ее обычно расходуешь? — Ваен аж оторвался от своего перекуса.

— А она сама как-то переводится, — Тит немного подумал, пожевал губу, и заулыбался, — а сегодня тратилась-возвращалась, тратилась, возвращалась. Потом только прибывала.

А теперь моя очередь вопросы задавать, и непременно вслух, может, остальные чего умного придумают спросить.

— Тишенька, а ты тратил, когда Баком и Дукам работал?

— Не-ет, вама, ты что?! Там же огонь!

И что это могло бы значить?

— А в кухонной печи не огонь?

— Тут просто огонь, там ОГОНЬ! — Похоже, Раштит очень уважал свою стихию, столько торжественности в голосе.

После двадцати наводящих вопросов от меня и Ваена удалось понять что в кузне в отличие от кухни, огонь особенный. В кухне это просто жар, а вот в кузнечном горне огонь созидательный, напитанный человеческой волей и желанием создавать. Короче, творчеством напитанный.

Вот так да? Сейчас ка-ак намариную им мяса без творчества, посмотрим, как они давится будут. Тонкие, но жилистые мальчишечьи руки обвили меня так, что не могла шевельнуться.

— Ты вкусно готовишь, вама, ты любишь, когда нам вкусно. Я не брал в толк, зачем для подношения приносят еду, теперь начинаю понимать.

— Тишка, миленький, да это же самое понятное, люди несут то, чем дорожат, а дорожат тем, что трудно досталось или во что вложено много чувств.

— А в еду вложено немало того и другого, — задумчиво добавил Дораш.

Неподдельное непонимание отразилось на золотистой обаятельной мордахе, это было бы презабавно, если бы не было так печально.

Дальше мы наперебой рассказывали, как и откуда берется тот или иной продукт, даже Ваен поучаствовал, повествуя о ловле рыбы.

Солнцеликий только глазами хлопал, поражаясь, а порой и ужасаясь разнообразию трудностей в человеческом существовании. Человеком, оказывается, быть не только весело.

Уловив упреждающий жест Сары, я свернула поток информации до махонького ручейка. Подруга права, не стоит «грузить» нашего впечатлительного божененка, его выдержка и так сегодня подверглась изрядной трепке. Но соскочить с темы не дал мне сам Тит, его любопытство было неизбывно.

— А что за еду новую ты Рушату и Гоху обещала?

О-о, про вожденную картошечку я могу распинаться бесконечно. Даже Ваен обозначил свое просвещенное мнение, что да, это действительно вкусно, особенно с той солененькой рыбкой.

Мы все уже устроились во дворе жаря мясо, разговор этот всколыхнул подспудно зреющую идею. Точно, рыба! От возбуждения меня скрутило похлеще, чем от адреналиновой атаки.

— Где этот рыбный привоз?

— Что еще ты задумала убог...умница наша? — Ваен споткнулся о некогда сильно обидевшее меня слово, но я искренне считала конфликт исчерпанным, потому только отмахнулась.

— Рыбки припасти в подарок степнякам. В благодарность за шерсть и копчености. Да и Дорашу не след в семью без подарков возвращаться.

Дораш смущенно улыбался и совсем не помогал мне планировать аттракцион небывалой щедрости. Сару потом на него напущу, вот уж кто все-все выпытает. Перед призраком степняк благоговел, впрочем,

перед ней все благоговели, включая Ваена, тот вообще пиететом захлебывался.

Ваен правильно уловил наш с Тишкой решительный настрой и запретил нам ехать к причальному рынку одним, или ждите, мол, когда у меня минуточка выдастся, или наймите сопровождающего. Ага, щас, раскомандовался!

Часть 36

Утро прошло в штатном режиме, Ваен прочел Тишке лекцию о необходимости сдерживаться, упирая на то, что если он не совладает с собой, пострадают я и Дораш. Как ни странно, это возымело действие и первые пару часов я даже смогла заняться делами, правда, немного нервничала, все-таки четыре весьма энергичных юнца без присмотра, это страшная сила, но оставалось только уповать на благоразумие Дука.

Сейчас, поспешая в лавку юных оружейников, я с азартом настраивалась что-нибудь с ними поизобретать, ибо совесть грызла. Понимаю ведь, что стала уделять меньше внимания братьям — моим первым, не считая Киры, друзьям в этом мире.

Однако, совесть свою потешить не удалось — парни были заняты. Дядька Тулак «протрубил» общий сбор, темой было ни много ни мало, а изготовление алтаря Раштиту. Склока стояла знатная. Кому большую статую подавай, кому — маленькую, на входе в наш ряд ставить, или посередке, и еще куча не менее важных вопросов. А-ащц!

Тит смотрел на это безобразие, прижимал к себе кузнечные клещи и чуть не плакал.

— Вама, скажи им, скажи скорей, что мне все равно, только пусть они перестанут, совсем силы не осталось...

И что сие означает? Обратная связь с богом, она и впрямь, обратная? Это всегда так, или только когда запасов силы вроде подкожного жирка, нет? Так, Нина, все потом!

Дук по-богатырски свистнул, и добившись внимания, указал на меня. Мужики загомонили вновь, кто-то требовал задвинуть меня подальше, кто-то предлагал выслушать. Дядька Тулак гаркнут что-то строгое и все заткнулись.

— Как я понимаю, против алтаря никто ничего не имеет? — хотелось кричать, но опыт подсказывал — тогда пришлую странную молодку слушать не станут совсем.

— Не имеет, не имеет, Нина, — учтивое обращение Тулака заставило примолкнуть роптавших, — что посоветуешь?

— Кто я такая, уважаемый Тулак, чтобы советовать этим сильным и умным мужчинам? Аниза вот просто любит Раштита. А вы? —

Возмущенные выкрики были мне ответом. — Знаю-знаю, вы тоже его почитаете, как и я, ибо у каждого из нас есть в груди огонь!

— Да какой в тебе огонь, дурная ты баба! Ты хоть раз плавку видела? Огонь у нее.

Ха! А ты, олух, видал, как льют сразу двадцать тонн стали, как струя металла, толщиной в две руки, вырывается из доменной летки? Как металл бьет по параболе с высоты четырех метров и меняет свой цвет, от почти белого, до невыносимо алого. Как он ударяется в стенки кокиля, вздымая столб искр такой высоты и силы, что невольно хочется присесть и замирает сердце. Даже если стоишь в полной безопасности и видишь это не в первый раз! Завод очень способствовал расширению кругозора, да-да.

— У каждого свой огонь уважаемый. Кто скажет, что во мне нет огня? Дабы сталь сварить, али похлебку, надобен огонь в душе и огонь в печи.

— Дело говори, Нина, а то и впрямь, всю вашу похлебку разберут, — добродушная насмешка медника, обожаю его, сбила ненужный пафос.

— Я думаю, что нашему Раштиту все равно, большая статуя или маленькая, куда вы ее поставите, и какая она будет. Думаю, что, главное, это благодарность за подаренный нам огонь. И докажите, что я неправа!

— Так каким его делать? — в толпе одобрительно загудели.

— Да хоть вот таким, Тит, где ты там?

Тишка по-прежнему обнимался с клещами и улыбался так светло и искренне. Суровые мужики смутились, поймав себя на том, что улыбаются в ответ незнакомому пареньку.

Дук и Бак сегодня были не готовы предаваться творчеству. У них образовался неплохой заказик на столовые приборы. Ложки с длинными черенками находили все больше поклонников. Особенно довольны были трактирщики. Металл, это вам не фарфор, не бьется, легко моется, да ложка такая просто удобнее.

Все-таки, правильные они мужики, эти оружейники. Не перехватывали заказы у парней, давая им возможность заработка. Оружие изготавливать — это наука, в которой Баку и Дуку было отказано судьбой. Что поделать. Но зарабатывал же медник себе на жизнь, не мастера смертоносных игрушек, и эти сироты смогут, главное, что им

не мешали, а мешать не будут, в этом я уже убедилась. Эх, штамповку бы им освоить, который раз возвращалась эта крамольная мысль, но для штампов и матриц сталь нужна особенная и двигательная сила покруче мускульной. Нет, пока нет, пока не потяну.

Странное это было чувство, спешила, хваталась за все подряд, рвала жилы, выжигая организм, гнала себя вперед и как на глухую стену налетела. Мне нечего было делать. Вот прямо сейчас — совсем нечего. Варная и Нитта справляются и без меня. Братья заняты так, что даже Тита и Дораша ненавязчиво из мастерской выперли прилавок сторожить. Обычно это делала Аниза, но она убежала к матери.

Тит после недавней встряски был особенно охоч до тактильного контакта, Дорашу тоже было не по себе.

— Вама, осторожно заговорил степняк, а мы можем погулять?

— Тебя что-то беспокоит?

— Он боится, что встретит соплеменников, — Тит, казалось, тоже напрягся, — и ему передадут приказ возвращаться.

А я, наивная, о такой возможности даже и не подумала, таскала парня за собой на рынок и не подозревала, что он так переживает. Вот ведь!

И чем же мне занять этих балбесиков? Эх, окажись я в подобной ситуации на Земле, уже с рассадой бы возилась. Хотя, что мешает теперь протопить ту комнату, в которой окно почти до пола. Заботами Ваена дров было в достатке. Вот и занятие. Хоть лук на перо выгоню. При мысли о пирожках с зеленым луком и яйцом мотивация выросла десятикратно.

Нет, ну как я буду жить без Дораша, а? Покладистый, рукастый, неленивый. Как-то так получилось, что он отстранил меня от обустройства моего комнатного огородика, едва уяснив задачу. И землю для прогревания он придумал занести, я не догадалась. Тит бегал, как наскипедаренный, выполняя то мои, то его поручения и не скрываясь кайфовал. То воду приносил, то, ведомый Сарой, разыскивал подходящие посудины. Так я узнала, что в доме, оказывается, есть подвал. Того и глядишь, тут второй этаж обнаружится, который я умудрилась прошляпить.

До ужина управились не заморившись. Шеренга плошек с луком на зелень, да некое подобие глиняного таза с укропом.

Даже три куста картошки посадила, точнее, закопала три

картошины, будем надеяться, что не похоронила. На большее грунта не хватило. Ну да если моя задумка удастся, то и с такой малости больше мешка клубней возьму. Про этот метод, сажать картошку не в гряду, а в, допустим, дырявую бочку или земляной бурт, я слышала от своих бабонек, нарядчица в цеху была страстная огородница. Вся хитрость в том, что окучивание заменяется подсыпанием дополнительной земли. Бочки у меня не было, а вот мешки нашлись. Какая разница, чем удерживать землю от рассыпания, крепкий пластик или тряпка, правда же? С поливом будут сложности, но приедет Гунар и сделает эту тару непромокаемой, так заверила меня Сара. Для ненасытной до общения и новостей подружки пришлось комментировать каждое свое действие. Что, да как, да чего жду в результате.

Тит явно подслушивал, как я молча молюсь Рашиту, богу тверди, чтоб поспособствовал во возвращении, скором и обильном.

— Лучше бы песню спела, глупая, — хихикнуло в голове.

Опять дурить милого сердцу степняка, эх. Устала уже шифроваться.

Хотя, на мое громкое заявление о том, что я с изнанки степняк только отмахнулся.

— Да в курсе я, почти сразу догадался, как Тит пришел. У нас в племени все знают историю человека с изнанки. Горные люди сказывали.

Так нас и застал Ваен, сидящих на полу среди старой посуды, заполненной землей и распевающих «Поле, русское поле».

После ужина Тишка был на редкость задумчивым, это настораживало. Я еще помню, чем заканчивались такие приступы сосредоточенности у Дашки, очередной опасной глупостью они заканчивались. Причем из самых лучших побуждений.

— Тии-иш, Тишенька, — от сиропной сладости в моем голосе можно было с ходу стать диабетиком, — скажи мне солнышко, что ты задумал?

Но ответил, как ни странно, Дораш.

— Он хочет лук побыстрее вырастить. Уж больно его заинтересовало, что ты там готовить собираешься из него, вама.

Тишка укоризненно посматривал на товарища, выглядело это умилительно, но за предупреждение я благодарна, да.

— Тиш, а ты можешь?

— Раньше думал что могу все, а теперь не знаю. — Раштит выглядел растерянным. — Ты уже когда-то пробовал, да? И не получилось?

Тишка страдал от чудовищной нехватки общения и при этом совсем не умел общаться, коммуникативных навыков ноль. Связного рассказа и ждать не стоило. Потихоньку, слово за слово, мы выяснили, что однажды, в неведомо далеком прошлом, люди ну уж очень досаждали ему своими просьбами о солнечной погоде, что-то про урожай говорили, жаловались, что поля залило. Ну боженёнок и наподдал, чтоб отстали. И получилась масштабная такая парилка. Естественно, погибло все, вплоть до травы. В общем, бедствие, голодуха и мор. Потом была еще пара подобных ошибок и люди потихоньку стали забывать дорогу к солнечному богу.

Было видно, что солнцеликий наш тяготится этими воспоминаниями. Недаром, недаром в первые два дня я твердила ему:

— Спроси себя, а что потом, потом делай.

Все-таки, это не обычный избалованный пацан, в нем идет какая-то внутренняя работа. Ведь не пошел, исполненный лучшими намерениями и подчиняясь порыву, губить мой лук.

И возникал вопрос, что за олух оставил на хозяйстве необученного энтузиаста. — Тиш, а твои родители почему тебя...

— Они не успели.

— Погибли? — почему-то мы все так подумали и обменялись тревожными взглядами.

— Нет, заснули. Создали этот мир. потом нас и заснули, энергия вышла.

Бред сивой кобылы! И похмелье плешивого мерина! Четверка младших богов, или как там самоназвание этой расы энергетических вампиров, объединилась и создала мир. Создала и прилегла отдохнуть, оставив подобие себя в малой форме возвращать человечество и накапливать энергию. Холодная Сиштира, старшая из пары светоносных близнецов, горячего братца не любила, завидовала, она ведь только отражение, балансир или противовес, как угодно. Если есть жар, надлежало быть и холоду. Луна должна была уравнивать солнце, но не делала этого, позволяя Раштиту творить одну глупость за другой. Яркий, взрывной Раштит постепенно утратил доверие людей и соответственно, подпитку. Закон сохранения энергии, везде закон, та

молитвенная сила, которую выплескивали люди, распределялась между тремя остальными небожителями, так что никто не возражал. У них-то, земного Рушата и водного Гоха все получалось как надо. Даже ветреная Сиштира получала свою долю заслуженно, ибо отвечала не только за воздушное пространство, ей молились о здоровье. И вымаливали иногда. По крайней мере, моровых эпидемий, по утверждению Ваена и Сары не было очень давно.

Чертовски хотелось побиться головой о твердое, чтобы осела мысленная баломуть. Сквозь офигение пробился голос Тишки.

— Ты меня теперь бросишь, да?

— Сдурел? — первым желанием было отвесить затрещину этому непутевому боженёнку, за то, что такую гадость обо мне подумать посмел, вторым желанием было, как там, дома, Дашка говорила? Обнять и плакать.

Полагаю, зря Тишка нам об этом рассказал, очень зря, теперь каждый из нас четверых, и я, и Дораш, и Ваен, и даже Сара, обречен гореть на костре из собственных иллюзий.

— Я больше никому не скажу, — шелестело едва слышно у меня в голове, — мне плохо, когда вы такие.

Слов у Тишки явно не было, да уж, мы сейчас такие — удрученные и подавленные. Жалкие. И мне это не нравилось, в конце концов, это что первое разочарование, или второе? Сколько раз ты разочаровывалась, Нина? В людях, в родном государстве, в себе самой? Пережила тогда, переживешь и нынче. Раз мы теперь повязаны этим знанием, то обняться, пожалуй, хорошая идея. Стоило подумать, как нечто, сияющее золотыми кудрями, стиснуло, прижалось, засопело в висок. Ваен и Дораш подступили к нам смущенно и неуверенно, зато обнимали вполне чувствительно для моих ребер. Этот мир так и норовит погнуть мне кости.

— Все будет хорошо Тишка, завтра мы пойдем в ближайший храм.

— Зачем? Хочешь меня вернуть?

— На работу, милый на работу. Тебя не смущает, что ты немножко прогуливаешь? Выполнишь парочку молений для пробы и все. Это ведь возможно? Силы есть?

Часть 37

Эх, хорошо! Так славно выпалась, словно в детстве, на летних каникулах, когда просыпаешься и знаешь, что впереди еще один интересный и радостный день. Нет, все-таки окон не хватает, с чем я и могу себя поздравить, потому что раньше замечать отсутствие дневного света просто не было сил, а нынче, поди ж ты, захотелось. Жизнь-то налаживается.

Сегодня запланирован поход в храм, Ваен рвался пойти с нами, но, похоже, Тишка его стеснялся, а во мне жила уверенность, что все пройдет гладко. Сара доложила, что он с раннего утра сидит в бассейне и я в который раз изумилась пристрастиям бога огня к купаниям. Воду Тишка любил немногим меньше чем обниматься.

Но я знаю, как его оттуда выманить без напряжения. Яичница с беконом — на этот запах Тишка прибежит на ходу надевая штаны. Диву даюсь, сколько мимики, жестов, интонационных особенностей он от нас перенял за эти несколько дней. Вот и сейчас уже стоит над душой, смотрит исподлобья, как я, нетерпеливо сопит принюхиваясь, как Дораш, и властно, как Ваен требует:

— Готово?

Умора, да и только. Зато степняк, одетый по-городскому, серьезен, даже печален, хотя пытается это скрывать. В храм он идет с нами.

— Дораш, я на тебя надеюсь, — Ваен третирует степняка уже минут пять, — Нина умная и везучая, да, но она не понимает всех традиционных особенностей, правда, ты тоже не всё понимаешь, но тем не менее. Будь благоразумен хотя бы ты, от этих двоих можно ждать чего угодно.

Кстати, о традициях. Эх, даже плащ жаль надевать. Я нынче прифрантилась. Новый стеганный жакет Ниттиной работы. Он теплый и очень нарядный, а к нему прилагается новая модель чепчика. Этот вручную стеганный материал идеально подошел для мягкой глубокой шляпки, модной во времена НЭПа. Да, это похоже на классический чепец, но, все-таки — шляпка, удобная, затейливо отделанная и эффектная. Даже губы подкрасить захотелось. Нда, Нина, похоже, женское в тебе возрождается, как и предсказывал Гунар.

С Гунара мысли перескочили на Киру. Какой вернется моя девочка, изменится ли ее характер после снятия поводка, станет ли она счастливее, будет ли дружить со мной по-прежнему? Высшим образованием чую, грядут перемены.

Ваен проводил нас до храмовых дверей, заодно просветил насчет религиозных обычаев. Я ушам своим не верила, но не было здесь служителей культа. Ни храмовников, ни иных несущих веру. Если в храме и появлялись временные служки, то исключительно добровольные. Либо те, кто дал обет поработать волонтером за исполнение богом какой-то просьбы, либо попавший в трудную ситуацию человек мог пожить при храме, кормясь подношениями. Такие находились всегда. Никаких юродивых, никаких проповедников, никаких пастырей. Ковен магов несет ответственность перед богами за содержание храмов. Про механизм отношений маги — боги, или ковен — храмы, Ваен умолчал, видно, это знание не для всех. Вот и я не стану рассказывать ему про матушку нашу церковь, не будем вносить ненужные идеи в умные головы, не полезно.

Какой-то контроль за паствой был, это однозначно. История с появлением Гунара уже почти забылась, но я хорошо помню, как маг упрекнул нас с Кирой, что мы давно не посещали обитель четырех богов. Я тогда не на шутку перетрусилась, но обошлось. Кстати, в местном языке отсутствует слово, по смыслу соответствующее слову «еретик». Видно, небожители имеют способы взбодрить веру в себя не прибегая к жесткому диктату и срубить с подопечных необходимые киловатты энергии. А что, мне по душе. Хорошая вера. Осталось только выяснить, какими методами тут нравственность блюдут. Что-то непомерно благодетельную картинку Ваен нарисовал. Не верю!

А Тишке верю. Зря я вчера на него наехала. Хорошо, нет, просто отлично, что он нам рассказал некоторые подробности из бытности местного пантеона, а что особенно ценно, о способе их жизнеобеспечения. Теперь можно хотя бы в первом приближении просчитать правильное поведение, а если уж совсем цинично — способы наиболее эффективного взаимодействия с местными богами. А что, мы для них — источник питания, а человек такая скотинка, он просто так ничего не отдаст, только баш на баш. Всего-то и надо — выяснить, какой корм считается наиболее качественным и какие предпочтения за это можно отжать, ну, или хотя бы, проблем не огрести.

Ой, чёт я увлеклась хитро — мудрствованием, Тишка прям поугас, плохо, ох, плохо, если он слушал.

— Я не из-за тебя, то есть не из-за того, что ты думала. Ты не только еда, не считай так!

— Знаю милый, для тебя — нет, не только, по крайней мере, пока ты человек. А для Сиштиры? — Тяжелый вздох в ответ.

В маленьком храме не было совсем уж пусто. Некоторые поджидали возможности зайти в избранный придел, кто-то уже завершил свой «намаз» и общался со знакомыми. Человек десять то в центральной зале было. И они дружно уставились на нашу троицу. Это мы такие колоритные, или здесь просто все друг друга знают? Да ну, пофиг, заморачиваться еще. Никаких правил мы не нарушаем.

За завесу Раштитова помещения мы вошли вдвоем, Дораш предпочел для начала поклониться прочим оглоедам. В этом полукруглом помещении почти ничего не изменилось. Те же убогие скамьи, та же тусклая мозаика, только пыли поменьше. Лавка для подношений пуста. Что-то грустно мне стало, как вспомнила свои наивные подарки богам, теперь буду только еду приносить, может быть, покушает кто-то нуждающийся и от всего сердца поблагодарит бога за прокорм.

Так, ну и где тут можно укрыться от просящих? Тишка с проказливой улыбкой утащил меня за статую.

— Да хоть посередине встань, я смогу тебя укрыть, просто здесь скамеечка есть, на нее становятся, когда статую протирают, хоть присядешь, пока ждем, сюда редко заходят.

И растворился. А мы даже не обсудили, что делать будем.

— Да тут я, — хихикнуло в голове, — потом обратно воплощусь. Давай спрашивай, пока Дораша нет.

— Я про своего предшественника узнать хотела. Ты с ним совсем договориться не смог?

— Он меня не пускал. Я пытался снова и снова, но бедняге казалось — он сходит с ума и у него такое в мыслях начиналось, что я убегал.

— А почему Николай языка не знал? Я же знаю.

— Ну, я сразу не догадался. — в тоне Тишки сквозила непрекрытая гордость собой, мол тебе-то грех жаловаться. — Я же его понимал. Силы потратил много, первые недели вообще дотянуться не мог, а

потом он начинал паниковать всякий раз...

Я бы тоже начала паниковать, если бы мне записки Гунара не попались до того, как в моей голове заговорил чужой голос. Да и мировоззрение у совсем другое, менее заточенное на догмы и, надо признать, развращенное тоннами специфического чтива. Николай же был рожден и крещен еще до первой мировой. Досталось мужику, да. Вначале непреложное христианство, затем непреложный оголтелый атеизм, а на закате жизни, да во время войны, когда он, надо думать, по сто раз на дню Богородицу-споручницу призывал, вдруг попал в четырехбожие. Бедняга.

— Но как я поняла из дневников, под конец жизни он был не против пообщаться. Почему ты не стал?

— Понял, что это не тот, кто мне нужен. Он все равно дрожал от страха.

Да уж, с богобоязненностью у христиан того времени было как надо. Не то что у нас, носящих в голове микс из религиозных идей всего мира. Ой, не хочу об этом думать. Теология для меня теперь никак не актуальна, да-да. Кстати, о «никак».

— Тиш, откуда эта идея — людей из другого мира таскать? Местные тебе не подходили?

— Да ну их, я пробовал совета спрашивать, так все по-разному советовали, а потом начинали просить, просить, просить...и хвастаться, что с ними бог разговаривает. — Что-то мне подсказывает, что похвальба впрок этим избранным не пошла.

— А твои сородичи?

— Рушат помогал иногда сделать как надо. А Гох, он не очень дружелюбный.

Ну а про сестренку и спрашивать не стоит.

— А говорят, что Гох и Сиштира любовники, тогда понятно почему он тебе не помогал. — Полет гениальных мыслей прервал залиvistый мальчишеский смех.

— Мы же не совсем люди, вама, у нас все не так устроено, а как, не скажу. Меня и так ждет трепка за то, что я вам про наше питание рассказал. Не-не, не пугайся, вам ничего не грозит.

— Так зачем ты землян воровал, и почему землян? — В принципе я знаю ответ, догадаться нетрудно, но хотелось бы конкретики.

— Понимаешь, Гох и Рушат, да и Сиштира, они просто знают как

надо, а у меня не получается. Сестра говорит, что я недоумок, и это она должна была стать солнцем, как старшая.

Ага, и всячески внушала это окружающим, особенно про недоумка. А тот, как и все обладатели огненного темперамента, думать не успевал и лажал раз за разом. Вот, недаром я ее невзлюбила! Страдают-то в итоге люди. О стаде, тьфу ты, о пастве заботиться надо, а не мучить.

В голове ворохнулось Тишкино изумление. Его так удивили мои рассуждения о сестре? Лучше бы про Землю рассказал.

— А что про Землю, это ближайшая параллель, говорил же, мы только туда дотянуться можем. Давай ты не будешь у меня про это спрашивать, а?

Ну давай, хотя обидно.

— И вернуть ничего не смогу, Нина, даже если захочу. Прости. Некуда тебе возвращаться.

Тоска о былом нахлынула удушьем, грозя разрушить и без того хрупкий позитив. Пришлось себя одернуть. Харэ страдать, Нина, нельзя! И закончим на этом.

Что-то Дораш долго, мы вон уже какой разговор поговорили, не случилось ли чего? Он же один там, да еще степняк.

— Не случилось, он у Рушата. Не переживай, ты опять время свернула. Мы недолго говорили.

Похоже, что и Раштиту тема эта в тягость.

Часть 38

А вот и первый посетитель.

Сухонькая бабулька, оставила на скамье мешочек крупы и, с трудом преклонив колена, уставилась на статую. Тиша заверил, что меня не увидят и не услышат, ну я и не утерпела подсмотреть. Молитва посетительницы была напряженной и безмолвной, но Тит вел прямую трансляцию. Без купюр. У старушки давно болеет внук, она знает, как его подлечить, но нужен какой-то особенный не то мох, не то лишайник, а купить у травника не за что, так не согласится ли ленивое солнце приблизить весну, тогда можно сходить в горы: знает местечко и наберет сама.

С головой у бабушки все нормально. Акценты и приоритеты расставила, нынешнее состояние Раштита обрисовала любо-дорого, даже упрекнуть не убоилась. Только внуку ее это не поможет, Тит сказал, что тот плох. И что делать? Попробовать договорится с Луноликой, что бы поддержала болящего? А что взамен? Мне проще денег бабуле дать.

— Тиш, ты сможешь ее потом найти?

— Конечно, а зачем?

— Если проблема не решится, сходим к ней. Может, паренька спасем. Представляешь, сколько разговоров о тебе будет, если получится, глядишь и еще кто-то пожалуется. Но на всякий случай пусть ее Дораш подкараулит и денежку подсунет аккуратненько, сможешь ему передать? Деньги я потом верну.

Степняк очень гордился тем, как ловко выполнил поручение. Действительно, получилось удачно. Притворился, что поднял оброненный четвертной и всучил бабуле, дескать, видел падение монеты своими глазами, и нечего тут отпираться, ему чужого не надо, пусть лучше богу, которому молилась, благодарность вознесет.

Еще через часок, который мы скоротали за болтовней и пением, заглянул юноша.

Молоденький маг просил власти над стихией огня. Ему сложные заклинания не удаются, где есть вкрапления огненных плетений.

Тит завис.

— Усыплай его, сможешь?

Мое требование усыпить удивило не только Тита, но и Дораша, но они быстро сообразили, что это отличная возможность пошарить в чужих воспоминаниях. Наш клиент мечтал попасть в магическую академию, но из-за недостатка навыков работы с огнем шансов у него не было. Пирофобия на почве детского испуга во всей красе. Всякий словит фобию, если рядом с ним полыхнет пожаром. А как вспыхивает стог сена от шаровой молнии представить нетрудно. Психолог из меня никакой, но идея аккуратненько подтереть память о былом страхе перед открытым огнем напрашивалась сама собой. А вот Дораш оказался куда лучшим чтецом душ, чем я, он придумал подчистить не только память о пережитом кошмаре, но и воспоминания о самых болезненных неудачах, связанных с применением магии огня. Похоже, мальчикам понравилось творить добро, вот пусть и развлекаются, а моя задача — пиар.

Ничего лучше, чем провести «полевые испытания» не выпуская клиента за входную завесу, как-то не придумалось. Это, наверное, было жестоко. Паренька, который так и отключился, стоя на коленях и опираясь на перильце для рук, резко разбудили и повесили у него перед носом небольшой фаербол. Бедняга оцепенел и таращился на огненный сгусток, неморгая и трудно сглатывая. Через долгую минуту он осознал, что ничего страшного не происходит, через вторую — что и страха-то особого нет, через третью — сделал растирающее движение пальцами и фаер угас. Потом вдруг вскочил в растерянности, постоял раскачиваясь и озираясь. Зрачки расширены, на щеках алеют зарницы, дыхание частое-частое. Покачался еще немного и рухнул на колени, прямо на пол. Даже мы с Дорашем ощутили всплеск мощной энергетической эманации, так сильна была радостная благодарность будущего выпускника академии.

— Хорошая работа, Тит. Молодчина!

Вновь воплотившийся боженёнок бросился к нам с объятиями, бормоча, что такой обалденно чистой энергии нет даже в моих песнях.

Из храма я выходила с чувством выполненного долга. А на улице непривычно ярко светило солнышко. Не весеннее солнце моего мира, но куда менее стылое, чем обычно. Ох, хоть бы на медленную прогулку до дома хватило. Я блаженно щурилась, подставляя лицо теплым ласковым лучам, и наслаждалась каждым мгновением. Даже серые камни

строений, мимо которых мы проходили уже не казались такими унылыми.

Проконтролировать бабушку и ее внука предложил ответственный Дораш, уж очень ему хотелось, чтобы все получилось.

Тишка сосредоточился и недовольно засопел, у бабули, похоже, было совсем не радужно. Пока еще зелье приготовится да подействует. А болящий очень слаб. Вот бы накачать его моей синенькой, подумалось вскользь. Идея захватила Тишку настолько, что он даже не стал слушать про приготовление обеда, потащил нас неведомо куда. Надеюсь, Дораш запоминал дорогу, а то с моим топографическим кретинизмом, да в горных улочках...

Слушайте, ну какая прелесть, мы шли по проулку, образованному самыми настоящими саклями. Небольшие строения, сложенные из обычных нетесаных камней, с плоскими крышами, которые можно было использовать, как веранду. Хоть кино про аулы Кавказа снимай. Ага, похоже, добрались. Еле удержала Тита от намерения немедленно вломиться в дом. Раз уж мы пришли чудеса творить, надо сделать все красиво и с пользой для имиджа. Нет, Тишкина жизнерадостная безалаберность заразна! Я уже не чувствую себя Ниной Николаевной. Нас теперь две: Нина и Николавна. Нина азартно готовилась к авантюре и раздавала ц/у, а Николавна бурчала, возводила очи горе и нанизывала эпитеты, что-то про дегенератку бессовестную и балдосью беспринципную. Ну да, циничненько получается, хотя парни этого не замечают, пожалуй.

Не заперто, вошли. Тит взял под контроль старушку, она просто замерла над своим рукоделием. Внучек, который оказался парнем лет двадцати, и так был в полубреду. Не знаю, какие видения посетили пациента, очень надеюсь, что Тиша постарался сработать красиво, как я просила. Моя задача — просто сцедить в его руки шарик силы, ведь впихнуть этот ресурс в чужое тело самостоятельно я могу только на уровне «помазать ранку». Синенькая втянулась в ладони болящего, как родная, потом еще порция и еще. Эдак мы его на ноги поставим, бабуле делать нечего будет, а это неправильно. На бога, как говорится, надейся...

Все-таки они нахулиганили, мои мальчики. На изголовье грубой деревянной кровати проявился едва заметный, диаметром сантиметров в пять, кружок с отходящими черточками-лучами. Автограф для фанатов,

ага. Но, может статься, это и правильно.

По дороге домой парни, довольствовались обществом друг друга, обсуждая сегодняшние события. Мне бы их энтузиазм, лучше бы до дома дотерпели, нам еще Саре все рассказывать.

А Сара металась по кухне, не давая раздеться и нетерпеливо маня за собой. В оранжерейной комнате нас ожидало чудо. Мои вчерашние посадки взошли. Даже картошка! Укроп вымахал в ладонь. Налитые луковые стрелки поражали аппетитной зеленью.

— Тишка, солнышко мое, спасибо!

— Это не я, глупая. Я Рушата попросил, — открестился Тишка от похвалы, но от обнимашек уклоняться и не думал.

Часть 39

На полив огородик откликнулся бурным ростом. Эдак мне скоро еще грунт понадобится. Не собираются ли Дук и Бак снова за продуктами на равнину? Я бы присоединилась. И еды, и семян, и землицы бы припасла. Как же приятно строить планы, которые с уверенностью можешь воплотить. Вот приедет Кира...

А пока Тит заседал на меня, требуя и завтра идти в храм. Сегодня он подпитался как никогда прежде и жаждал закрепить успех.

— Тиш, ты же говорил, что везде меня слышишь. Вот и ступай с Дорашем, а если что-то проблемное будет, усыпляй клиента и связывайся со мной.

Дела на рынке делать надо. Их много. Помочь моим соратницам, пообщаться с братьями. И посмотреть, наконец, что подойдет для подарков семье Дораша. Но это завтра. Сегодня у меня важный ужин. Испытательный. Буду подавать капусту, которую исхитрилась заквасить тайком. А то на таком рационе и до цинги недалеко. Мясо да каша. Овощи — дорого, рыба — почти недоступна, солнца и того нет. Если моим понравится, надо ехать на равнину.

Понравилось. Умяли все, что было в жбанчике. Сначала недоверчиво принимались к содержимому миски, а оно мне, такой привередливой, казалось вполне симпатичным. Нарядная от морковки, пестреющая зеленью молодого лучка, поблескивающая гляncем орехового масла, хрустящая, капустка весьма удалась.

Ван удивленно расширил свои странные разноцветные глаза.

— Такого даже на дворцовых кухнях нет, — бормотал он, сглатывая кислинку.

— Вама, а можно мне такое в подарок для семьи? — Дораш не просил, договаривался, знал, что отказа не будет.

— Хорошая идея, выполняемая, а главное — полезная для здоровья. Тогда планы меняются, с утра забежим в храм, а потом, на рынок, нам предстоит большая закупка.

На сегодняшнее дежурство в храме было припасено вязание, ибо времени очень жаль. Только великому Рушату подношение занесу.

Просто большой сэндвич, завернутый в тряпицу. Благодарила от сердца и словами и душевным порывом. Каюсь, на краю мысленного потока было сожаление, что великий не отведаёт той вкуснятины, которой я планирую наготовить с благословенного им урожая, чай не человек, а так хотелось похвастаться.

О, на лавке-то у моего солнцеликого подношение новое. Вчерашний кулек крупы от бабульки исчез, зато появился жизнерадостный яркий коврик. Что-то подобное я видела у давешней старушки, когда она заснула над своим рукоделием. Надо полагать, что опытная женщина все правильно оценила и с внуком теперь не так неплохо.

Через десяток связанных рядов придел вошла очень хорошо одетая женщина. Красивая такая, только лицо неприятно капризное. Надо же, совсем же молодая, а характер уже на морду вылез. Подношение на лавку выложила, мешочек орехов, да орехов в мешочке — только карман заполнить. Для такой справной горожанки скудноватенькое подношение, однако.

— Прошу светозарного даровать здоровье моей дорогой падчерице...

Дамочка все говорила и говорила, но мыслеобразы, которые транслировал Тишка настолько разнились с услышанным, что я скомандовала:

— Усыпляй!

Беременна. Единственное, что можно хорошего было сказать про эту падаль. Вторая жена зажиточного купца, она начала травить заневестившуюся падчерицу, как только узнала о своей беременности, потому что львиная доля имущества, наследие от первой жены, принадлежала именно девочке.

Постылого скарёдного мужа ещё как-то можно было терпеть и даже неплохо им манипулировать, но упустить из рук богатство красotka не хотела ни за что.

— Тиш, можешь определить, чем травят девочку? И от кого новый ребенок, от любовника? И как муж себя ведет, может, он жену мучает, а дочка его мачеху изводит?

Ответом был нервный смешок солнышка, который явно означал «нет» на все вопросы. Ну, хоть младенец законный.

Ваен, который нынче увязался с нами в последний момент, шипел,

как кот, повстречавший собачью свору.

— Спалить паскуду в пепел, прости Нина, да жаль дитя нерожденное.

— Тит, а ты в будущее заглянуть можешь?

— Наверное, а зачем?

— Как зачем? — Дораш, не имея возможности выплеснуть гнев в движении, терзал свои волосы, — узнали бы, что случится и как!

— Тиш, хотя бы один вариант будущего, где у этой стервы получилось, как она хотела, посмотреть можешь?

— Гох и Рушат не советуют. Или хотя бы вам говорить не велят.

— Все плохо, — через минуту объявил Раштит.

Твое ж волшебное число «пи»! Ухватить бы суку за патлы, выволочь за завесу да в ноги мужу бросить. В темноватом приделе вдруг резко посветлело, полыхнула золотом скудная мозаика, от неожиданности дамочка распахнула молитвенно прикрытые очи. Это Тит показывал происходящее ее глазами. Я всеми фибрами ощущала восторженный ужас отравительницы. Интересно, эта энергия Титу в зачет пойдет? Из-за неуместного крохоборства чуть не упустила главное. Кажется, кое-кто принял мои кровожадные мечтания, как руководство к действию.

Бликующая солнечным золотом статуя мягко шагнула с постамента, плавно переместилась к посетительнице, прямо сквозь чепец ухватила за прическу и обернулась к нам, дескать, правильно? Глаза немного припекло и я сморгнула. Ну, вполне сойдет за согласие. И дальше по сценарию, мелькнувшему в моем воображении. Завеса распахнулась и все, кто был в зале увидели, как бронзово-золотой Раштит тащит волоком известную жителям нашей окраины женщину. За волосы. Традиционно для раннего утра в общем зале толпилось десятка два человек, которые как по команде обернулись на подвывание жертвы божественного неудовольствия. Можно понять их растерянность, едва ли эта завеса когда-либо распахивалась на полную.

— Только ребенку не повреди, только не повреди...

Судя по тому, как жмурились, отворачивались и заслоняли глаза присутствующие, было понятно, что и им досталось от огненного взора. Вот и хорошо, пусть за гнев примут, не надо им знать, что Раштит всегда так воздействует. А Тит подволок полуобморочную красотку к приятному такому мужчине, еще совсем не старому. И как невесомую

подтянул прямо к сапогам супруга. Ох и будет же у нее скальп болеть!

— Жену сам накажешь, — послушно повторял за мной солнцеликий, — дитя твое, не сомневайся. Дочку приведешь завтра, и позови к ней целителя. Скажи — молочай.

Мужик, дернувшийся было поднять жену, медленно выпрямился, глянул в лицо явившемуся, невиданное дело, богу и как рухнет ничком. За ним посыпались остальные, кто ниц, кто просто на колени, но склонились все. Стоять остался только ребенок лет пяти. Парнишка пялился на чудо с такой яркой улыбкой, что Тит подхватил малышонка на руки, и явно подражая мне, чмокнул в нос. Детский смех слился с испуганным воплем его матери.

На рынок мы брели подавленными. И мне и Ваену, взрослым и бывалым, тошно от соприкосновения с такой неприкрытой подлостью, а уж что говорить про Тишку, у которого никак не получалось в себя прийти. В шоке мой боженёнок. Даже продолжительные обнимашки не помогли. А у меня, такой, блин, умной, не находилось слов, чтоб его приободрить. Зато у Дораша нашлись.

— Тишка, не все люди такие, вчера троим помогли, сегодня купца этого и дочку его выручили. Чего ты раскис-то.

— Боюсь. — Тит кутался в свой плащ, все выше поднимая плечи, словно пытался стать меньше. — Боюсь, что не угадаю и помогу, кому не надо. Почему быть человеком так трудно?

— Хороший вопрос, — Ваен приобнял божество, как обычного паренька, — но богом же быть не легче?

— Ага, — шмыгнул веснушчатый нос, — либо скучно до одури, либо страшно до того, что хочется, чтоб опять скучно.

— А чем вам человеческое не угодило, и по какому поводу, собственно траур? — Наконец-то я собрала мысли в кучку, — Мерзавку наказали, девочку от отравы, а отца ее от горя, спасли. Хорошо? Хорошо! С богоявлением, может, и перебор вышел, но и это на пользу. Люди узнали, что Солнцеликому не все равно. Вот скажи, Тиш, ты энергии получил?

— Угу, — боженёнок вдруг оживился. — Больше всего от того ребеночка.

Ну вот и повеселел, ну вот и славно. Но, осадочек, как говорится, остался. Вот тебе и урок Нина, хочешь богу угодить, радуйся искренне.

Часть 40

А до рынка уже докатились ошеломительные новости. Народ гудел надеждой и неверием, дескать, сам вздорный Раштит приласкал сыночка нищей посудомойки, да так, что малыш в одну минуту стал золотисто-конопатым, невиданная редкость в этом суровом краю. Новость же о потраве в семье купца затмили слухи о бесчинствах наследного принца.

Этот товарищ с завидной регулярностью встречал в запрещенные поединки, кутил так, что после забав его компании, бывало, приходилось ресторации вновь отстраивать. Вот и нынче венценосный наследничек, говорят, разорил винные склады какого-то купчины, даже волшебная защита ему нипочем. Ну так, королевич — самая сильная магическая кровь в нашей стране. Державой, кстати, правит какой-то там герцог, принц буянит, а король здравствует лишь условно, потому как недужит, бедняга. И помирать не помирает и жить не живет, уже два десятка лет. Наследничка воспитывать и в узде держать некому.

Герцог регентствует в свое удовольствие, народ нищает, маги существуют где-то там. Иной раз думаешь, что их трое на всю страну, Ваен, Кира и Гунар. Из доступных простым людям магических штучек печь-камни да светильники, больше, пока, ничего не попадалось. А, еще артефакты у стражников. Чем ковен занимается, непонятно. Ну и пусть, главное, чтобы ковен не занялся мной. Хотя до сих пор, надо признать, потрясающе везет, будто кто рукой беду отводит.

Само собой, никакого делового настроения не было. Ваен отчего-то сильно расстроился, Нитта и Варная заняты — время обеда, Дораш по лавкам таскаться сегодня не хотел, хотя бы и ради сестер. Вот так и получилось, что мы быстро вернулись домой, даже не заходя к оружейникам. А дома нас уже жаждали.

Не успела я открыть дверь, как оказалась в совершенно неожиданных объятьях Кири. Дылдочка моя родненькая, она даже покружила меня по кухне, оторвав от пола и вихрем взметнув юбку.

Следом сграбастал Гунар. Мы бы и еще пообнимались, но я заметила окаменевшего Дораша, и лишь потом его отца, Фарх-ара, и деда Халаха.

— Приветствую почтенных Халаха и Фарх-ара. Хорошо ли добрались?

— Путешествие было даже приятным, твоя дочь и родственник своей магией облегчили его, — Фарх-ар говорил язвительно цедя вежливые слова.

— Тем не менее дорога есть дорога, отдых не помешает. — Черт побери этот закон гостеприимства, мне бы Киру расспросить, а тут гости.

Папенька-степняк, вот недоволен чем-то и не скрывает. Дораш в панике. Халах и Гунар выглядят заговорщиками, только Кира улыбается ободрительно, надо полагать, поводок снят. И Сара прячется.

— Тит, милый, иди сюда. Это мой ...

— Вама, я сам скажу. — Старшие степняки подскочили, услышав их традиционное обращение юноши к более взрослой девушке, — Я Тит, Нина разрешает нам с Дорашем считать ее сестрой. Старшей.

— Дораш признал тебя вамой, горожанка?

— Уважаемый Фарх-ар, меня зовут Нина. Это совсем не трудно запомнить. — Халах и Гунар дружно заулыбались, старики давно поняли мой характер, и, кажется, предвкушали забаву. Построить степняка я смогу, не вопрос. В крайнем случае отведаст Сариного гостеприимства. Но! Мне ему парня отдавать, а потому «улыбаемся и машем».

Повинуясь мысленной просьбе Тит, а следом Дораш начали выгружать покупки.

Фарх наблюдал за сыном с таким недовольством, что тот ежился. Ох, городская одежда же на парне, вот в чем дело. Национальная гордость задета?

За столом мы вежливо отвечали на вопросы гостей, лишь природу Тита и приключения в храме обходили стороной, а без этой информации и рассказ получился куцым. Ваен умело вел беседу, обходя острые углы, и своим уверенным видом вынуждал Фарха держаться в рамочках.

Путешествие же Киры и Гунара было на диво плодотворным. Оказывается, до переправы через Мируву два дневных перехода, те шесть дней, которые мои родные гостилив степи были наполнены событиями.

Поводок на Кире действительно был. Все три старших шамана

племени принимали участие в его ликвидации. И злились страшно. Потому как заклятие ставил кто-то из своих. Маги не практикуют такое, неспособны. А тут во всей красе шаманская магия подчинения, которая и используется крайне редко, потому как требует много затрат. Поводок ставил какой-то ренегат, вступивший в сговор с воспитателем Киры. Да вот вышло заклятье кривеньким, оттого так подавляло волю, и видно его было. Заметили же неладное прочие соплеменники Халаха.

— И кто был целью? Удалось выяснить? — Наш бесценный друг напряженно ждал ответа от шамана, да тот отвечать не спешил. Наконец, решился.

— Ваш король. — Ваен молчал, играя желваками и скручивая ложку штопором.

Мне лично до короля дела не было, но Ваену, точно было.

— Ваен, дружище, успокойся, ведь все разрешилось!

— Ты не понимаешь, Нина! А вдруг поводок не только на Кире, вдруг она не одна такая?

— Скорее всего, одна. — Халах не пояснял, не счел нужным, но в голосе звучала убежденность. Наверно, какие-то профессиональные тайны. Но меня волновало другое.

— Тогда непонятно, как Киру выпустили из-под контроля Гильдии.

— Это как раз понятно, — амазонка была спокойна и раскованна, — новый Староста про поводок, скорее всего, выведал случайно. Ключевые слова неизвестны, цель тоже. Вот и вытурил подальше, чтобы внимания сведущих людей не привлекала.

— Я думаю, — Ваен, наконец, взял себя в руки, — Коладо Жнец про дела своего предшественника что-то знал. Да новому Старосте в политику лезть не с руки, не тот пока у новичка масштаб, вот он Киру от себя и отдалил, и сделал это достаточно громко. А вот как про поводок выяснилось, вот что интересно.

— Давайте сменим тему, — Гунар немного грустно улыбнулся, — мальчики совсем заскучали. Мы, Нина тебе подарок привезли.

Халах выложил на стол простой булыжник размером с мой кулачок. Прямо среди грязных тарелок. Кира ринулась убирать со стола.

— Это привет от горных людей. — Халах дал всем осознать серьезность информации. Ваен, похоже, в осьмнадцатый раз пожалел, что упустил шанс погостить у кочевников.

— Что это, — подыграла я старому степняку, который явно ждал

расспросов.

— Артефакт. — Подхватил эстафету Гунар, — Тебе же важно, что произошло с твоим предшественником, Нина. Это передал человек, который знал Норда. Когда будешь готова, сможешь позвать этого горянина и поговорить с ним. Только есть условие, — дядюшка перехватил мою жадную руку и нежно пожал. — Уединение и близость скал. Надо положить на ровном месте поближе к скале. Позвать, отойти в сторонку и подождать.

— Спасибо, — повинуюсь какой-то внутренней потребности, я встала и поклонилась старому шаману. Порыв немедленно воспользоваться предложенной возможностью схлынул.

А Фарх все так же сидел сычом и в беседе участия не принимал. Мне, как хозяйке жирный минус — гость скучает.

— Уважаемый Фарх-ар, я еще не поблагодарила вас за отменную пряжу. Она просто восхитительна! Готова купить еще. В пять раз больше и каждого цвета. Это возможно? И вот этот войлок? Вы им торгуете?

— Что? Тоже готова брать за деньги?

А яду-то, яду...

— Отличный материал, теплый, яркий, практичный. Да, прикупила бы. Продадите?

— Зачем тебе?

Вот достал своим хамством! Брыщ шершавый!

— Хочу себе обновку сделать из этой красоты. И Кире, и Титу.

Халах дробно засмеялся над растерянностью зятя.

— Для племянницы моего друга и спасительницы моего внука все можно. Но мы засиделись, пора возвращаться. Завтра торговый день.

— И когда вам в обратный путь, уважаемый?

— Благодаря тебе и договору с оружейниками мы расторгнемся быстро и с прибылью.

— Я совсем не знаю ваших нужд и обычаев, очень бы хотелось приготовить подарки для семьи моего шуни Дораша. Что порадует ваших женщин? Не откажите в совете.

— Надо же, егоза, выучила. Ты и впрямь считаешь моего внука своим шуни? — Халах веселился не скрываясь, наблюдая за отцом Дораша. — Боги щедро одарили мою семью. Никто из племени не может похвастаться такой родней, пусть и приемной. Придется тебе,

зять, обрести десятую дочь.

Нафиг, нафиг.

— Лучше вы, уважаемый, возьмите меня во внуки, а Киру в правнучки. С почтенным Фарх-аром мы лучше торговать станем. Так что там с подарками?

— Ой, да чего им только не надо! — Амазонка аж на ноги вскочила. — Я почти все свои походные запасы оставила. Иголки купим, хорошие нитки, полотно, у них даже пеленки шерстяные, представляешь? — Это Кира? Это моя Кира, которая эмоции цедила, как драгоценный елей? Не зря съездила!

Гости отбыли, а с ними и мой Дораш, еле оторвала от него Тишку.

Кира обнаружила на своей кровати аккуратно сложенную городскую одежду степняка. Я восприняла это как символ, он вернется к нам.

— Тишенька в бассейне. — Отрапортовала реализовавшаяся Сара. — Плачет. Не трогай! — Пресекла подруга мой порыв немедленно кинуться утешать и обещать, что Дораш вернется. — Гунару надо объяснить про Тита, а малыш пусть побудет один.

Наша, когда-то казавшаяся огромной, кухня неожиданно стала тесной. Появились еще кресла. Тишка присоединился к нам довольно быстро. Трудно это для человека, быть одному, когда рядом общаются. За разговорами я довязала свитер Дорашу.

Часть 41

Тит так и задремал, скрутившись в кресле ужином. Сам разговорный процесс боженёнку неинтересен — ему ведь не только в моей голове вольготно. А вот на новых людей посмотреть да порадоваться их изумлению, это да, внимание наше солнышко любит.

Гунар поначалу с удивлением всматривался в нового для него персонажа. Ох, как я его понимала, вот это кудлатое-конопатое, сидящее в кресле с ногами — огненный бог? Но Тит на такие мелочи, как недоверие, внимания не обратил. Репортаж из храма о «божественных деяниях» прямо в мозг кого хочешь убедит. Я даже немного насмешничала над дядюшкой, в глубине души. Сколько событий свалилось на беднягу, но ведь он и сам этого хотел, правда же? Это ли не пища для его изнывающего любопытства. И я — вся такая неместная, и Сара, и степняки, и Кира с ее поводком, а теперь еще и бог, да не какой-нибудь, а, можно сказать, опальный. Повезло так повезло.

Кстати, когда я вместе со всеми просматривала «видео» из храма, меня неприятно царапнули две вещи: мой собственный внешний вид, срамota позорная, и то, как неловок Тишка в оценках поведения людей. Почему он глаза закрыл? ну, огонь, что тут страшного? ну умрет и что? ребенок — это хорошо? что такое падаль?

Это ж на какую глыбу я замахнулась так опрометчиво? Да, у меня есть огромное желание помочь Гунару освободиться от его обязательств, но это вопрос времени. Да, у меня неизбывный долг перед Николаем Арефьевым. Хотя бы потому что он — фронтовик. Но Тишка уже не просто всеми нелюбимый Раштит, которому я должна за вторую жизнь, хоть и не просила ни о чем. Он залез мне в душу, такой солнечный и наивный, как щенок лабрадора. Теперь это мой крест, возможно, на долгие годы. Но это радостный крест.

Кирочка сидела на полу и перебирала несшитые детали свитера. Впервые вижу, что ее увлекло мое незаконченное рукоделие, обычно она интересовалась только результатом. До сих пор забавляюсь, вспоминая, как она мягкие меховые тапочки-шлепки носить училась, коньковым ходом, ага.

— Связать тебе такой? У меня есть еще белая пряжа и зеленая.

Хочешь?

— Хочу, а когда? Может, сначала ему?

На спящего боженёнка Кира смотрела с добродушным недоумением. Оно и понятно, столько людей вдруг оказались в ее ближнем круге, а раньше была только казарма и тот, кого почитала, как спасителя.

— Тит мне нравится. Славный.

— Ты Тиш-шеньке тош-ше нравиш-шься, — Сара наслаждалась: все дома, все довольны, все хорошо. Она уже нашептала мне, что эти двое приглянулись друг другу сразу и безоговорочно. Обаянию Тита сопротивляться бесполезно, особенно когда он так искренне радуется, Кира была обречена, так же как и я, и Ваен, и Дорах. И даже Сара. Тишка же к любой симпатии тянулся ответной привязанностью. А обмануть его не в человеческих силах.

Похоже, каждый погрузился в свои думки, беседа иссякла, даже крепкий Ваен уже деликатно позевывал.

— Давайте договоримся, что делаем завтра и спать, поздно совсем. — Сонливость накатывала все настойчивее, и не только на меня, — Гунар, ты сможешь сходить с Титом в храм? Там девочку могут привести.

— А, да, точно, ту, которую молочаем травили. Где и взяли только. Зима ведь, хоть и на излете.

— На подоконнике рос, в горшке, — открыл один глаз Тит, — красивенький такой, пестренький. Но Нинина картошка красивее.

Мой комнатный огорожок мы уже обсудили со всех сторон, я только жалела, что не догадалась Халаху его показать.

— А мне, что поручишь, мамочка, — Кира немного ёрничала, но совсем чуточку, нам обеим нравилась эта игра.

— Подарки нужно купить. Рассчитываю на тебя. Не откажешь?

— Это ты по моему плащу соскучилась, тяжести таскать, — Кира подначивала меня так непринужденно и с таким наслаждением, что Сара захихикала.

Да, она научилась хихикать, развлекаясь за Тишкин счет. Даже кормление синенькой силой теперь было скорее данью нами же заведенной традиции, чем насущная необходимость. Насколько я поняла, дом теперь в образцовом порядке, силу особенно девать некуда, а на пропитание ей и наших эмоций хватает. Семейство-то не маленькое

образовалось. И разнообразное.

— Ха, — фыркнул Ваен, — с тяжестями у нее проблем не имелось, даже меня умудрялась впрячь. — И столько в этом было обиженного недоумения, что прыснули все.

За покупками решили отправиться полным составом. Но сначала разделимся. Ваен и Гунар идут в храм с Тишкой, мы с Кирой на наш «Предгорный», я к степнякам, амазонка — в кузню. Потом встречаемся и едем на большой рынок с рыбным привозом. Там и галантерейную мелочевку прикупим, у нас с этим скудно.

Дядька Тулак ликовал, показывая промасленный мешок с мясом — мою долю от торга с кочевниками. Даже пытался от денег отказаться, еще чего, я за дружеский совет плату не беру.

— А что алтарь Раштиту, не готов еще? — попытку перевести тему можно считать провальной, оружейник лишь с досадой плюнул, очень непристойный жест, по мнению местных.

— Та не знаю я, как и подступиться! Нашли умельца, да он такую деньгу заломил, как будто дворцовый фонтан украшать собрался.

— А статуя, это обязательный канон? Ничего другого нельзя?

— А что другое-то? — Казалось, что подобный вариант не рассматривался оружейниками в принципе.

— Ой, дядь Тулак, да что угодно, хоть вечный огонь в солнечном круге. Чем не Раштитов символ?

— Как ты сказала, вечный огонь?

У-пс, опять перемудрила с терминологией.

— Ну, постоянный, чтоб горел неугасимо, или хотя бы весь день, — окончание фразы Тулак уже и не слушал.

— Точно! И подношение просто сделать. Кинул кусочек угля или полешко и молись себе честно.

— А если много топлива насобирается, то лишек можно какой вдове или сироте отдать, пусть согреется, да как следует поблагодарит нашего покровителя, ведь в храме так с едой поступают, да?

— Здорово придумала, девка, а нарисовать сможешь? Дуг говорил, ты мастачка понятные картинки малевать.

Да куда ж я денусь, вот только с богом посоветуюсь. В голове уже почти привычно хихикнуло, но на это раз еще и мужских смешков добавилось. Ах, паршивец, мало того что сам подслушивает, так еще и Ваену с Гуларом транслирует.

— Не буду больше, зато тебе теперь не придется им рассказывать, вама. Собирайтесь, мы уже из храма выходим.

Ага, пособил, осталось только Саре и Кире рассказать.

Фарх-ар ни за что не захотел отпускать Дораша с нами, хотя для дела сын ему сегодня ни за каким надом, дескать, хватит, нагостился, пора от городской жизни отвыкать. Даже Халах его уговорить не смог.

— Боятся не потерять власть над единственным сыном, — грустно комментировал Тишка, — Дораш любит быть сильным, но не любит драться, и шаманство ему не нравится, а в племени или воин-торговец, или шаман. Иначе презирают.

А дипломатов у них нет? Юный степняк проявлял чудеса коммуникабельности не теряя при этом достоинства. Тишка, и тот с первой минуты признал в нем лидера. Вот уж точно, ему не скот пасти-охранять-продавать, а учиться. Читать-то за неделю выучился и Тишку подначил. Жаль, что он не маг, лишь носитель шаманской крови.

Про быт степняков мы пока совсем не поговорили, моим путешественникам еще рассказывать и рассказывать. На много вечерних посиделок хватит.

Пока добирались получили отчет о визите того купца и его дочки. Это моя вина, что больную девушку, почти ребенка, потащили по холоду в храм. Могла бы и сообразить, что она еще не оправится. Лекарь и целитель, это, знаете ли, разница, но тогда я об этом не ведать не ведала.

Купец внес дочь на руках, положил на лавку для даров и вышел. Очень символично, ага.

Тут Тишка сообразил быстро и самостоятельно. Усыпил девочку, которой изрядно нездоровилось. Как удачно, что пошли опытные мужчины, да еще и целый целитель. Тишка тоже поучаствовал в оздоровлении, подпитывая Гунара. Ведь пришлось выгонять остатки яда из крови и восстанавливать потравленные органы, а молочай, как выяснилось, здорово на желудок и так далее, действует.

Ваен тут помочь не мог, зато удалил с одежды бедного ребенка продукты очищения и придумал тактический ход: уже здоровая девочка очнется и увидит Солнцеликого Раштита, который ласково к ней склонится в благословляющем жесте. Сработало даже эффективнее, чем планировалось. Дева оказалась с характером, не сомлела в страхе, вскочила с лавки и на колени бух. В общем, свою дозу Тишка получил и

от дочки, и от ее папеньки, и от остальных молельщиков, когда сияющая здоровьем и конопушками девочка самостоятельно вышла из-за волшебной завесы.

С рыбного привоза я сбежала.

Потому что воняло.

Пронеслась метеором потыкала пальчиком в желаемое и оплатила с доставкой до извозчика. Жадность даже не пискнула. Ваена зауважала с утроенной силой, когда вспомнила его рыбный подарок.

Этот рынок был просто рынок, торговая площадка, ремесленников здесь не было. А мне бы к гончарам и столярам. Посуда нужна капусту квасить и рыбу солить.

Ваен и Гунар, а следом и Кира были настороже, я погрязла в изучении ассортимента, а Тишка просто наслаждался вниманием к своей вольной неприкрытой шевелюре: Кира его кудри на боевой манер заколола.

Страшно подумать, сколько потоков сознания он отслеживает одновременно. А ведь ему хоть редко, но молятся у алтарей по всей стране или даже... о-ой... о-о-ой!

— Тишка, Тиш, слышишь меня? Ты всего лишь местный бог или на всю планету?

— На всю планету. Но силу собираю только в этих местах.

— А в других местах кто?

— Другие воплощения, — дескать, что тут непонятного?

Действительно, если минутку поразмышлять, то у других народов, по аналогии с Землей, другие боги. Не желаю об этом думать! Не хочу думать, что наш Тишка, такой светлый и ласковый, чей-то там дубль. Не буду! Я лучше побеспокоюсь, о том, следующий раз...эту умную недодуманную мысль из меня вышибло грубым тычком в плечо. А-ащ! Еле равновесие удалось удержать. Оказывается — зависла над прилавком со швейной мелочевкой и мешала продавцу работать. Грубиян вознамерился было еще наподдать, так как нужной ему реакции не получилось, но тут я разозлилась.

— А ну, цыц, брыщ давленный, — и по заводской привычке уставилась на паршивца. Есть у меня такой отработанный взгляд в арсенале, его никто не выдерживает, даже я сама себе не могу долго в глаза смотреть, если в зеркало.

С брыща слетел весь гонор разом, этот болван даже попятился от

прилавка и давай кланяться. Чегой-то? Я тут, понимаешь, на разборки настроилась за то, что тут хрупких женщин обижают, а он...

— У тебя сила из глаз шурует, — веселился от всей души Тишка. И показал мне меня глазами этого бедняги. Ой жуть какая-я, но убедительно, да. Белка нет, радужки нет, все сплошного истошно-синего цвета, только широченный зрачок, как дуло, чернеет.

Пожалуй, шопинг пора заканчивать.

Часть 42

Эх, скорей бы уже тепло, чтоб рыбную вонь дома не разводить, но чего уж теперь. Сама подрядилась. Тишка, умничка, моя, пристроился рядом и за милую душу пластал этих селедин, которые килограмма по два каждая. Пластать приходилось, потому что посудой правильной так и не разжилась, но я умею солить филе, а с сохранностью, как заверил Гунар, они с дедушкой Халахом справятся магически.

Ваен что-то сделал с вентиляцией и вони особой не было. Вот, сидит, учит Киру этому заклинанию, полезно, но немножко не вовремя. Ну да ладно, когда у него еще момент случится.

Интересно, у них тут некромантию не практикуют? Вот было бы здорово, чтоб вот эти мелкие косточки сами повылазили. Раз-два-три и на столе гладенькая филейка да рассыпанный селедочный скелетик. Перед глазами так и встала картинка: прихребетная костяная мелкотня деликатно, как модница из узкой юбки, протискивается, стараясь не повредить мякоть, и, освободившись, сама собой прыгает в плоску для отходов. Красота!

Повисшая тишина, а затем хохот Тишки, оборвали сладкую грезу. Я даже сразу не поняла, что так насторожило моих близких и продолжила прерванную работу. А работа кончилась, не было больше косточек, только идеально чистые куски рыбы. И неопрятная кучка костей.

Ничего не поняла, я что некромантка? Не-не-не, чур меня, чур. На такое мне цинизма не хватит.

Тишка опять залился хохотом.

Ах ты, шалун, как подшутил ловко, наковыряв в моей головушке образов. Ну раз так, и работы внезапно стало на порядок меньше, благодаря божественной воле, пойду-ка я в баню собираться.

— Пирожок хочу, сладенький. — Тишка хитро жмурился.

Да не вопрос, бисквит взбить дело пятнадцати минут. Нет, десяти, когда рядом Кира. А после ужина у нас будет баня для девочек, ей явно хочется пообщаться наедине, так что желающие освежиться — на выход, пока есть шанс.

Разговор дался амазонке непросто.

Она встретилась со своим дядюшкой-шаманом, только не племени Пятнистого кота, а какого-то другого, тоже кошениного. Ох уж эти тотемные амбиции примитивных народов. Новоявленную кровиночку этот урод узнать получше не захотел, попытался с разбегу гнуть и приказывать. А с Кирюши только заклятье сняли, ей эйфория голову кружила и она любила весь мир.

— Я даже не понимала, Нина, с какую тяжесть на себе таскала. А как очнулась от ритуала, так весь день и летала, земли не касаясь.

Я слушала мою девочку и понимала, что да — девочка, а не боец, обремененный сиськами. Нет-нет, да мелькали в ее рассказе упоминания о красивой одежде степнячек, замшевой и шерстяной, о том, что парни встречались не только сильные, но и красивые. И тут же проскальзывала гордость: пусть у некоторых и совсем молодых воинов, она в поединках выигрывала, что научилась немного управляться с их клинками чудными. С радостью говорила о сестрах Дораша, для младших она уже припасла отдельные подарки.

А дядюшка ее появлению не обрадовался. Поссорился с Халахом, дескать, зачем его, такого великого, из-за порченной крови побеспокоили, бросив зов в степь. Теперь все в степи знают, какой на нем позор. Мало того, что брат с порочной горожанкой дитя прижил, так еще и защитить не смог.

За то, что ее маму обозвали порочной Кира огрызнулась и получила пощечину. Мамину ласку она пусть смутно, но помнила. Завязалась драка. Шаман, вроде и опытный, но Киру в расчет не принял, а когда понял, что уступает девке, швырнул в нее что-то из шаманского боевого арсенала. Только осознать, что новая родственница маг, у самодура терпения не хватило. За что и поплатился. Кира на результат обучена работать, вот она и сработала на инстинктах. Одним фаером спалила дядюшкин подарочек, вторым — родственничка.

— Старший шаман Лограх меня оправдал, он самый сильный в степи. — Да уж, силу Кира ценить умеет. — Всем сказал, что дядюшка запрет нарушил. — Кира тягостно вздохнула и укрылась в воде по подбородок, — их боевые заклятия нельзя применять на территории стойбища, даже в кругу для поединков.

— Понравился он тебе, Лограх этот, а?

— Хороший. Справедливый. Весть кинул, что все честно, мстить не за что. — Никакого особого трепета я в тоне младшенькой не учуяла,

фу, значит, не влюбилась. — Потом приехали сын и старшая жена дяди. Чтоб забрать прах и присоединить его к праху предков. Меня не обижали. Знаешь, Нина, я готова дать клятву, что мой двоюродный брат нисколько не огорчился.

— Не огорчилс-ся. Тишенька сказал. — Прямо в воде материализовалась вездесущая Сара.

Аж сердце ухнуло, так жалко ее. Вот завтра переговорю с горным человеком и наеду на Гунара со всей серьезностью. Пусть амулет делает, чтобы Сару от дома оторвать.

Мою встречу с горным человеком не пожелал пропустить никто. Остались ждать дома. Тишка заявил, что он и так все храмы слышит, что суть понял и если подвернется кандидат на скорую божественную помощь, всех позовет.

Естественно, я пошла на тот чудесный уступ, который показывала Сара. Вертела вопросы и так, и эдак, пытаюсь подготовиться к разговору, но додумалась только взять с собой дневники Николая, хрустальную звезду, да тепло одеться.

Как там в инструкции? Положить артефакт около скалы, где попросторнее, позвать и отойти? Ничего мудреного. Даже с «позвать» сложностей не возникло, сказалось мысленное общение с Тишкой.

Волшебное здесь место, через пять минут я уже бездумно любовалась видом озера, вода которого искрилась чешуей ряби. Как-то не вовремя вспомнились поездки в Москву, вот также ощущались вибрации пола и стен в метро, когда приближался поезд. Вспомнилось и прекратилось вместе с вопросом из-за спины:

— Это ты гостя с изнанки?

Двое. Один — глубокий старик, второй выглядел ровесником Ваена. Оба плотные, неширокие в кости, с покатыми сильными плечами. Люди как люди, но что-то с ними было не так. О, руки! Длинные руки и коротковатые ноги, прямо как у статуи Рушата. А еще большие, хотя и раскосые, глаза и крупные уши. Со зрением и слухом у этих товарищей наверняка получше, чем у меня. Да и силушкой их природа явно оделила полной мерой, несмотря на невысокий рост.

— Да. Я Нина, — склонить голову в приветствии было так естественно. — А вы друг Николая?

— Норда. Мы звали его Нордом. Но имя Николай нам знакомо. — Старик мелко потряс головой, сам с собой соглашаясь. — Меня называй

Некриром, а моего внука

— Рориром.

— Могу я пригласить вас в свой дом?

— Прости, иная. Нам в ваших домах не всегда комфортно. Слишком светло. Ты выбрала хорошее время, теневое. Поговорим здесь. Ну здесь, так здесь.

— Я благодарна за ваш интерес. Мне очень важно, как и чем жил Николай.

— Почему?

— Что вы знаете о том, как он умер в первый раз?

— Сказал, что была война.

Война. Просто была война... Как это знакомо! Те, кто действительно воевал, не любили говорить о пережитом, известный факт.

— Он закрыл своим телом врачующего целителя, когда гибель была неминуема. Вы не знали?

Потрясение на этих лицах, старом и молодом, говорило лучше самой гениальной риторики.

— Зачем?!

Разве русский задал бы такой вопрос? Мой ровесник — точно нет.

— Кто знает, наверное, он решил, что жизнь целителя важнее его собственной жизни. Поэтому я так почитаю его. Но давайте не будем о той страшной для меня и чужой для вас войне. Чем занимался мой предок? Гунар сказал, что вы дружили и сотрудничали?

— Предок. Норду бы понравилось. — Старик обнажил в улыбке крепкие зубы. — Он многому нас научил. А что ты знаешь о подгорном народе, детка?

Что гномы хитрые и жадные.

Но эти люди и близко не подходили к книжному канону. Ни рыжих бород, ни монументальных плеч, ни топоров. Просто глаза, привыкшие к сумеречному освещению, просто уши, способные улавливать малейший шорох осыпи, просто тела, способные протиснуться в самую непролазную щель и взобраться на самую немыслимую каменную стену.

— Ничего. Только догадываюсь. Вы умеете ходить сквозь горы?

— Некоторые из нас рождаются с такой способностью. — Рорир ответил с мягким достоинством. — Ваши маги берут понемногу у всех

стихий. Мы же, в основном — у тверди земной. Рушат — наш поводырь и покровитель. Вода, воздух и огонь тоже важны, но твердь — основа основ.

Очень интересно, но я не за этим сюда пришла. В данный момент мне важнее сохранить память о Норде-Николае.

Некрир правильно истолковал мой вздох.

— Вот, — из перекинутой через плечо длинной узкой сумы появилась тетрадь. — Ты уже умеешь читать?

Это не являлось дневником или его подобием, это было нечто вроде творческого календаря с заметками. Бездумно листая страницы, которым больше семидесяти лет и напиваясь благоговением я увидела эскиз знакомой звезды.

— Вот это вы помогли сделать? Какой смысл Николай вкладывал в этот артефакт?

— Раз ты о звезде знаешь, то она, скорее всего, у тебя. Позволишь взглянуть, я так давно ее не видел. — Старый Некрир протянул открытую ладонь.

Красное рубиновое стекло выглядело особенно кровавым в это тусклое утро. Вдруг остро захотелось и я выпустила немного силы. Просто, чтобы полюбоваться, как сменяется зловещий багрянец на синеву зарождающегося пламени, перетекая сквозь все оттенки фиолетового и обратно.

— Да, Норд тоже так играл, когда мы сделали, наконец, удачный экземпляр.

Некрир присел рядом и задумался, лаская стекло старческими руками. Мешать ему не хотелось и я вернулась к беглому просмотру тетради предка. В основном записи касались механизмов, связанных с бурением. Немножко о стекле. Побольше о водопроводе. И все, ничего личного.

— Норд был хорошим другом? Есть ли в живых прочие его знакомцы?

— На самом деле я младший брат его друга. И да, он умел дружить. Многие мелочи забылись, но имя Норд до сих пор популярно в наших пещерах.

Как я не выпрашивала своих новых знакомцев о личной жизни Николая, не добилась ничего. Либо старик деликатно умалчивал, либо ее не было и предок свел все личное к служению народу, подарившему

подобие душевного комфорта. А может быть просто его знания и навыки горные люди ценили больше, чем предки Гунара. Или нашлись энтузиасты, пожелавшие воплотить хоть что-то.

Гости заметно беспокоились, щурились и терли глаза. Похоже, обычный дневной свет им неприятен. Надо их отпускать.

— Могу ли я просить о повторном визите? В удобное для вас время? — пора прощаться, а мой мозг только начал генерировать приемлемые вопросы, а не это неловкое растерянное блеяние.

— И ночью?

— И ночью! Только я буду почти слепа. Но это неважно, о стольком еще хочется спросить!

— И столько еще не рассказала! — Рорир вернулся к скале, у которой так и остался лежать голыш-артефакт и протянул его деду. Некрир степенно и почтительно вернул звезду, не тая сожаления. Потом передал мне камень-артефакт. Готова прозакладывать любимый тюрбан, но с булыжником сделали что-то магическое.

— Держи Нина, наследница Норда. Следующий раз мы придем через три дня к вечеру. Луна станет полной, ты не будешь слепа.

— С радостью. Последний вопрос, уважаемые. Из чего сделана ваша одежда?

Одежда и впрямь знатная. Очень-очень простая, но сшитая так ладно, что у меня была уверенность, она хоть и свободного кроя, но удобнее гимнастического трико, и гораздо прочнее.

— Из грибов, детка. Из подземных грибов.

Черт, хочу это увидеть!

Рушатовы дети подошли к скале, и я следом, как примагниченная. В сером монолите зияло изящное овальное отверстие, из которого тянуло теплом. Рорир обернулся и дал знак не ходить дальше. Шаг, еще, и мои гости растворились в камне, лишь легкая вибрация далекого метрополитена убеждала, что нет, не пригрезилось.

Часть 43

По лицам домашних легко читалось, что они в курсе, настолько растерянными были Гунар и Ваен, задумчива Кира и безмятежен Тит. Транслировал онлайн, заразочка мелкая, но это лишь на благо, ибо пересказать все нюансы непростого разговора с горными людьми мне не под силу.

— Они называют себя руши, чтоб ты знала, — Тишка говорил вслух, но как-то отрешенно, — что делать, когда один человек хочет зла другому?

Тишка не забывает контролировать храм?

— Не вмешивайся, — хором воскликнули Гунар и Ваен.

— Спали его подношение, — посоветовала Кира, — может и дойдет, что ты против.

— Тогда я не получу от него силы.

— И помрешь немедленно, да? — Переключиться на дела молельщиков получилось с трудом и от того высказывание получилось несколько раздраженным.

— Не помру, — обиженный на мою неоправданную резкость, Тишка надулся.

— А ес-сли придут молис-са, ш-што бы Нина умерла, или Дораш-ш? Ш-што сделаеш-шь? — Сара затрепетала одежками, демонстрируя, свое недовольство. — Примеш-шь такую с-силу?

— Сара, дорогая, ты не права. Сила есть сила, для бога неважно, кто ее даст, важно, как она используется. Правда, Тишенька?

Все-таки Гунар очень мудрый. И выдержанный. Уважаю. Я уже успокоилась и потеснила боженёнка в кресле. В обнимку мы вполне поместились. Хорошо быть тоненькой, да.

— Тиш? А тебе еще много силы надо, чтоб весна началась? — как я жду весну знали все.

— Нет, такой весны, как ты думаешь, у меня не получится. — И в ответ на очевидный не озвученный вопрос, выдал, — да понял уже, что для такого нужно и с Гохом, и с противной Сиштирой договариваться. Они не станут меня слушать.

Ну, это пока не станут, я бы на их месте тоже не торопилась, но

время неумолимо играет на нашей стороне. Пускай не на этот год, пусть на следующий, но нужно что-то менять. Хотя бы здесь, в зоне личной ответственности нашего мальчика. В столице с мертвой точки чуть сдвинулись, а еще есть равнина, а еще есть степь.

Осязательная радость Тишки едва не выбила из меня дух, ох, опять ребра погнули. Откормила на свою голову. Он что, и вправду, думает, что я его просто так от себя отпускаю?

Ваена, в отличие от некоторых сентиментальных клуш, не так легко сбить с интересующей темы.

— Я и не знал, что горные, или как там, Тиш? Руши? Что они ходят сквозь камень. Нина, собирайся, идем к Халаху, может, он чего скажет?

— Не скажет. — Гунар был очень серьезен и в доказательство даже по столу ладонью прихлопнул. — Он или под клятвой, или не знает.

Вот! Наконец-то и у меня срелись нужные вопросы. Халах приятельствует с Некриром, значит, недалеко от стойбища есть приличные горы, в которых и живут мои новые знакомцы? Примем как рабочую версию. До стойбища два дня пути по берегу Мирувы, плюс переправа и расстояние до гор от переправы. Ну, допустим, километров пятьдесят. Руши пришли через десять минут после моего зова. Если я себе правильно представляю краткие отрезки маршрута вокруг озера, километров пятнадцать-двадцать. Не-ре-аль-но! Но они пришли. Караулили? Или все же... портал? Ой, Тишка, во что ты меня втравил?

— Идем к Халаху! — Попытка вывернуться из объятий боженёнка не удалась, он, кажется, даже кудрями в меня вцепился.

— Ты обещала картинку с алтарем!

Точно! Прости, маленький! Забыла. Столько впечатлений!

Как работает вечный огонь приблизительно знают все. Но там сгорает природный газ. А мне надо с кондачка придумать аналог на твердом фракционном топливе. А-ащ! Кто тянул меня за язык?!

Оказывается, зря я себе технологических ужасов напридумывала. Магические факелы уже изобретены. Гунар лишь отмахнулся. Да, он может сделать такой артефакт. Да, на всяком горючем и любого размера. Да, почти вечный, при наличии топлива и если не погасить специально.

Ну, так это меняет дело. Уж защиту от ветра и дождя сочинить нетрудно.

Тулак и инициативная группа эскизами вдохновились и обещали

сделать все в точности. Еще бы им быть не довольными: все в своих руках, и материалы, и навыки, даже отличный медник есть, чтобы красиво лучики отлить. Штуковина, конечно, хитрая, но нарядная и очень необычная. Отчего бы и не порадеть за огненного покровителя, тем более что маги обещали посодействовать за так.

Зато на площадке, где размещались кочевники, царило совсем другое настроение: нам здесь были не слишком рады.

Халах не давал сняться в обратный путь, так хотел узнать, как прошла моя встреча с горными людьми, и возражать никто не смел, потому как авторитет — один из верховных шаманов.

Зятек его, Фарх-ар бесился, на вежливое приветствие Гунара даже не ответил толком, меня и Киру просто проигнорировал. Ха, мало ли я за свою жизнь вздорных мужиков видела. Плевать.

Тишке эти политесы были до балды, он наскочил на высоченного Дораша с радостными объятиями. И руками, и ногами, чисто шимпанзёнок. Дораш был совсем не против, да что там, наш степняк был счастлив и тискал мелкого с не меньшим энтузиазмом. Ревнивого папаню от этого «броманса» аж скрутило. То ли судороги, то ли в животе чего. Вот ведь, надирает его! Мальчики просто дружат.

— Уважаемый Халах... — мои витиеватые благодарности за участие в судьбе Киры были до противного многословны и велеречивы, но дедок, кажется, был доволен, — не откажите еще в малой помощи. Мы приготовили немного подарков для вас и ваших семей. Как бы их сюда переправить без урона.

— Да, дружище, там полно редких продуктов. Нина вчера весь вечер готовила, надо бы сохранить. — Гунар, однако, нашел себе соратника по неукротимому любопытству, тоже броманс, по ходу. — Не откажусь от твоей помощи, мне очень интересно, как эту проблему в степи решают.

О, так старика надо в гости звать! И непременно с Сарой познакомить, вот пусть эти двое могучих подумают, как ей помочь! Или докажут мне, что это невозможно. Только вот Тишка у нас инкогнито...

— Богатая горожанка на подарочки расщедрилась, — Фарх язвил с неприкрытым наслаждением, — а мы вот не станем брать!

Тихо охнул Дораш, Халах неодобрительно качал головой, Кира просто оторопела. Кажется, у примитивных народов отказ от подарка — оскорбление?

— Чем я так обидела уважаемого отца моего шуни, что он даже от подарка отказывается? Маленько рыбы, чуток полезных овощей для здоровья и удовольствия ваших близких. Иголки и ножницы из хорошей стали. Несколько локтей полотна для младенцев.

Фарх-ар не удержал лицо, показал, как впечатлился перечнем, и от того, кажется, разозлился еще больше.

— Что толку от этого богатства, если мы все равно не доведем его до своих юрт? Груз тащить да коней трепать чтобы мытники на переправе отобрали?

— Как отобрали? — Ваен аж взрыкивал от негодования. Только непонятно чем, то ли обвинению удивился, то ли факту грабежа со стороны служивых.

— А так, чтоб ты знал, горожанин, солдаты ваши хуже ушкуйников. Королевские наобы дозором стоят честно, не спорю. Пошлину берут и больше не беспокоят. Но сейчас очередь герцогской стражи, а эти ничем не гнушаются. Продукты так точно выгребут, потому как герцог своих стражников довольствием не балует.

Вот это номер. Кто ж знал, что лихая таможня тут и мафию переплюнет. Гунар и Кира ничего подобного не упоминали, видимо, им повезло с проездом. И Ваен обескуражен новостью, а он, вроде делец.

Ну, значит, судьба...

— Почтенный Халах, у меня есть идея, но для этого нужна ваша помощь. Приглашаю в гости.

— Нин, ты что задумала, говори пока непоздно!

Ваен хоть и удивлен пренеприятно, но трезвости ума не терял. И чуйка у него не хуже моей, да.

— Что-что. Контрабанду.

Если только Сара не воспротивится... Не воспротивилась, а то я всерьез пыталась придумать, что предпринять, если она не позволит.

Знакомство Духа дома и Халаха произошло буднично и мимоходом, а вот Фарх-ар едва не сомлел, когда вокруг его драгоценного сыночка заметусился радостный призрак. А ведь Дораш отцу про Сару и словечком не обмолвился, о как. Нету у сына к отцу доверия.

— Деду сказал, — Тишка мстительно наблюдал за потугами старшего степняка взять себя в руки.

— Тиш, я тебя понимаю, но не одобряю, не надо злиться. Думаешь

Дораш обрадуется, если узнает, что ты так к его отцу относишься?

— А чего он? Дораша замучил, жен замучил, дочек замучил. Можно подумать, они виноваты, что девочки. — Ну вылитая Дашка, когда пакость задумывает, до сих пор помню тот скандал: она своему однокласснику пакет яблочно-сливового повидла на стул подложила, так чтоб пакетик лопнул. Выглядело это...

— Ты такой миленький, когда куксишься. Уси-пуси. — Ага, детский сад, горшок с ромашкой. И я тоже хороша, никакой строгости.

— Издеваешься?

— Чуточку. Не обижайся. Ну мечта у мужика такая, много сыновей иметь. — В чем-то Тишка прав, усыновляй хоть десяток и воспитывай. Если прокормить можешь. Хорошо, что жен аж три, а то замучил бы родами, если бы единственная была.

— Я думал, он меня ударит, там на их стоянке.

— Ну не ударил же, у нас Ваен и Кира.

— Нет, испугался, что за нападение на горожанина его больше торговать не допустят.

— А что бы ты сделал, если бы ударил? — А вот это необходимо прояснить, коль уж разговор зашел. Это важно. Тишка, надо признать, очень привлекал к себе внимание. Рано или поздно его обаяние даст осечку и что тогда? В качестве человека он абсолютно беспомощен. А если огненный бог не совладает со своей природой, что будет?

— Полагаешь, надо учиться драться?

Ничего себе. До такого варианта я не додумалась. Я думала про сдержанность и аккуратное подавление агрессивных намерений.

— Ну, тренировки тебе точно не помешают. — Тишка в ответ мерзотненько захихикал. Это что же за вдохновляющая мысль в моей головушке мелькнула, а я не сном ни духом?

— Мне нравится, буду монстрами пугать, если что. — Ох ты ж, представляю, сколько киношных страшилок хранится в моем «цивилизованном» сознании. Местным и плохо загримированного зомбака хватит, чтобы insult схватить, если вместо кавайного милахи Тита вдруг ЭТО пригрезится. Лучше послушать, что умные люди говорят, а не снабжать некоторых крамольными идеями. Которые забыли, за что его за дурацкие шуточки из пантеона выперли. Почти.

Все четверо магов, включая Сару, чинно сидели у стола и обсуждали выполняли ли моя идея-мечта о прогулках для нашей

призрачной подруги. Терзала смутная надежда, что у шаманов, которые, по моим куцым представлениям имеют практику общения с духами, найдется способ повернуть эту аферу.

— Тут три проблемы, — старый Халах горел юннатским азартом не хуже Гунара, — сможет ли уважаемая госпожа отделить от себя часть, способную удерживать не только целостность, но и хоть малую толику разума? Удастся ли найти приемлемый сосуд, чтобы эту часть разместить и выдержит ли эта часть удаление от дома, как от места привязки духа.

— То есть саму такую возможность вы допускаете? — Сара аж искрилась надеждой.

— Я уверена, что смогу, как говорит Нина, отпочковать часть себя.

— За мной подпитка, это не проблема. — Пустая фраза, но надо же как-то приободрить Сару.

— То есть, осталось дело за сосудом. — Подвел итог Гунар, — И за милостью богов.

— Ну, милость я вам обеспечу, я люблю Сару, — Тит благоразумно общался молчком, — ты забыла, зачем гостей позвала?

О, точно!

Халах выслушал спокойно, только цыкнул на разразившегося воплями зятя. Да, идея отдает авантюризмом, но у него-то совсем идей нет. И что тут такого, попросить горных людей о помощи в транспортировке? Какое дело этому придурку, как я буду расплачиваться с рушами за услугу? Главное, что Сара не против рассекретить существование прохода в скалы, а она не против, потому что я, кажется, придумала переноску для мини-Сары и для того, чтобы заполучить ее мне опять-таки нужны руши.

В скалах уже должно быть совсем сумрачно, пора позвать наших горных друзей и надеяться, что они не рассердятся. Старый шаман настоял и мы вышли вместе.

Отдаленное «вибро» в скалах Халах уловил раньше меня.

— Много человек идет, гудит сильно, — зрачки старика азартно поблескивали сквозь узенькие прорези раскосого прищура. — Скорей бы. Уж очень мне охота твоей стряпни попробовать. Дораш так вкусно рассказывал.

— Думаете, обидятся за неурочное беспокойство? Согласятся в дом зайти?

— Согласимся, если позовёшь, — Рорир соткался из густой тени, за его спиной угадывалось присутствие еще нескольких человек. — Ничего не случилось? Твой зов застал нас врасплох. Уважаемый Халах, рад видеть в здравии.

— Некогда болеть, — старый шаман показательно ворчал, — надо за этой стрекозой присматривать, а то такого наворотит...

С Рориром пришло еще трое. Борир, Юрир, и Лорир. Все риры, это означает способные ходить сквозь горы. Четверо скалоходцев с радостным удивлением рассматривали купальню мимо которой лежал путь в кухню.

— Наша работа, только старая. — Прищелкнул языком Борир. Он был самым непосредственным из четверки. Да? А я думала, это маги делали.

Кухня встретила нас полумраком, маги притушили свет по команде Сары. Сама она и не думала скрываться, уверенно взяв на себя роль гостеприимной хозяйки.

Новым гостям показали огородик. Руши так обрадовались зелени, так хвалили и за что-то благодарили, что мне стало неловко. Как будто это моя заслуга, что всё так в рост вдарилось. Картошку уже подсыпать пора, а у меня грунта нет. Ношусь, как наскипидаренная, потом не могу вспомнить, чем занималась, а такой важностью не озаботилась.

От дегустации, которую уже накрыла Кира, не отказался никто. Даже противный Фарх, а я всерьез боялась, что он закапризничает. Пронесло.

— Вот это и есть проблема, ради которой я позвала вас так внезапно. Прошу помощи. — Рорир со товарищи внимательно выслушали грустную историю притеснений кочевников.

— Не удивлен. Тебе надо знать, Нина, что в дальних стойбищах растет недовольство. В степи не так холодно, как в горах, но травы все равно мало, а значит и скота недостаточно.

— Тишка, слушай и запоминай, ибо это — твоя вина. Копи скорее силы, Тишка, миленький, нам нужна хорошая весна. Страшно подумать, сколько людей страдает.

Боженёнок только сопел согласно и жался к Дорашу, чем невероятно бесил Фарх-ара.

Руши согласились доставить груз в племя. Руши согласились делать это регулярно. Руши попросили в оплату десятую часть

продуктов, которые перенесут. И только? Однако, невиданные перспективы сотрудничества открываются. Которые меня и доконают.

Пожалуй, пора прекращать надрываться в одно лицо и начать делать то, что раньше весьма неплохо получалось — заняться организацией процесса.

Встречу с Некриром через два дня решено было не отменять. Ох, сколько у меня надежд на эту встречу! Ведь он присутствовал при создании артефакта-звезды Николая-Норда, значит, есть надежда, что его искусство поможет создать артефакт-переноску для Сары.

Халах засобирался. И правильно, завтра мы опять встретимся, чтобы подготовить как можно больше груза для степняков, раз такая okazия вышла. А часть каравана, ведомая Фархом, еще до света спешно тронется в обратный путь, ведь племя надо предупредить.

Закончить вечер спокойно не удалось. Тишка вцепился в Дораша, вознамерившись его не отпускать. Правильно, а кто будет для них тяжести таскать, я? Хватит нам чужаков в доме!

Фарх-ар, привыкший в своем курятнике к беспрекословному подчинению, впал в неистовство, даже Сары не убоился. Когда Дораш заслонил Тита от кулака бесноватого папаша и принял удар, я явственно слышала, как что-то хрустнуло. Оставалось только надеяться, что это не грудина бедняги. Мгновением всеобщего шока и воспользовался Тит.

Ух ты, он и так может?! Перед Фар-ахом стоял уже не тонкокостный парнишка, а само воплощение Раштита в золотом сиянии. Даже домашние тапочки выглядели сшитыми из меха солнечного зайца. Тишка скользнул по мне ощутимо горячим взором и подмигнул. Ошеломленные степняки, враз осознавшие, что перед ними бог, повалились на колени.

Вот где он этому научился, паршивец? Помариновав гостей пару минут Раштит величаво молвил:

— Я не сержусь. Встаньте. Взамен Дораша вторая жена принесет тебе двойню, Фарх-ар. Кроме этого, велю взять на воспитание еще троих, тех, кого преподнесет тебе судьба. Ты сможешь. И будет у тебя пятеро сынов, как ты и мечтал. Все будут удалы и талантливы.

— Что значит взамен Дораша?

— У твоего старшего сына иной путь, степняк. Не становись помехой на этом пути. Не прощу!

Ну да, для отцовского энтузиазма этого одержимого и пяти

сыновей маловато будет.

— Будет недостаточно, еще подкинем, — хихикнуло в голове.

— Откуда бы про двойню знаешь?

— Рушат у Сиштиры спросил для меня. Беременности — это ее забота.

Вечерние посиделки получились какими-то грустными. На всех произвело тягостное впечатление прощание со степняками, котрые уходили огорченными и обнадеженными одновременно. Бог подкинул им тем для раздумий.

Подлеченный Дораш молчаливо сидел в кресле, у парня явно болела душа. Он морщился и покряхтывал, и лишь иногда вяло кивал, слушая, как мы на пару с Сарой объясняли Титу, как он неправ.

— Но Дорашу же было плохо в степи, теперь он может жить здесь. Что не так? — Тит вяло отбивался от наших аргументов, вредничая.

— Ты это сделал для себя, а не для Дораша, вот что не так. — Кира хлопнула Тишку по плечу, — маленький еще совсем, раз не понимаешь. — Ну что, шуни, — обратилась она к степняку, — будем держаться вместе? Примешь меня, как ваму? И не грусти, все образуется. Из семьи же тебя никто не выгонял. Зато мы теперь сможем учиться. Вместе.

— Я же не маг, как ты, вама Кира...

— Знаешь, — Ваен задумчиво вглядывался в парня, — мне кажется, это не совсем так. Что-то особенное в тебе определенно есть.

— Хочу на лекаря учиться, — вдруг подорвался с кресла Дораш и тут же плюхнулся назад смутившись.

Ну вот, кажется мы присутствуем при рождении новой легенды. Лекарь-степняк, подумать только. Тишка! Во что ты нас всех втравил?

Часть 44

— А это тебе вама Нина свитер связала...

Мстительный боженёнок! Лишь бы от себя внимание отвести, раз ругают! Вот только закрепила последнюю петлю!

Ах, как я с цветом угадала. Красный очень к лицу таким колоритным блондинам. Смущенный Дораш с любопытством разглядывал себя в зеркале дивясь непривычной одежде, у степняков одежда на запах, как кимоно, а тут все цельное и даже шею прикрывает непривычно. Вот такой прием в семью получился. Парень устал и от нашего внимания и от впечатлений. Такой крутой и внезапный поворот в жизни кого угодно с ног собьет.

Да и нам всем пора на отдых.

— Тишка, Дораш спит с тобой. У тебя кровать большая, поместитесь. Завтра придумаем что-либо, а сейчас — брысь мыться.

Утром, после завтрака, Дораш выложил на стол несколько крупных монет.

— Дед велел. На мое содержание. — Шуни степенно подвинул деньги, — но я буду работать.

— Конечно, будешь, — Кира взъерошила еще не заколотые светлые волосы, — Нина нам всем продыху не даст, не сомневайся.

— Ничего, осталось недолго. Вот отправим подарки, устроим Сару и будет у нас большая прогулка, — какое наслаждение видеть поутреннему энергичных домашних, — А еще, надо бы на равнину за запасами съездить. Раз мы теперь контрабандисты.

— Это плохая шутка, дорогая, — голос Ваена был неожиданно суров, — я верноподданный короны, мне неприятно это слышать.

— А это не вполне шутка, Ваен. Смирись. Как еще назвать провоз товаров в обход официального способа?

— Почему товары? Это же подарки!

— Ваен, ты думаешь, мне дадут ограничиться только этим, раз уж образовался такой канал связи? Так почему бы не заработать немного? Если корона создала патовую ситуацию с провозом необходимого в степь, то рано или поздно сыщется способ ее, эту проблему, обойти. Вот — нашелся. Или ты против сотрудничества с горными людьми?

— Нина, ты не понимаешь, — Тишка лукаво щурился, — власти десятилетиями ищут способ наладить отношения с горными, а ты появилась, и раз!

Ишь ты, как акценты расставил, манипулятор!

— Это я тебя перенес!

— Не ври, мелкий, ты меня не выбирал, ты абсолютно все перепутал. Просто тебе несказанно со мной повезло, вот так! — Фух, спасибо, родной, удержал от ссоры с Ваеном. — Собирайся-ка в храм, солнце.

— А с кем?

— Один! Ишь, разбаловался.

— А ты?

— Я за покупками, с Ваеном, если он не против потрудится ради связей с горными людьми. — Подначивать Ваню не лучшая идея, но как удержаться, когда он так подставился?

— Тогда с Дорашем... — Тишка пытается торговаться? Это что-то новенькое. Куда делся мой послушный мальчик?

— Дораш и Кира остаются дома. Будут товар принимать. Никуда не денешься, придется использовать доставку.

— Я схожу с Титом, — Гунар опять выступил в роли миротворца, — только давай сходим в главный храм. Там недалеко есть книжная лавка, может быть, подберу что-нибудь по Саринной проблеме. Хитрющая Тишкина мордуленция не оставляла сомнений — что-то задумал, и, надо полагать, спутник его устраивает.

Делать покупки с внушительным, хоть и очень скромно одетым Ваеном одно удовольствие. Только наличие фибулы мага на его плече сокращало время торга втрое. И никаких опасений, что при доставке мой товар «совершенно случайно» подменят или потеряют.

Давно мы не оставались наедине, пожалуй, мне этого не хватало, взрослого общения на равных. Когда-то я пообещала себе, что не стану выпрашивать, почему Ваен живет с нами. Маг, аристократ, хозяин каких-то там владений, а вот поди ж ты, печку топит, гречку с луковой зажаркой трескает, теперь вот, овощи телегами закупает. Но про шхуны спросить-то можно. Рыбный промысел должен быть доходным.

— Эти две лоханки, дорогая, едва обеспечивают пропитание для этих рыбаков. Положенная треть идет сюзерену, то есть мне, а остатка им самим едва хватает. Даже если бы и оставалось что-то на продажу,

им улов не вывезти. Только пешие тропы в горах.

— Ну вот! — не лопнуть бы от распирающего азарта, — тебе уже есть что предложить горным людям. Или давай я буду у твоих рыбаков скупать излишки.

— Да у тебя и денег-то нет, — вот тут мой ехидный друг прав, сто раз прав, нынешняя закупочная вакханалия возможна только благодаря деньгам от Гунара. Своих доходов у меня еще нет. Во всяком случае, достаточных чтобы прокормить себя и Тишку. Кира и Дораш могут и сами понемногу зарабатывать. А мне надо много! Иномирянка желает жить комфортно, а это всегда дорого стоит.

— Кстати, о деньгах. Мне за этот свитер, который ты связала, недавно целый большой золотой предлагали.

— Сколько? — Большой золотой кергон! Этого хватит, чтобы забить продуктами пять телег, если на равнину поехать.

— Не возбуждайся, я сказал, что заплатил три. — И отвернулся.

— Ваня, а Ваня, — тьфу, заныла прям как прынцеска из мультя, которую великолепная Татьяна Васильева озвучивала. «Ваня, я ваша на век!» — у меня пряжи на одну вещь осталось и я Кире обещала. Фарх-ар больше слать не станет, обиделся. И что делать?

— Нин, ну ты иной раз такая дура! Фарх-ар, что, единственный степняк на рынке? Да за бочонок квашеной капусты тебе целый тюк этой пряжи приволокнут! Но ты не думай, что отец Дораша такой недалёковидный псих, он теперь не отвяжется и других торговать к тебе не подпустит. Особенно теперь, когда ему пять сыновей напророчили.

— А какого размера вязать?

— Делай как на меня, только в поясе поуже.

Если сворачивать время, то дней за шесть как раз управлюсь и вложу деньги в бизнес. Эх, рыбки бы еще оптом...

— Но сначала все равно Кире, ладно?

Кира — семья, это осталось невысказанным, но Ваен, кажется, и без слов понял.

— Вама, — голос Тита в голове был крайне неуверенным, — Гох просит своим морякам помочь. А я не знаю как.

Гох? Бог воды просит помочь морякам? Сюр какой-то.

Оказывается, судно потеряло управление и дрейфует в холодном течении. Шестнадцать рыбаков просто замерзают, нечем поддерживать даже малый огонь, чтоб согреть воды, ведь выход в море планировался

на день максимум, а не на трое суток. Запаса топлива, соответственно, нет. И мага на борту такого нищего суденышка — тоже. Им даже причалить некуда, везде отвесные скалы. Гох ускоряет дрейф, как может, но так, чтобы не нарушить существующее равновесие.

— Тиш, не паникуй! Покажи мне это судно. — Помогать надо в любом случае. Шестнадцать семей с детьми и стариками, отчаянно молятся на берегу, уже практически утратив надежду.

Ваен не дал базарной толпе меня затоптать, видел уже, как я внезапно впадаю в ступор, сосредоточившись на мысленном общении с Титом. Оттащил куда-то, прикрыл от толчков широкой спиной. Это я отметила с благодарностью, но мимолетно. Перед глазами было типичное средневековое судно, некая смесь баркаса и китайской джонки, только без весел. Задранная корма с навесом, вялый веероподобный парус, потемневшая от старости да влаги древесина. И люди, жмущиеся друг к другу в поисках хоть какого-то тепла. От них даже через видение Тишки веяло предсмертным отчаянием.

— Просто несколько часов до удобного берега, говоришь? Покажи это Ваену.

Тит не только показал, но и сумел соединить нас всех подобием конференц-связи. То, что я себе представляла было доступно и Гунару, и моему спутнику. Когда-то Ваен и Гунар заверяли меня, что легко смогут сделать силовой купол для оранжереи. Есть-де такие артефакты. А без? Моя безумная фантазия заключалась в том, чтобы накрыть бедолаг теплоизоляционным пологом. А Тишка сработает за обогреватель. Но как это сделать на расстоянии?

Маги что-то обсуждали профессиональное, а я убеждала Тишку усилить «солнечность» хотя бы над людьми, направленным, так сказать, потоком. Ну и что, что в другом месте посмурнеет, это ведь не навсегда, зато люди продержатся еще немного, пока маги изобретают.

Купол с помощью Гоха развернуть удалось. Точнее, его развернул Ваен прямо посреди людной толпы. Интересная штука, и вовсе не как полиэтиленовая пленка, и не мыльный пузырь. Скорее, энергетическая марля. Народ проходил сквозь нее, совсем не замечая, лишь некоторые, особо чуткие передергивали плечами. Я даже не успела толком рассмотреть это чудо воочию, как она, раз, и исчезла, накрыв несчастных моряков по типу своеобразной теплички. Вот вам и божественный промысел в буквальном смысле.

— Все, Нина, очнись. Остальное за Гунаром и богами, а у нас дела, знаешь ли. — Ваен ощутимо встряхнул меня, выдергивая из навеянных Тишкой видений. Представляю, как со стороны выглядела наша скульптурная группа. А, не важно. Подумаешь, обнял мужчина свою женщину, прикрыв от толпы. Зато краем сознания я заметила, как скрюченные холодом рыбаки пытались повернуть лица к солнцу.

— А что Гунар, может лечить на таком расстоянии? Ты сам, кстати, как? Много силы потратил?

— Раз Гунар их видит, а он их видит, то может и подлечить. Наверняка все простужены, так что к ужину лучше что-то легкое и питательное, бессилие неизбежно.

Да не вопрос, хотя мне проще ему энергии впихнуть, и Ваену то же. Хватит, наверное, шифроваться от него. Ну вот такая у меня магия, подкормочная. Из полезного для себя только время могу скрутить, как мне удобно, и то по наитию, а не на заказ. Тут Тишка недоработал, да.

Как мы и предполагали, Гунар с боженёнком еще не вернулись, значит, пока все хорошо, значит, пока есть кого спасать. Кира и Дораш, уставшие, но непокоренные, раскинулись в креслах, ловя момент для отдыха. Ведь эту груду продуктов, которую они перетаскали от калитки, еще надо подготовить для транспортировки. А как? Я абсолютно себе не представляла, как это лучше сделать.

Рорир появился в кухне внезапно. Меня-то вызвать он никак не мог, нет такой опции у артефакта-булыжника, вот и пришлось ему самовольничать. Сара не в обиде, а это главное. Гора продуктов произвела на самозванного руша неизгладимое впечатление, на меня, признаться, тоже, когда я осознала, сколько всего накупила мелкими партиями. Ни от одной крупинки ни за что не откажусь! Зря мы вчера на Тишку из-за Дораша наехали. Сейчас вот, радуюсь, что не только людям помогаю, но и фундамент собственного благополучия закладываю. Чем эта ситуация отличается от вчерашней? Ладно, раз неправа, буду извиняться перед ребенком.

Рорир прибыл с подарком. На рушей такое впечатление произвела моя зелень, что они притащили мне грунт по собственной инициативе, надо заметить. Просто от широты души приволокли около кубометра перегнойной почвы. Они такую для подкормки своих грибниц используют. А упакована эта чудо-землица в плотные мешочки, в самый раз, что бы поднять без ущерба для здоровья. Я оценила. И тут же себе

пообещала, что половину нового урожая отдам этим щедрым людям.

Насчет упаковки подарков мне было велено не беспокоиться. Ночью, когда мы будем отдыхать, все заберут. У них свои методы транспортировки, а если уж так интересно, то...

Десяток кочанов капусты взлетели, их охватила силовая сетка и поплыла эта авоська на выход, следуя за Рориром, как привязанная. Еле успела ему площадку с подросшим укропом в руки впихнуть.

Гунар и Тиша вернулись затемно. Усталые, довольные и голодные на совесть.

— Вама, — кричал с порога боженёнок, — я понял, я понял, как ты хочешь, чтобы солнце светило! — И тут же сник. — Я пока так не смогу. Долго.

— Ты мой герой! — Обнимашки со всеми — обязательная часть программы, да. Даже Сара подплыла похвалить мелкого, пощекотав своей энергией. Вот, лизун.

— А ты выбери себе один участок, вот хоть в угодьях Ваена и тренируйся там. — Гунар был доволен, это очевидно, — ты себе не представляешь, Нина, чего стоило удерживать Тита от опрометчивого желания поддаться жару.

Боженёнок, в ответ, изобразил, что осознал и раскаялся. Эх, учить его и учить. И в первую очередь чувству меры.

— Ну, так люди спаслись?

— Когда пришло время заката все были бодры и здоровы. Голодны, это да. Но до своего берега они точно дотянут. Дальше уже забота Гоха.

— Ух, Нина, сколько мне молитвенной силы сегодня прилетело! И Гоху тоже. А еще мы Дорашу книжку купили, будем в чтении практиковаться, надоело про мешки овса читать в этих глупых тетрадках!

Утром кухня была девственно чиста. По-моему, руши даже подмели за собой. Ну вот, осталось дожждаться Некрира, но это вечером. А пока — на рынок, проверять бизнес.

Аниза меня побила. Дочка Нитты выразила таким образом всеобщее недовольство моим долгим отсутствием. Кстати, Дораша она еще и покусала. А партнерши мои были весьма собой довольны, когда выложили передо мной несколько цалей.

— Твоя доля барыша за эти дни.

— Весьма прилично, весьма! — Есть повод для гордости. Это ведь

практически без моего участия.

Несложный и очень приблизительный подсчет показал, что суповой бизнес на нашем «Предгорном» достиг своего потолка. И это огорчало. Развиваться дальше можно либо открыв хоть махонькую, но едальню, или надо искать выход на другую площадку. Ссыпав половину вырученных монет в плошку, объявила, что вкладываю их в дальнейший рост. Раз столовка нам не по зубам, будем расширять ассортимент. Пирожки моим девочкам печь пока негде, а вот блины... Надо только поставку молока наладить.

Пообщалась с братьями, которые искренне радовались возвращению Киры. Вот еще одна проблема. На мои задумки у них навыка не хватит. Им тоже, как и Кире, надо в учение, но учить ремеслу их никто не станет, даже за деньги. Мастеров по металлу на «Предгорном» хватает, зачем плодить конкурентов. А то, что парни могут делать сейчас, не развиваясь, их не прокормит.

Этот грустный настрой поправил дядька Тулак, показавший алтарь Раштиту. Быстро они и это хорошо, дело теперь за Гунаром и его магией. Обещание есть обещание. А потом он займется проблемой Сары, которая изнывала в ожидании.

Сбор великих и могучих произошел как-то буднично. Некрир явился быстро, я только и успела, что спеть для Гоха. В благодарность, за то, что привлек Тишку к полезному делу и подал пример, как надобно на людские молитвы отвечать.

Старейшина рушей загорелся идеей, еще один юннат, надо полагать. Я своим ушам не верила, но больше всего дебатов вызвала форма артефакта, а не его изготовление.

— Крупный кулон или навершие шпильки, чтобы Саре все видно было! И никакого красного стекла! Только прозрачный хрусталь!

— Хорошо, хорошо, детка, не горячись! — Некрир с видом всеобщего дедушки поглаживал мое плечо. — Мы все подготовим и наш новый друг Гунар присоединится к нам в пещерах.

Ваен и Халах завистливо вздохнули.

— Здоровенные и высоченные, потому их не позвали, — пояснил мне эту грусть-печаль Тиша, — в проходы не поместятся, а наш дедусь как раз роста подходящего.

— За зелень тебе отдельное спасибо, детка. И за свежие овощи. Устали мы за зиму от мяса и грибов. Кстати, вот, тебе Рорир передал...

И у этого пространственный карман, одна я, как лох печальный, все в руках таскаю! Силовая авоська разомкнулась и на стол, как пинг-понговые шарики, посыпались шампиньоны. У Тишки аж нос зашевелился, как у крольчонка на неповторимый грибной дух.

Через три дня мы проводили Гунара в горы.

Часть 45

За за эти три дня я умоталась так, что клятвенно пообещала себе выходной.

Дораш неожиданно увлекся моим огородиком и мастерская братьев была надежно забыта. Казалось, что ему вообще не хочется никуда выходить, и это можно понять — переживает. Такой резкий поворот в судьбе!

Тишка, естественно, от степняка не отлипал. В храм не хочу, я и так все слышу, ничего интересного. С Гунаром и Кирой в мастерскую не хочу, ну и что, что там ему алтарь делают, без него сделают. Раз Дораш читает, значит и Тит рядом губами шевелит от усердия, раз Дораш, идет со мной покупать подходящие плошки для выращивания зелени, то и он следом. С Тишкиной же легкой руки, точнее, бескостного языка, Дораш постепенно переименовывался в Доша, а у меня так и вовсе получалось — Дюш. А то что, у всех имена короткие, а степняк будет длинным щеголять? Семья мы или не семья?

Мне-то в отдых среди зелени со спицами посидеть, но длительное пребывание в четырех стенах чревато перегревом для одного юного организма. Вот так и пал один из кустов драгоценного картофеля жертвой божественного энтузиазма. Дернул же меня черт про ультрафиолет и его пользу для всего живого рассказать! Угу, а про вред — как-то позабыла, балда. Окрыленный успехом с моряками Тишка и рванул ублажать мои посадки. За пять секунд иссушил один куст до 3-D гербария. Юн-нат!

Но без добра худя не бывает. Естественно, я повопила немножко, побегала по потолку, пытаясь надрать кое-чьи уши, даже всплакнула, ведь столько надежд, столько надежд! Потом отвесила себе мысленного пенделя, чтоб не смела эмоциональную Сару расстраивать и Тишке душевные порывы обламывать, извинилась и полезла посмотреть, завязалась ли уже картошечка и сколько ее там. Завязалась. Вполне себе обильно, но, вопреки ожиданиям, ничего фантастического. Семена-то дрянь. Не голландский сортовой картофель, чай, а так, нечто бросовое. Заботливому Рушату надо еще подношение отнести, если бы не он, то и этого бы неросло.

Была и еще польза. Я, от того же дурного энтузиазма, заливала несчастные растения до готовности всплыть, а о достаточном дренаже не позаботилась, опыта маловато. Гунар-то ответственный, хорошо все загерметизировал. Ваен, к тому же, счел за плюс то, что у Тишки появился еще один навык в дозировании мощи и понимание о вреде бездумных усилий. Опыт достаточно безобидный, но наглядный. Так и придумались эти упражнения для деятельного боженёнка. Теперь у нас всяческий розжиг и нагрев — его работа. Чайник закипает быстрее электрического, правда, сначала пришлось его отнести Дуку, чтобы носик распаявшийся залудил. Кира смеялась — если что, Тишка и без горна плавку сделает, ему мехи качать не надо.

Известие о том, что алтарь Раштиту оружейники закончили дядька Тулак принес в обед. Мы с Ниттой как раз начали обслуживание, сегодня я подменяла Варнаю.

— Ну и когда торжественное открытие? — Этот вопрос для присутствующих оружейников стал откровением.

— А что, молодка, — степенный Тулак гусаристо подкручивал ус, — возьметесь пир устроить, как прошлый раз?

Опа. Я, вообще-то, имела в виду патетическую речь перед паствой или что-то типа того. Но раз народ хочет праздника, отчего бы и нет? Надо же проявить солидарность с теми, кто так самозабвенно и задаром творили чудо для всех. Тем более что ничего, кроме привычного труда от нас не потребовалось, даже пластать мясо для барбекю. Мужики прислали сыновей-подростков с острыми ножами. За болтовней выяснилось, что один из ребят не местный, а пришел в гости к двоюродному брату, что у его отца и деда столярная мастерская где-то там, на таком же, как наш, рыночке, только в нижнем городе.

— А правда, что вы раньше эту похлебку вразнос торговали? Вкусна-ая! Жалко, у нас нет такой.

— А что, полагаешь, покупали бы? — Нитта, похоже, что-то задумала, но это прошло как-то мимо мозга, ибо душа ныла от ностальгии. Столярка, скрипучие верстаки, запах смолистого дерева, золотистые кудели стружки... И никаких искр, вони разогретого металла и вездесущей сажки, эх...

— Нина, Ни-на, очнись! — Нитта сунула мне под нос разрезанную луковку вместо нашатыря, — парни не против поторговать нашим супом на «Придорожном». Сварить не штука, а как горячим сохранить?

Далековато везти.

Да? Мысли завертелись, идеи заметались роем мошек-дрозофил, также быстро размножались и еще быстрее отмирали, хотя решение, в общем-то лежало на поверхности. Раз термосов тут пока не изобрели, кстати, надо озаботиться, будет просто тележка, а в ней слабенький печь-камень и специальная кастрюля-непроливайка. На это у Дука и Бада навыков хватит, а уж чертежами я их обеспечу. На том и порешили, мой вклад — тележка и продукты, остальное — забота Нитты и Варнаи.

На открытие нового алтаря оружейники пригласили и стражу, и мытарей, и даже степняков, в благодарность за дешевое мясо. Толпа собралась приличная для нашей узкой улочки — прохода, потому и чужих пока не пустили. Закрытая вечеринка, мда. Осознавать себя «своей» было неожиданно приятно.

Невысокий постамент с отлитым из металла символом солнца меня поразил. Это было совсем не то, что нарисовано в моих почеркушках. Медник, клепавший замечательные сотейники и черпаки, оказался художником! Это не просто декоративное обрамление для факела, это искусство. Каждый из затейливо изогнутых символических солнечных лучей покрыт выразительной чеканкой. Глазам не верю, но каждый лучик был биметаллическим: бледно-желтая латунь и красная медь сменяли друг друга, создавая иллюзию пляшущих протуберанцев. Если бы я не знала, что температура плавления меди больше тысячи градусов, я бы подумала, что это отливали струйно, как двухцветную карамель. Хотя, кто знает...

Вот в специальное отверстие упал первый жертвенный кусочек угля, вот второй, третий и пламя вспыхнуло так, как возможности артефакта не предполагали. Паства, окружившая новый алтарь ахнула, оружейники, принимавшие участие в изготовлении и пробах, отшатнулись, даже Гунар, повешенный нами в сущность предстоящего шоу несколько растерялся. Каюсь, подбила Тишку на спецэффекты. Вот пламя выровнялось и приняло ожидаемые формы, вот дядька Тулак, видимо, как старший затянул незнакомый речитатив:

Солнце в небе — кипит работа в руках,

Оооо — согласно подпевали степняки, не знающие, видимо, слов.

Солнце в небе — волнуется жито в полях,

Оооо

Солнце в небе — густа трава на лугах,

Оооо

Солнце в небе — цветут эдельвейсы в горах,

Оооо

Солнце в небе — огромны стада в степях...

Оооооооооооо

И так далее минут на десять. Басовитый хор луженых мужских глоток, привыкших перекрикивать звон молотов, в едином порыве ревел приветствие Солнцу с таким искренним чувством, что я ощутила себя маленькой девочкой на параде 9 Мая, когда толпа гремела многократным УРА.

— Тиш, Тишенька, держись, миленький, ты сеетишься. — Накинуть на искрящиеся кудри капюшон плаща даже и не подумала, а вдруг загорится? В честь своего праздника боженёнок эпатировал публику распущенными волосами. Пальцами на него показывали, да. Но этот юноша, почти отрок, имел такой уверенный и самодостаточный вид, что с замечаниями к нему не лезли. И вот теперь в этих кудрях то тут, то там вспыхивали искры.

— Вама, я сейчас лопну, такая сила! — Тит благоразумно опустил глаза. Хоть бы подол кому не спалил, взгляд у него в такие моменты — как луч солнца через линзу.

— Ну страви маленько, сделай вспышку света, или огненный знак в воздухе сотвори! Только сам не вспыхни.

Эх, надо бы силу на дело направить, но с ходу ничего путного не придумывалось, а перед глазами почему-то стояло масленичное огненное колесо-шутиха.

Сотворил, подлец! Из желтого, почти белого огня. Точную копию металлического солнечного круга, только вертикальную и в три раза больше. Эта штука из плазмы вращалась, змеилась длинными лучами, стреляла крупными алыми искрами, но крышу навеса оставляла целехонькой! Растет мой мальчик, учитывает последствия.

От потрясения хор затих, вслед за пением угас и символ солнца, оставив на кладке стены выплавленный в камне отпечаток.

— Солнцеликий принял жертву, принял... — понеслось сквозь толпу, день-то базарный.

Радость оттого что Раштит благословил оружейников и прочих причастных захлестнула всех, тем символичнее им казалось угощение,

приготовленное на открытом огне. Гуляли до самого темна, ели, пели, радовались необычно яркому солнцу. С поклоном встретили закат и разошлись довольные и одухотворенные. А в голове все еще звучали роскошные искренние песни, казалось, горы возвращают эхо услышанного.

Жаль, жаль, жаль что такой замечательный праздник не увидела Сара. Как ни тужься, а словами не расскажешь, особенно на чужом языке.

После праздника Гунар, полный решимости улучшить жизнь своей подруги, ушел в недра к рушам полным. А мы остались ждать.

После открытия алтаря Тит изменился. Чуткая Сара первой уловила перемены и не стесняясь нахваливала мелкого. Еще вчера он скакал как дитя, которому лет десять-двенадцать, а сегодня к завтраку сел сдержанный молодой человек, такой же степенный, как Дораш. А Дюш у нас парень, взрослый, почти самостоятельный, мнению которого я уже научилась доверять. Степняк, очень это ценил, не привык, что от него ждут чего-то, кроме повиновения. Как его отец собирался из сына лидера делать при таком воспитании? Ума не приложу.

Часть 46

Как-то сама собой выработалась привычка хотя бы четверть часа проводить на утесе, ловя момент еще светлых сумерек. В эти минуты одиночества можно позволить себе побыть самой собой, ведь даже Саре на утес ходу не было.

Тяжело все время находиться на глазах у людей, которые от тебя так зависят. Раньше, дома, бóльшую часть свободного времени я наслаждалась независимостью. Сейчас приходилось нахально сворачивать время, чтобы посидеть на утесе столько, сколько просила душа. Мне было о чем подумать. Молодое тело диктовало свои правила, взбодрившиеся гормоны не хотели считаться с опытом жизни старой тетки, бередя смутные ожидания. Слава богу, на Ваена, как на мужчину я не реагировала. Ваен друг, брат, даже немножко сын. Хотя хорош, чертяка.

Опекать ребят и Гунара мне нравилось, но это суррогат. Суррогатом была наполнена моя первая жизнь. Старенькая мама, крестница... Мужчины, конечно, появлялись, но быстро исчезали, поняв, что у вот такой, толстой и хромой женщины имеются довольно высокие стандарты, а предполагалось — именно я стану под них гнуться. Но, лучше об этом не думать, это уже прошлое. Настоящее же пугало неопределенностью.

Жизнь есть жизнь, тем более вторая. Рано или поздно придется выбрать мужчину, а те, которые меня сейчас окружали были примитивны, как гвозди. Где взять того, кто примет нас со всем табором? Тем более что у меня Тишка. Он, конечно, изменился, но надолго ли?

Разгадка поведения Раштита пришла неожиданно.

— Не волнуйся за него. Хуже теперь не станет.

Чудом удалось усидеть и не скатиться к обрыву, то есть не чудом, а вполне конкретной рукой, удержавшей за шкибот. Черт, больно! Косу прихватил. Ходить дома с головой утыканой шпильками? Увольте.

Хватка тут же ослабла.

— Прости, не хотел пугать.

Это что, я так задумалась, аж прошляпила появления незнакомого

руша? Но ничего не гудело, я уверена.

Видали? Уселся прямо на камень, а на самом лишь рубашка и портки, заправленные в невысокие сапоги. Ни плаща, ни бурнуса.

Гость как-то нехотя хохотнул.

— Заботливая. — И снова хохотнул, как будто камушками погромел.

Вечернее розоватое облако выпустило на волю ущербную луну и стало светлее. Незнакомец, не пряча усмешки, терпеливо позволял себя разглядывать. Типичный руш. Большеухий, с крупными кистями на не таких уж мощных руках. Руки длинные, длиннее, чем у обычных людей такого роста. Хотя, рост-то и не виден — сидит себе товарищ по-турецки. И что очевидно, не мерзнет. Лицо, как лицо, с тяжелой челюстью канадского хоккеиста, нормальное лицо, а вот глазки суперские. На два зрачка каждый.

В себя пришла от того, что резко утратила зрение. Точнее, рука гостя прикрыла мне глаза.

— Не смотри долго, людям вредно.

— Спасибо! — Действительно, спасибо, меня, кажется, спасли от неконтролируемого транса. — Людям? А вы кто?

— Гох говорил, что ты не догадаешься. Я не верил.

Да ладно? Не может быть, потому, что не может и все!

— Рушат? — Ох, да что же ты, Нина, расселась, надо же поклониться.

— Не надо. Нам все равно. Поклоны люди выдумали сами. И подношения нам не нужны, их все равно люди же и забирают.

И что привело ко мне бога? Ой, точно, он же, как Тишка, все слышит, если хочет.

— Смешно ты его зовешь. Мне нравится. А пришел потому, что мне интересно. Любой человек или руш уже бы со страху в конвульсиях бился. А ты переживаешь, не холодно ли мне.

— Да поняла уже, что не холодно. Это твоя истинная форма?

Эт я с богом на ты? Трындец, я безбашенная... Хотя Тишка никогда не возражал. И дома к Богу всегда на ты обращалась. Наверно, стереотип сработал, не иначе.

— Так меня представляют себе люди.

— А-а... А глазки?

— Теперь я окончательно понял, почему к тебе Раштит так прилип.

Ты непредсказуема.

Да-да, я — умненькая дрессированная скотинка, не только еда, но и развлекаловка нон-стоп.

— Не злись. Местные людишки не такие. Вот ты и выделяешься. А глаза я могу любые сделать, мне без разницы. Сейчас удобно, когда есть дополнительное видение в инфракрасном диапазоне.

Угу, а если надо, будет сканер УЗИ. Что же это за существа такие, эти боги.

— Про нашу расу я тебе как-нибудь потом расскажу, не надо тебе это сейчас. Ты вот все спрашиваешь, как с Раштитом быть.

Когда это? А, ну да, постоянно же об этом думаю.

— Ты все правильно делаешь. Теперь станет легче. Сама же заметила, что он меняется.

— Заметила. Это как-то связано с новым алтарем?

— Это связано с силой, которую Раштит получил и сумел удержать. Вот он и повзрослел на этой силе.

Твое ж волшебное число «пи»!

Минуточку! Значит, Тишка голодал. Помереть ему не давали, а на минимуме подпитки пребывал в состоянии ребенка? Даже когда меня воровал? Потом подъел с моей помощью, очеловечился и опять замер, уже подростком? Внешность со статуи срисовал. А нынче, значит, до нового уровня прокачался. Нет! С этой мыслью надо переспать. Раз несколько.

— Ты многое правильно угадала. Там, в твоём мире все такие?

— Не заговаривай мне зубы! Скажи лучше, а почему Титу удалось так легко меня украсть? На Земле таких как вы нет?

— Не знаю. Наверное, нет. Я еще молодой, но слышал, что когда опекуны мира небрежны, люди умудряются придумать себе иных для поклонения.

Ага, о стаде не заботились и стадо создало себе кумиров. Питание иссякло и «опекуны» слиняли, оставив мир на произвол людской глупости. А-ащц!

Даже в момент попаданства материться так не тянуло, но сейчас... Пожалуй, мне пока действительно лучше не знать лишнего об этих существах, тудыт их...

Рушат благоразумно дал осесть этой мысленной пене, и как ни в чем не бывало продолжил:

— Не суди, у нас не принято вмешиваться напрямую.

— Мы с Тишкой вмешивались и ничего. Это вы сами себе правило придумали, чтоб свой непрофессионализм оправдать. И вообще, какого черта вы Раштита в такую задницу загнали? Кому от этого стало хорошо? Вам? Стало больше силы перепадать? Миру стало хорошо? Да люди погибаются, пытаюсь выжить, а вы, опекуны и в ус не дуετε! Вы просто паразиты!

— Люди тоже паразиты, разве ваши стада не яркий тому пример? — Рушат говорил со мной тоном доброго старшего брата, не злясь и не обижаясь.

— С этой точки зрения — да, паразиты. Но люди свои стада берегут от хищников, подыскивают новые пастбища, лечат больных животных, заботятся.

— А скоту это зачем? — Насмешки в голосе бога не было, была грусть.

— А домашний скот, с помощью человека выживает, как вид, и распространяется, занимая все большие территории. Меня в школе учили, что это и есть высшая цель эволюции каждого вида. Разве нет?

Вдруг остро захотелось домой к Саре, к Кире, к мальчикам. Ну их, богов этих. Сейчас у меня нет на это сил, у меня другие задачи. Всех людей не потяну, а свою семью из болота вытащить должна.

Могло и показаться в сумерках, но Рушат, как будто, смутился. Он все так же сидел по турецки. Молниеносный взмах кулака, удар о твердь каменного монолита и перед ним образовалась «лужица» мелкой-мелкой каменной щебёнки.

— Вот. Подбери и клади по крошечке в свои горшки с зеленью. Ты же рушам половину обещала. Я заинтересован в этом, они мои особенные подопечные.

Да поняла уж, по образу, как говорится, и подобию.

— Спасибо, сделаю, раз ты велишь.

— Не за что. Ты мне нравишься. Рад, что не дал помешать Раштиту в его затее с переносом. Своего человека жди скоро и с удачей. — Бог тверди текуче поднялся на ноги. — Бывай, иномирянка, теперь нескоро увидимся.

— Почему?

— Буду занят в горах. Надо одно месторождение поближе к рушам подвинуть, а то они его никак найти не могут, — и засмеялся не к

месту. — Не бойся, здесь трясти не будет.

Ну не будет и хорошо, я еще испугаться-то не успела. И заметить, как новый знакомец растворился в каменной стене — тоже.

Часть 47, последняя

Божественное «скоро», пожалуй следует понимать буквально, а значит в доме опять будут гости. Что бы такое приготовить на ужин? С запасом. Пожалуй, блины. Соленая рыбка есть, капустно-грибной начинки наделать не штука, а Дюш давно хотел поучиться.

Кира с Тишкой подрались за место у плиты. Наемница довольно скоро устала терпеть петушистые наскоки самоуверенного юнца и скрутила его в клубочек. Балбесик та-ак удивился! Привык, понимаете ли, что ему дают все и сразу, стоит только ми-ми-ми включить.

Вот такую картину и застали вновь прибывшие. Хохочущая Кира, хохочущий в жестком захвате Тишка, улыбающиеся на все шестьдесят четыре Ваен и Дош.

Гунар и бровью не повел на этот сюр, а Некрир с Рориром слегка растерялись, ну и ладно. Вот такая у нас семейка.

За ужином все предупредительно избегали самой главной темы, Сара вела себя безупречно вежливо и с видимым интересом слушала рассказ Гунара о жилищах горных людей.

— Те, кто создавал эти пещеры, — говорил старый дядюшка, — обладали поистине божественной мощью, ума не приложу, как это можно сделать силами обычных магов...

Вдаться в подробности Гунару не позволил Тит, он ведь чувствует всех и нетерпение обожаемой Сары тоже.

— Показывайте скорее, Сара уже извелась совсем, того и гляди, опять подпитывать придется.

Недоумение, вот что было на лицах всех присутствующих, ведь призрачная дама проявляла чудеса доброжелательности и выдержки. Даже Гунар, который знал ее, пожалуй, лучше всех нас, повелся на эту маску. Сара благодарно трепыхнула одежками в сторону божененка.

Артефакт полностью отвечал моим требованиям и все же кардинально отличался от того, что я себе напридумывала. Воображение рисовало стеклянное нечто, похожее на сплюснутую реторту, только без длинного хвостика и на цепочке. Ошиблась. На столе лежало определенно украшение. Очень похоже на карманные часы с цепочкой, только хитрее. Эту штучку можно носить как

подвеску, а можно и как брошь. Отлично придумано, брошь не будет так раскачиваться, если прикалывать как камео, у самой шеи. Осталось только обзавестись подходящим платьем.

Металл основы явно драгоценный, спасибо Гунар. А верх — прозрачайшее стекло, украшенное каёмкой из хрустальной насечки. Осталось только испытания провести. Взмолванная Сара дрожала, я панически думала, как отделить от нее кусочек, остальные тоже не торопились с инициативой, полагая, что призрак сам должен решить проблему.

— Ну, откуда будем маленькую Сарочку отделять? — Действительно, откуда? Тит уже раскрыл артефакт наподобие двустворчатой раковины.

Понимаю, конечно, что Духу нигде не больно, но открямзить, скажем, мизинчик, мне лично трудно психологически. А кусок многослойных одежд не вызывает доверия, как носитель разума. Глупо, но я так чувствую.

— Может, прядь волос? — Укладывали же экзальтированные девы локоны в медальоны.

И Тишка дал знак начинать. Моя задача — энергия. Сара должна быть сыта до призрачной икоты, мы так решили на общем совете, а потом боженёнок просто защелкнул брошь на облюбованной пряди у виска. Локон исчез, а под стеклом за клубилась голубовато-млечная муть. Дружное АХ и пустой корпус для карманных часов стал выглядеть, как необыкновеннейшее украшение, почти грубое в своей простоте. Но изумительное качество исполнения и драгоценное золото говорили сами за себя, а хрустальные грани стали резче на фоне белесого содержимого, добавляя артефакту шарма и харизматичности. Каждому хотелось поддержать эту вещь.

За разглядыванием мы упустили из виду виновницу торжества, а Сара, кажется, истерила. Взмывала под потолок, потом снова к столу, вдруг развоплотилась до облака и собралась опять, вернув себе утраченный локон.

— Что? — подскочил к ней Дораш

— Голова кружится, — заявила наша ошарашенная подруга, — так странно видеть вас и сверху и снизу.

— Получилось, — удивился Рорир.

— Получилось, — вопил Тишка и кинулся обниматься к Гунару.

— Получилось, — шептал растроганный Гунар, — дайте Нине салфетку кто-нибудь, она плачет...

Естественно, мы собрались на улицу. Переполненная впечатлениями и «усталая» от непривычного двойного ракурса Сара с трудом удержала нас от прогулки в ночной город.

— Тогда на утес. Прости, дорогая, но очень хочется убедиться, что мини-Сара будет хорошо себя чувствовать вдали от тебя.

Думаю, что большая Сара тоже этого хотела, потому что решительно развернулась и поплыла в сторону дальних кладовых, где сундуки. Тишка рванул следом. Правильно, будет вести оттуда репортаж онлайн. Правда, для этого не обязательно держаться около Сары, с которой, очевидно, все хорошо. Но, раз ему хочется, пусть.

А на утесе все раз и примолкли растерявшись. И сунули мини-Сару мне, как идейной вдохновительнице. Очень к месту вспомнился куцый опыт съемок видео на телефон. Чтобы «кадр» меньше дрожал, прижала артефакт к груди, стеклом-экраном, естественно, наружу, встала на край утеса и обвела панораму ночных гор, лунявого неба, блескучей воды озера.

— Покажи звезды, — пришла команда от Тишки.

Ну вот и все. Получилось. Сара хочет звезды? Светилами лучше любоваться в положении лежа, а чтобы не трясло от моего дыхания, стоит положить «око» на камни.

— Сарочка, тебе видно?

— Ей видно, и слышно, между прочим, — ха, заскучал плутишка любопытный, а нечего было сбегать.

На ночном холоде возбуждение схлынуло, оставив удовлетворение и усталость. Руши отказались присоединиться к нашей компании на завтрашней прогулке. Они ушли в свои пещеры, выслушав неизмеримое количество благодарностей.

— Мы не ошиблись в тебе, детка, — Некрир устал, возраст, — Норд, которого ты считаешь своим предком, был бы доволен. Еще увидимся. — И шагнул в открывшийся проем.

Очень на это рассчитываю. На то, что увидимся.

Сама себе не поверила, но, кажется, я проспала. Ну и ладно. У нас ведь объявлен праздник и выход Сары в город. Как это приятно, просто полежать несколько минут и думать о том, как принарядиться, а не о капусте, кастрюлях и прочих заботах. Это ведь я еще не занимаюсь

уборкой и стиркой, девочки от этой доуки избавили. Магией.

Так, встаем, нас ждет чудесный день. Чудеса начались прямо с утра. Оказывается, все уже позавтракали остатками вчерашнего ужина. Недостаток планировали восполнить в городе, Ваен уверял, что знает пару приличных заведений.

— Я угощаю, — это Гунар вдруг вспомнил, что забыл нам рассказать о неожиданной подработке. В недрах нашлось немало артефактов, требующих реставрации, — легко пришло, пусть радостно уйдет.

Мы ехали в четырехместной коляске. Ваен верхом, на своем восхитительном караковом. Для Кире он тоже привел коня. Точнее, для степняка, но тот отказался — седло непривычное. Гунар, хоть и давно эмигрировал в Гулею, город знал неожиданно хорошо, его комментарии о владельцах красивых широкооконных домов были забавными. Мне эти имена ни о чем не говорили, но рассказ, как я поняла, предназначался преимущественно Саре. У этих двоих были общие воспоминания. Жаль, что мини-Сарочка не могла поддерживать беседу напрямую, а только при помощи Тишки. Мда, а звуковой картой мы наш артефакт не наделили. Кажется, даже не обсуждали, вот ведь! Но то, чего смог добиться Гунар и компания уже повышало качество жизни нашей подруги. А позже, может, и говорику придумаем, зря, что ли так живописала артефакт под названием телефон. Коварная, да.

Ах, как хорошо ехать вот так, без спешки, любоваться домами и мечтать, как станет солнечно и эти красивые окна подернутся вуалью легких штор, а потом, я очень в это верю, и более плотной защитой. Сидящий рядышком Тишка кинулся с обнимашками, заслонив Саре обзор. Пришлось ему скоренько брать себя в руки, наша призрачная подруга имела что сказать по этому поводу. Бедняжка и так страдала от постоянной тряски изображения. Надо как-то стабилизировать подвеску, действительно, Саре не может быть комфортно. Я дышу, шевелюсь, экипаж трясет, не асфальт чай, брусчатка. Как бы добиться эффекта невесомости для отдельно взятого предмета?

— Левитация! — Перед глазами так и стояли парящие следом за Рориром кочаны. Ой! Ой, голосочек-то у меня ого-го, даже лошади шарахнулись, не то, что пассажиры коляски.

— Нина хочет, чтобы Сарочку не трясло, — Тишка-толмач был крайне доволен своей полезностью семье. Ведь раньше он только

доставлял хлопот. Действительно, взрослеет.

— Гунар, ты сможешь?

— Сам должен был догадаться. Сейчас приедем, снимешь брошь, сделаю временное, это не сложно.

В ресторации, которую выбрал Ваен было довольнолюдно, насколько я понимаю, тут рядом что-то правительственное, вроде того департамента, где мне уже доводилось бывать. Вот служивый, неплохо обеспеченный народ и столовался.

Мы неудачно попали, к обеду, и долго ждали заказ. Гунар колдовал над брошью, остальные рассматривали публику. Мужчины, мужчины в штатском, мужчины в форме и ни одной дамы. А хотелось бы рассмотреть этих местных дам получше. Вкусу Нитты я доверяла, но мне нужен наряд, демонстрирующий статус. Вот покушаем и поедем смотреть на леди, планировалась прогулка в парке.

Мои не в меру колоритные спутники привлекают слишком много внимания. Какого черта я позволила нас притащить в эту пафосную столовку? Плащем я весьма довольна, но его пришлось снять! На нас косились, кто пренебрежительно, кто надменно, но пока вели себя в рамочках. Ваен сегодня просто денди в черном, и, кажется, хорошо известен местной публике. Благородная седина Гунара и фибула мага на его плече также не располагали к фривольности.

Кормили неплохо, но такой порции даже ребенку маловато, а потому весь стол был заставлен небольшими тарелочками и на каждой, новое блюдо. Я такое обилие только в японских фильмах видела. Нутес, попробуем.

Не уверена, что мне нравится так питаться. Нет, все вполне вкусно и даже экзотично, но это не еда, это дегустация. Кира с Дорашем, похоже, остались голодными. Ваен уже понял свою ошибку, и немного смущался.

— До дома потерпим, — высказал всеобщее мнение Тит. В ожидании десерта он демонстрировал Саре обстановку. Бежевый камень стен, затейливая бронза ограждения вип-зоны, в которой нам не нашлось места, свет над каждым столом, льющийся ниоткуда. Добротное и уныло, если бы не резные столбы, инкрустированные все той же бронзой. Одно радует, этикет здесь попроще, нет безумного количества приборов. Да тут и вилки-то еще двузубые, но изящные, это да.

Наше уединение внезапно нарушили. Не подавальщик. Двое в

черных коротких плащах. Ваен одет сегодня очень похоже и тоже при оружии. Он всегда при оружии, но не всегда это демонстрирует. Пришедшие синхронно изобразили удар кулаком в грудь, поздоровались, надо полагать, безразлично мазнули взглядом по мне и Тишке, заострили внимание на Кире и Доше, как-то не вербально сообщили, что оценили статус Гунара и сосредоточились на Ваене.

— Ваше высочество, — синхронный поклон, — необходимо ваше присутствие во дворце. Королю вдруг стало хуже.

Внезапная мертвенная бледность друга напугала до колик. Он вскочил, едва не опрокинув стул.

— Идем.

— Я с тобой! Гунар? — Люди в черном недовольно хмыкнули.

— Разумеется!

Мы с Гунаром хорошо работаем в паре, так что за жизнь величества еще поборемся. Статус Ваена сейчас удивил, но это можно пока отложить. Он наш друг и ему нужна помощь. Пока важно только это.

— Идем все, некогда разделяться. Капитан-наиб, позаботьтесь. — Кивок в сторону стола, надо полагать — команда оплатить.

У крыльца ресторации ждал целый отряд. Ехать на коне перед всадником мне совсем не понравилось. Сказали, что в коляске не пустят. Ладно, верю.

Конец первой книги.